

НАРЕЧИЯ

А.А. Шибанов

В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

оглол однажды, один раз

пумтэм-йылтэм бесконечно

дымбыр-дамбыр

чильк-вальк

жульыр-жалыр, вистэм-вожтэм

толбыт целую зиму

кужмысь насильно

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

А. А. ШИБАНОВ

НАРЕЧИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Екатеринбург–Ижевск
2012

УДК 81'366(=511.131)
ББК 81.2(2 Рос.Удм)
Ш 55

Научный редактор
кандидат филологических наук *Л. Е. Кириллова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент *Н. В. Кондратьева*,
кандидат филологических наук, доцент *О. Б. Стрелкова*

Шибанов А. А.

Ш 55 Наречия в удмуртском языке. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН,
2012. 192 с.

ISBN 978-5-7691-2324-5

Монография посвящена изучению категории наречия в современном удмуртском языке. Привлечение сравнительного материала из ряда родственных финно-угорских, а также неродственных языков, имеет целью проследить общие с ними явления в формировании этой части речи, выявить закономерности в лексическом использовании, в морфологическом оформлении и в синтаксическом употреблении наречий, которые характеризуют удмуртский язык в сравнении с другими языками. Наряду с этим затронута проблема морфологически недифференцированных слов удмуртского языка. Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке. Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка.

Монография адресована для широкого круга читателей: студентам, научным сотрудникам, работникам печати и всем интересующимся вопросами морфологии, синтаксиса и словообразования удмуртского языка. Представляет большой интерес для специалистов в области финно-угорской филологии.

ISBN 978-5-7691-2324-5

УДК 81'366(=511.131)
ББК 81.2(2 Рос.Удм)

© УИИЯЛ УрО РАН, 2012
© А. А. Шибанов, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
0. ВВЕДЕНИЕ	8
0.1. Признаки выделения наречия как части речи	8
0.2. История изучения наречий в удмуртском языке	16
ГЛАВА 1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ УДМУРТСКИХ НАРЕЧИЙ	32
1.1. обстоятельственные наречия	39
1.1.2. Наречия места	46
1.1.3. Причинно-целевые наречия	52
1.1.4. Многозначность обстоятельственных наречий	54
1.2. определительные наречия	55
1.2.2. Наречия степени	58
1.2.3. Наречия меры и количества	60
1.3. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова	62
1.4. К вопросу о категории состояния	68
ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАРЕЧИЙ	71
2.1. Словообразовательная система наречий удмуртского языка	71
2.1.1. Морфологический способ образования наречий. Аффиксация	76
2.1.1.1. Производные с суффиксом <i>-ак/-як</i>	77
2.1.1.2. Производные с суффиксом <i>-быт</i>	79
2.1.1.3. Производные с суффиксом <i>-скын</i>	80
2.1.1.4. Производные с суффиксом <i>-бытскын</i>	81
2.1.1.5. Производные с суффиксом <i>-ой (-ёй)</i>	82
2.1.1.6. Производные с суффиксом <i>-ойскын (-ёйскын)</i>	82
2.1.1.7. Производные с суффиксом <i>-эн (-ен), -ын</i>	83
2.1.1.8. Префиксальный способ образования наречий	84
2.1.1.8.1. Производные с префиксом <i>оло-</i>	84
2.1.1.8.2. Производные с префиксом <i>коть-</i>	86

2.1.1.8.3. Производные с префиксом <i>но-</i>	87
2.1.2. Синтаксический способ образования наречий	88
2.1.2.1. Образование наречий путем повторения или удвоения основ	88
2.1.2.2. Образование наречий через основослияния	95
2.1.2.3. Наречные выражения	99
2.1.3. Морфолого-синтаксический способ образования наречий	103
2.1.3.1. Адвербиализация	103
2.1.3.1.1. Инструменталь	103
2.1.3.1.2. Датив	104
2.1.3.1.3. Инессив	105
2.1.3.1.4. Элатив	106
2.1.3.1.5. Иллатив	107
2.1.3.1.6. Аппроксиматив	108
2.1.3.1.7. Эгрессив	109
2.1.3.1.8. Пролатив	110
2.1.3.1.9. Терминатив	111
2.1.3.1.10. Адвербиализация деепричастий	112
2.1.3.2. Конверсия	114
2.1.4. Заимствованные наречия	120
2.2. Некоторые морфологические признаки наречий	122
2.3. Степени сравнения наречий	124
2.4. Степени качества наречий	132
ГЛАВА 3. СИНТАКСИС НАРЕЧИЙ	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	158
ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	169
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	174
ПРИЛОЖЕНИЯ	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грамматика представляет собой собрание правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. В соответствии с этим грамматика подразделяется на два раздела: **морфологию** (греч. *morphe* – форма, *logos* – слово, учение) – собрание правил об изменении слов, т. е. учение о грамматической природе слова и его формах, и **синтаксис** (греч. *syntaxis* – сочетание, построение) – собрание правил о сочетании слов, т.е. учение о построении предложения.

Морфология является самостоятельным разделом общего учения о грамматическом строе языка и непосредственно изучает грамматические классы и разряды слов с присущими им грамматическими значениями и грамматическими формами.

К задачам морфологии относят следующие:

- 1) оценка слова как единицы грамматической системы языка;
- 2) установление принципов грамматической классификации слов;
- 3) выявление грамматических классов и разрядов слов на основе указанных принципов;
- 4) описание общих и частных грамматических значений, свойственных отдельным классам слов, и определение систем, реализующих указанные грамматические значения.

Задачи морфологии не ограничиваются изучением только форм слова и выражаемых ими общих грамматических значений. В морфологию включается учение о частях речи как лексико-грамматических категориях слов.

Положение наречия в грамматической и словообразовательной системе самых разных языков – индоевропейских, тюркских, финно-угорских и др., – связано, как указывают специальные исследования лингвистов, с длительным формированием этого класса слов в качестве самостоятельной части речи. Этот процесс в общем виде заключался в переносе адъективных характеристик ситуации, выраженных в имени или при имени, на глагол. По большей части, это не сопровождалось

выработкой собственных, т. е. наречных словообразовательных средств. Поэтому наречия в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, за исключением ряда производных наречий, имеющих специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи. Морфологически они трудно отличимы или совсем не отличимы, с одной стороны – от прилагательных, с другой – от локативных форм имен, а также от служебных частей речи, с третьей – от деепричастных форм глагола.

Категория наречия во многих языках является наиболее дискуссионной частью речи. Несмотря на то, что некоторые вопросы удмуртского наречия рассматривались в школьных и вузовских учебниках, научных статьях, наречие в удмуртском языке до настоящего времени системно не описано. Отсюда актуальность темы исследования, с одной стороны, в монографическом исследовании наречий в удмуртском языке, с другой – в создании единой концепции по данной грамматической категории, которая опирается на общую теорию частей речи, и на понимании, которое учитывает семантические, лексические, морфологические и синтаксические особенности удмуртского наречия.

Таким образом, выбор данной темы и ее актуальность обусловлены недостаточной изученностью этой сложной части речи в удмуртской морфологии.

Целью нашего исследования является анализ морфологических, семантических и синтаксических средств выражения категории наречия в удмуртском языке. Цель обусловила решение следующих важных задач:

1) проследить историю изучения наречий в удмуртском языке с первых грамматик (как письменных, так и рукописных) XVIII в. до настоящих дней;

2) дать анализ лексико-грамматической природы наречий удмуртского языка;

3) проанализировать словообразовательные особенности наречий;

4) дать полное описание систем категорий степеней сравнения и степеней качества наречий удмуртского языка;

5) по возможности выявить все синтаксические функции наречий удмуртского языка.

Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке. Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка. Все удмуртские примеры даны с переводом на русский язык. В тех случаях, когда смысловой перевод на русский язык далек от оригинала, дается буквальный перевод слова/конструкции.

Привлекаются материалы родственных финно-угорских языков, а также типологические параллели по неродственным языкам.

* * *

Хочется надеяться, что предлагаемая книга будет полезной для специалистов, занимающихся морфологией как удмуртского, так и других финно-угорских языков, для преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов, учителей школ и педучилищ, а также для всех, интересующихся вопросами грамматики. Автор выражает глубокую благодарность руководству Уральского отделения РАН, директору Удмуртского института истории, языка и литературы – доктору исторических наук А. Е. Загребину, своим коллегам, лингвистам отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания, кафедре общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, а также рецензентам – доктору филологических наук Н. В. Кондратьевой, кандидату филологических наук О. Б. Стрелковой. Особую признательность хочется выразить своему научному руководителю доктору филологических наук, профессору И. В. Тарakanову за всестороннюю поддержку и ценные советы при написании диссертации, ставшей основой для данной работы. Хочу сердечно поблагодарить научного редактора – кандидата филологических наук Л. Е. Кириллову – за важные замечания и ценные рекомендации, способствовавшие улучшению качества работы.

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Признаки выделения наречия как части речи

В античном и средневековом языкознании содержание понятия «наречие» сводилось к логической сути слова прилагалие – *adverbium*. «Слово наречие (греч. *epirrēma*, латинск. *adverbium*) собственно значит прилагалие (от *gēma*, *verbum* – глагол). Но еще А. А. Барсов в своей грамматике (XVIII в.) отмечал, что этимологический смысл термина наречие не соответствует позднейшим функциям этой категории: наречия относятся не только к глаголам, но и к другим частям речи» (цит. по: [Виноградов 1972: 272]).

М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» указывал, что наречия, выполняя функции обстоятельств, содержат в себе и идею обобщения [Ломоносов 1755: 180].

Основными частями речи он считал имя существительное и глагол, обо всех остальных частях речи судил по их служебным функциям по отношению к основным. К этому сводятся и его суждения о местоимениях, наречиях и междометиях, которые он объединяет по общности их основной функции – выражения краткости в передаче мысли.

Определение, данное М. В. Ломоносовым обобщающей роли наречий, ведущей к лаконичности выражения мысли, было положительным шагом в учении о частях речи, по сравнению с традициями античного языкознания.

Однако в последующих работах по русскому языку, вплоть до середины XIX века, наблюдалась некоторая хаотичность и дифференциация частей речи, преобладало определение их сущности с точки зрения только логического содержания слова. Лишь в зависимости от вещественного значения слова части речи делились на знаменательные и служебные. Не было теоретического осмысления сущности той или иной части речи как грамматической категории.

Поэтому наречие в русском языке долгое время оставалось без определенного места в ряду знаменательных или служебных слов.

Одни ученые относили наречие к служебным частям речи по признаку неизменяемости. Другие считали наречие промежуточной категорией между знаменательными и служебными частями речи: наречия, образованные от знаменательных частей речи, относились к знаменательным, а наречия, происхождение которых трудно было установить, относились к служебным частям речи.

Вопрос о частях речи занимает умы ученых с древнейших времен. Исследованиями в данной области занимались Аристотель, Яска, Панини, в русской лингвистике – Ф. И. Буслаев, К. С. Аксаков, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук и др., в тюркологии – Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, Н. И. Ашмарин, Н. А. Баскаков и др., в финно-угроведении – Й. Балашша, Д. В. Бубрих, М. Д. Имайкина, Н. А. Колегова, К. Е. Майтинская, Г. В. Федюнева, D. Mátaí Mária и др.

С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка. Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, т. е. выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризующихся теми или иными признаками. Но на каком основании выделяют группировки слов, называемые частями речи?

Высказывания по вопросу о том, на чем основано распределение слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, но очень часто эти признаки не ясны или суждения о них весьма противоречивы.

Выделяются отдельные части речи на основании присущего словам, относимым к данной группировке слов, одного ведущего признака, или они выделяются на основании совокупности разнообразных признаков, из которых ни один нельзя назвать ведущим? Если верно первое, то что является ведущим признаком? Лексическое значение слова? Заключенная в нем логическая категория? Его связь с грамматической категорией? Его морфологическая природа? Его синтаксическая функция? и т. д.

«Иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи, по-разному понимается в разных лингвистических школах. Традиционно на первый план выдвигались морфологические признаки, что обусловлено ориентацией европейского языкознания на флективные и агглютинативные языки. Расширение типологической перспективы привело к осознанию неуниверсального характера морфологических признаков. При типологическом анализе универсальное определение частей речи основывается на синтаксических характеристиках, тогда как морфологические параметры выступают в качестве дополнительных,

значимых для флективных и агглютинативных языков. В качестве дополнительных выступают и семантические свойства, существенные прежде всего для идентификации частей речи в разных языках» [ЛЭС 1990: 578].

Морфологический подход к выявлению частей речи полностью удовлетворить не может. При определении частей речи по грамматическим формам даже в языках, богатых формами словоизменения, за пределами остаются слова, лишённые этих форм, так как во всех известных науке языках имеются неизменяемые неоднородные по составу слова (наречия, частицы, междометия). По словам И. Г. Милославского [1981: 39], собственно морфологический подход к выделению частей речи остается совершенно бессильным по отношению к неизменяемым словам. Здесь возможны только семантический и синтаксический подходы.

Даже в языках, богатых формами словоизменения, установление частей речи через частнограмматические категории не всегда возможно. Например, можно ли говорить, как мы привыкли, что существительному свойственна категория грамматического рода, если в большинстве языков мира этой категории нет. Или еще пример: при бесспорном наличии прилагательных в русском и турецком языках по частнограмматическим категориям и по морфологической структуре они различны. Частнограмматическими категориями прилагательного в русском языке являются категории падежа, числа и согласовательного класса (как соединение грамматических категорий рода и одушевленности – неодушевленности), т. е. те же частнограмматические категории, которые характерны и для русского существительного. Турецкое же прилагательное не имеет ни одной частнограмматической категории, свойственной прилагательному в русском языке.

Критерий словоизменения при установлении частей речи оправдывает себя частично в морфологически развитых языках.

Словообразовательные процессы не всегда влияют на принадлежность слова к той или иной части речи. Разные по производству слова могут относиться к одной части речи (*лес, лесник, лесничий, перелесок, лесничество* и др.), а слова, подобные по словообразованию, могут не принадлежать к одной части речи (*хороший, зрячий, большая* – прилагательные; *рабочий, лесничий, столовая* – существительные).

Синтаксические критерии установления частей речи основаны на том, что члены предложения и части речи выявляются по одним и тем же грамматическим категориям. Но если, например, существительное как часть речи связано с категорией грамматического подлежащего,

а через него и с категорией субъекта логического суждения, то следует заметить: субъект выражается в речи чаще всего формой грамматического подлежащего, а функции существительных шире и разнообразнее. В большинстве языков существительные могут выступать в качестве любого члена предложения. При этом у различных частей речи наблюдается сходство в синтаксических функциях. Так, в русском языке обстоятельство образа действия может выражаться наречием или конструкцией с существительным. Или, например, прилагательные китайского языка сходны по синтаксической функции с глаголами, существительными и особенно с числительными.

Таким образом, ни частнограмматические формы и значения слов, ни их типы словообразования, ни их синтаксические функции сами по себе не выступают определяющими при отнесении слова к определенной части речи. Части речи – каждая по-своему и в различных языках по-разному – морфологичны или неморфологичны, синтаксичны, в известном смысле логичны. Подтверждением этому являются слова академика Л. В. Щербы. В своей работе «О частях речи в русском языке» он пишет: «В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в “классификации”, – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» [Щерба 1957: 64].

Эти слова знаменитого русского ученого обязывают нас разыскивать принципы классификации слов, исходя из языковой системы любого языка, в том числе и удмуртского.

«Положение об отсутствии универсальных признаков для установления частей речи указывает на то, что часть речи одного языка характеризуется наличием одних грамматических категорий, и та же часть речи в другом – наличием других категорий.

Так, например, если для мордовских языков грамматическая категория сравнительной степени характерна для качественного прилагательного и качественного наречия, то в коми-зырянском языке сравнительная степень присуща всем знаменательным частям речи, поэтому она там вовсе не является характерным признаком прилагательного и наречия» [ГМЯ 1962: 68].

Какие же критерии выделения частей речи могут быть общими для всех известных науке языков?

Природа частей речи лингвистическая и общая для всех языков, как общи пути развития человеческого мышления. Некоторые ученые связывали общеграмматические значения частей речи с некоторыми категориями мышления (субстанция, качество, количество и др.). Наиболее ярким опознавательным признаком частей речи выступает лексическое значение слова. Например, если мы знаем, что *какаду* – название птицы, то мы не ищем формальных признаков для того, чтобы сказать, что это слово является существительным. По лексическим значениям путем подведения их под одно из общеграмматических значений слов, определяется принадлежность слова к той или иной части речи.

Как свидетельствуют исследования частей речи в самых различных, родственных и неродственных языках, части речи при всем их своеобразии в языках различных типов выступают как наиболее общие и универсальные явления в грамматической системе языков. Общеграмматические значения частей речи безусловно связаны с общечеловеческими формами и законами мышления, отразившимися в наиболее существенных явлениях языковой системы.

В. В. Виноградов [1972: 38] отмечает: «Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи».

В целом, присоединяясь к мнению о важности учета совокупности всех классификационных признаков, хотелось бы конкретизировать некоторые обстоятельства этого комплексного подхода.

Для имени существительного ведущим критерием надо считать его обобщенное значение предметности, т. е. семантику слова. Морфологический признак имеет дополнительное, вспомогательное значение, потому что ни форма словоизменения, ни форма словообразования не могут сами по себе определить принадлежность слова к имени существительному, если в нем не обнаруживается конкретное или абстрактное значение предметности. Например, в удмуртском языке:

1. *пыд* ‘нога’ – имя сущ.

пыдэс ‘дно’ – имя сущ.

2. *урд* ‘ребро’ – имя сущ.

урдэс ‘бок, набок’ – имя сущ. || наречие

Слово с суффиксом *-эс* в первом случае является именем существительным, во втором случае оно омонимично может употребляться и в значении наречия. Таким образом, по наличию аффикса *-эс* невозможно определить принадлежность слова к той или иной категории. Если слово с аффиксом *-эс* обозначает предмет или отвлеченное название явления или процесса, то оно является существительным, если же слово при наличии того или иного суффикса обозначает признак действия, то оно является наречием.

Для прилагательных важным фактором является обобщенное значение атрибутивности, причем, атрибутивности отдельно взятого слова вне контекста. Здесь имеется в виду ведущее положение семантического признака для одной группы прилагательных, в то время как для другой части прилагательных решающим является форма слова. Наиболее характерно это проявляется на разграничении непроемных и производных прилагательных. Непроемные прилагательные (*тöдды* 'белый', *сьöд* 'черный', *чебер* 'красивый', *нап* 'густой', *кизер* 'жидкий', *кузь* 'длинный', *вакчи* 'короткий', *курым* 'горький', *наськыт* 'широкий' и т. д.) причисляются к прилагательным только своим значением, не имея никаких формальных показателей. Они выделяются только способностью обозначать различные качества, свойства и признаки предметов.

В производных же прилагательных семантика слова является результатом сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Иначе говоря, значения признака или качества производных прилагательных (*визьмо* 'умный', *кужмо* 'сильный', *тушо* 'бородатый' и т. д.) исходят из формальной структуры слова, и поэтому существенное значение имеет в данном случае морфологический признак (словообразовательный).

Для местоимений при общем подходе важен прежде всего семантический критерий, ибо в системе местоимений нет ни одного словообразовательного или словоизменительного признака, который был бы присущ всем местоимениям в одинаковой степени или который был бы специфичной чертой только местоимений. Поэтому морфологические признаки не являются для местоимений категориальными признаками, они лишь осуществляют грамматическую связь местоимений с другими словами. Семантика же местоимения раскрывается в контексте.

Числительные, главным образом, выделяются на основе выражения обобщенной идеи числа или количественного признака предмета. Но для них, как и для местоимений, важное значение имеет контекст употребления, ибо как пишет К. М. Мусаев: «Числительные конкретизи-

руются лишь в речи, обозначая количественный признак какого-нибудь предмета. Вне речи числительные обозначают понятия абсолютных и отвлеченных количественных величин, что и составляет их особое грамматическое значение» [Мусаев 1964: 198]. Морфологические показатели играют роль только при делении числительных на разряды.

На наш взгляд, принципы выделения наречия в самостоятельную часть речи в удмуртском языке тоже соотносительны с особенностями этого языка. Они складываются из общности и единства трех измерений: 1) лексического значения слова, что предполагает лексическую самостоятельность наречий, как слов со смысловым значением, указывающим на время, место, причину, цель и образ действия; 2) морфологической структуры наречий, которая складывается из: а) отсутствия форм словоизменения; б) наличия собственной системы словообразовательных средств и в) соотносительности наречий с другими частями речи; 3) синтаксической функции обстоятельственного слова в предложении.

Признаки наречий не только взаимосвязаны, но главное в том, что каждый из них (признаков) играет особую роль в формировании этой части речи: при общности семантического критерия значение признака действия в разных грамматических ситуациях проявляется по-разному.

I. Часть наречий, которые с точки зрения современного языка считаются первообразными или имеют в своем составе какие-либо ныне непродуктивные архаические компоненты¹ (*кымин* 'ничком, навзничь', *мышкин* 'спиной', *лашкинэн* 'галопом', *кыдёкын* 'далеко, вдали', *матын* 'близко, вблизи', *отын* 'там' и др.) выделяются в особую группу в контексте и вне контекста, в любой ситуации только своим лексико-семантическим признаком. В данном случае все другие признаки становятся второстепенными, т. е. сам приоритет семантики порождает такие качества слов, как неизменяемость и функцию обстоятельства в предложении.

II. Часть производных наречий закрепляет за собой значение выразителей качества действий в результате сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Такими средствами в удмуртском языке являются суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*). Присоединяясь к различным основам, эти аффиксы образуют наречия (*шонерак* 'прямо, напрямик', *шорияк*

¹ «Сравнительно большая группа наречий (в основном наречия времени и места) представляют собой исторически застывшие формы имен и местоимений в отдельных косвенных падежах» [ГСУЯ 1962: 294].

‘пополам’, *арбыт* ‘весь год’, *гужембыт* ‘все лето’, *арняскын* ‘за неделю’, *минутскын* ‘за минуту’, *дасой* ‘около десяти дней, в десять дней’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней, за пять дней’ и др.). В сфере наречий это тот случай, когда «словообразовательные приметы обычно являются и категориальными приметами, т. е. позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи» [Кубрякова 1965: 10].

III. Большая группа наречий (таких, как: *кужмысь* ‘насиленно’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’, *бечолоен* ‘цугом’, *пыдын* ‘пешком’ и др.), будучи формально связана со словоизменительными категориями различных частей речи, приобрела наречное значение благодаря только своей способности постоянно употребляться в синтаксической функции обстоятельств. Как видно из примеров, эти слова внешне представляют собой падежные формы имен существительных. Главным отличительным признаком является то, что их значение раскрывается только в контексте. Именно в составе предложения обнаруживается, что эти слова не имеют конкретного вещественного значения, а выражают различные обстоятельственные отношения и изолируются из системы словоизменения. По словам Н. К. Дмитриева [1948: 117], при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате появляется новое слово, только этимологически связанное с основным существительным. Таким образом, в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельств целый ряд слов утрачивает грамматические признаки имен и развивает в себе признаки новой грамматической категории – наречий.

Н. К. Дмитриев писал: «Ведь к каждому, даже впервые изучаемому языку, мы неизбежно подходим с точки зрения определенной грамматической категории. Если та или иная языковая форма представляет нечто новое, то она тем самым пополняет имеющуюся грамматическую схему. Такое единство языкового метода, единство языковых определений является наиболее эффективным средством, которое позволяет анализировать специфику грамматического строя, во всей широте его проявлений по отдельным языкам» [Дмитриев 1962: 44].

Итак, наречия в удмуртском языке представляют собой самостоятельный разряд слов, выделяемых на основе специальных лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков.

С лексико-семантической точки зрения они служат для качественной характеристики действия или состояния и выражают временные, пространственные, обстоятельственные, причинно-целевые и другие отношения. Морфологически они неизменяемы, имеют ряд специфических словообразовательных формантов и этимологически соотносительны с другими частями речи. Синтаксически наречия выполняют обстоятельную функцию и определяют глагол.

0.2. История изучения наречий в удмуртском языке

Первое упоминание об удмуртских наречиях мы встречаем в грамматике удмуртского языка 1775 года (Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка), дату выхода которой многие исследователи [Пономарев 1976: 6; Алатырев 1976: 21; Ермаков 1976: 83; Ванюшев 1993: 295] соотносят с возникновением удмуртской письменности и удмуртского языкознания. Другие [Тараканов 2000: 539; Кельмаков 2001а: 6; 2001б: 12; 2002: 115; 2008: 30], напротив, временем возникновения удмуртской письменности считают начало XVIII в., аргументируя данное положение тем, что временем возникновения письменности любого народа считается та дата, когда была произведена первая запись слов на его языке, независимо от того, была издана грамматика этого языка или нет.

Грамматика начинается с рассуждения о том, что удмуртский язык состоит «из осьми частей речи». За главами «О склоненіи», «О именахъ прилагательныхъ», «О именахъ числительныхъ», «О склоненіи мѣстоименій», «О спряженіи глаголовъ», «Глаголь существительный» следует глава, посвященная наречиям «Нарѣчій», состоящая из перечисленных в два столбца слов: слева дается удмуртское слово, справа – русский перевод (см. Приложение 1). Определение наречиям не дано.

По мнению В. И. Алатырева, в указанной грамматике отмечены все основные разряды наречий: а) наречия места: *отысь* ‘оттуда’, *татысь* ‘здесь’ и т. д.; б) наречия времени: *туннэ* ‘сегодня’, *џуказе* ‘завтра’ и т. д.; в) наречия меры, степени: *ятырь* и *уно* ‘много’, *быдэскынъ* ‘в целом, совсем’ и т. д.; г) наречия способа и образа действия: *кызи* ‘как’, *мырденъ* ‘кое-как, с трудом’ и т. д. Но встречаются случаи, когда в число наречий ошибочно включены слова, относящиеся к другим частям речи, например: *со* ‘он, тот’, *пот* (императив от глагола *потыны* ‘выходить, выйти’) ‘выходи, выйди’, *быръитэкъ* (деепричастие) ‘не выбирая’ и др. [Алатырев 1975: 13–14].

Нами выявлены также ошибочные включения в категорию наречий некоторых других слов и словосочетаний:

а) частицы: *од* ‘да’ [Там же: 109], *эвэлъ* ‘нѣтъ’ [Там же: 109], *а* ‘или, ли’ [Там же: 112], *я* ‘ну’ [Там же: 112];

б) междометие *ой* или *обебъ* ‘ой больно’ [Там же: 112];

в) словосочетания типа: *нимаръ сямѣнно* (лит. *немыр сямэн но*) ‘ни коим образом’ [Там же: 109], *сомындагинеа* (лит. *со мында гинэ-а*) ‘не только ли’ [Там же: 109], *одыгѣнъ дырья* (лит. *одйген дырья*) ‘на единѣ’ [Там же: 109], *эсѣтъ картукъ* ‘не разсудно’ [Там же: 109] (по примечанию В. И. Алатырева «второе слово с опечаткой, следует: *карытэкъ* (букв. ‘не делаю’)» [Алатырев 1975: 15]), *уажикъ дырья* ‘древле, встарину, искони’ [Соч. 1975: 109], *буръ палѣкутъ* (лит. *бур палэ кут*) ‘правую сторону держи’ [Там же: 111], *тужъ окмозъ* ‘довольно будетъ’ [Там же: 111], *одыкъ полъ* ‘единою, единожды’ [Там же: 111], *кыкъ полъ* ‘дважды’ [Там же: 111], *квинъ полъ* ‘трижды’ [Там же: 111], *нилъ полъ* ‘четырежды’ [Там же: 111], *витъ полъ* ‘пять разъ’ [Там же: 111], *сюполъ* ‘сто разъ, стократно’ [Там же: 111], *солыбэрысь* (лит. *собере*) ‘по семь, послѣ того’ [Там же: 111], *мызонъ сямэн* ‘иначе’ [Там же: 111].

Определенный материал по удмуртским наречиям представлен в удмуртско-русском словаре под названием «Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года», составленном в 1785 году и изданном лишь в 1995 году. С точки зрения морфологии рассматриваемый словарь интересен тем, что у большинства представленных слов имеются какие-либо грамматические указания: для имен существительных – суффикс родительного падежа *-лѣнъ*; для глаголов – спряжение и т. д. Наречия в словаре отмечены пометой «нарѣчіе» (см. Приложение 2).

В этом словаре, как и в предыдущей работе, встречается немало случаев ошибочного отнесения к наречиям слов других лексико-грамматических групп, в частности:

1) деепричастий: *валаса* ‘совниманіемъ’ [Кротовъ 1785: 20], *дугъ дытѣкъ* ‘непрестанно, непрестанный’ [Там же: 55], *жалятѣкъ* ‘нежалостно’ [Там же: 61], *зекъ яскыса* ‘гордо’ [Там же: 64], *исаскытѣкъ* ‘безшутокъ’ [Там же: 69], *кузмаса* ‘даромъ’ [Там же: 99], *кулытѣкъ* ‘безсмертно’ [Там же: 101], *люкаса люкаса* ‘кучами, грудно’ [Там же: 128], *могаса* ‘медленно’ [Там же: 135], *могатѣкъ* ‘немедленно’ [Там же: 135], *мырдьяса* ‘насилъно’ [Там же: 143], *синкыртышитыса* ‘въ мигъ’ [Там же: 199], *суратѣкъ* ‘безпримѣсу’ [Там же: 205], *сюлмаскитѣкъ* ‘безсомнѣнія’ [Там же: 210], *ушитѣкъ* ‘безразбору’ [Там же: 246], *уцъраса* ‘послучаю’ [Там же: 247], *шумъпотыса* ‘съ охотою’ [Там же: 270];

2) словосочетаний с местоимением *ас*, *ачим*: *ас(в?)актáзь* (лит. *ас вактаз*) ‘безъ ума какъ скотина’ [Там же: 6], *асламъ сямёнъ* ‘побратски’ [Там же: 6], *ас визмынъыз* ‘наизусть’ [Там же: 7];

3) числительных с компонентом *пол*: *кызьпóль* ‘двадцатью’ [Там же: 108], *кыкьпóль* ‘дважды’ [Там же: 110], *ниль поль* ‘четырежды’ [Там же: 146], *тямысь пóль* ‘осмью’ [Там же: 229];

4) существительных: *мыль-кыдámъ* ‘пожеланию’ [Там же: 141], *приданкатékъ* ‘безприданова’ [Там же: 176], *шудáзь* ‘напользу’ [Там же: 267], *шудámъ* ‘впользу’ [Там же: 267];

5) послелога *сямёнъ* ‘извѣстно, наподобіе, вправду, подлинно’ [Там же: 213] и сочетаний с данным послелогом: *кыйкаи-сямёнъ* ‘звѣрски’ [Там же: 109], *кышино сямёнъ* ‘женски, поженски’ [Там же: 117], *мукётъ сямёнъ* ‘иначе, инымъ образомъ’ [Там же: 138], *орцибнь сямень* ‘мимоходомъ’ [Там же: 158];

6) причастия *быдѣстемъ* ‘совершенно’ [Там же: 17].

Как и в первой грамматике 1775 года, в словаре З. Кротова ошибочно отнесены к наречиям сочетания типа: *бень кинь кинь* ‘а именно’ [Там же: 10], *вожь лыктёмъ* ‘гневно’ [Там же: 27], *всякой палась* ‘отвсюду’ [Там же: 32], *дзець бырьёмъ* ‘преизбранно’ [Там же: 49], *дзець мылкытъ понна* ‘добровольно’ [Там же: 51], *каръ нуналь* ‘по(?)я дни’ [Там же: 76], *кемá карыса* ‘продолжительно’ [Там же: 83], *кемалась эвиль* ‘недавно’ [Там же: 84], *лякытъ кыллэмъ вуремъ* ‘краснорѣчиво’ [Там же: 130], *макѣ дырья* ‘въ нѣкоторое время’ [Там же: 131], *мукётъ азѣ* ‘инуда’ [Там же: 137] (*прим.* инуда – иной [Даль 1955: 47]), *мукётъ азинъ* ‘инде’ [Кротов: 137] (*прим.* индѣ – иной [Даль 1955: 44]), *мукётъ интиазысь* (лит. *мукет инты азысь*) ‘изъ инова мѣста’ [Кротов: 137], *олло кудъ дырья* ‘въ нѣкое время’ [Там же: 156], *тужь йирь куръ* ‘обидно’ [Там же: 221], *тужь лесіон* ‘наипаче’ [Там же: 221].

В другом рукописном труде XVIII века под названием «Краткой отяцкія грамматики опытъ» (1786), автором которого является М. Могилин, наречиям посвящена отдельная глава «О наречіи». Материал по данной лексико-грамматической группе слов представлен на 7 страницах. Глава начинается с определения наречия: «Нарѣчіе есть простая и несклоняемая часть слова, которая кладется при глаголахъ и именахъ для большаго смысла изъясненія». Далее следует фактический лексический материал (подробнее см. Приложение 3).

В отличие от словаря З. Кротова (1785) и перечня слов, представленных в «Сочиненіях...» (1775), в грамматике М. Могилина встречается гораздо меньше лексических несоответствий, не относящихся к категории наречия:

1) модальные слова: *вылды́* ‘иногда’ [Могилин 1786: 98], *яралóз* ‘изрядно’ [Там же: 98], *сябáсь* ‘рѣчь поздравительная въ компаниі за здравіе другъ друга’ [Там же: 104], *Кужмóлы* ‘богъ на помощь, говори[т]ся на работах’ [Там же: 104], *та́у* ‘рѣчь благодарности’ [Там же: 104];

2) послеложно-личные местоимения: *куспамъ* ‘межь собой’ [Там же: 99], *куспáдь* ‘тоже’ (по-видимому автор переводит данное слово как предыдущее ‘межь собой’) [Там же: 99];

3) послелог *сямѣнь* ‘право, истинно’ [Там же: 103];

4) вспомогательные глаголы отрицания: *эй, эзь* ‘нѣтъ’ [Там же: 99], *угъ, умъ, узъ* ‘нѣтъ никакъ’ [Там же: 99];

5) отрицательная частица *эвьель* ‘нѣтъ’ [Там же: 99];

6) а) словосочетания и выражения: *сойзь-увáнь* ‘сирѣчь, то-есть’ [Там же: 99], *чикъ эвьенни* ‘ни мало, ничего’ [Там же: 99], *чикъ-воскитѣкъ* ‘безъ разбору’ [Там же: 99];

б) словосочетания с причастием *орцемъ*: *орцемъ-тульíсь* ‘веснусь’ [Там же: 104], *орцемъ-сизиль* ‘осенесь’ [Там же: 101], *орцемъ-гужемъ* ‘лѣтось’ [Там же: 101].

В 1851 г. Ф. Й. Видеманном была опубликована книга под названием «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» [Wiedemann 1851], представляющая собой первую научную грамматику удмуртского языка². Источником для написания данного исследования, как указывает автор в предисловии, послужили четыре Евангелия (от «Матвея», «Марка», «Иоанна», «Луки»), составленные на елабужском, глазовском и сарапульском диалектах. Опираясь на имеющиеся материалы по вышеуказанным диалектам, Ф. Й. Видеманн довольно обстоятельно описал фонетику, морфологию, синтаксис удмуртского языка. Удмуртский материал, представленный в грамматике, детально проанализирован И. В. Таракановым [1959: 148–166].

Наречия рассматриваются с 211 по 224 параграфы [Wiedemann 1851: 218–247]. Автор впервые указывает на то, что одно и то же слово в удмуртском языке может выступать и в качестве наречия, и в качестве прилагательного, и в качестве существительного.

Приведенная классификация наречий по семантическим признакам выделяет три их основные группы:

1. Коррелятивные наречия места (Correlative Adverbe des Ortes):

² Следует отметить, что через 14 лет была опубликована грамматика мордовского языка с подобным названием «Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch» [Wiedemann 1865].

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *kij̄t̄iŋ*³ ‘где’, *kij̄t̄č̄i* ‘куда’, *kij̄t̄is̄* ‘откуда’, *kij̄t̄č̄i*oz’ ‘докуда’;

б) указательные (Demonstrative): *ot̄iŋ* ‘там’, *ot̄č̄i* ‘туда’, *ot̄is̄* ‘оттуда’, *tat̄iŋ* ‘здесь’, *tat̄č̄i* ‘сюда’, *tat̄is̄* ‘отсюда’;

в) отрицательные (Negative).

Как отмечает Ф. Й. Видеманн, данная подгруппа наречий образуется с помощью отрицательных приставок («negativen Pronomina») **no-** или **n'eno-** (*nokij̄t̄iŋ* (*n'enokij̄t̄iŋ*) ‘нигде’, *nokij̄t̄č̄i* ‘никуда’, *nokij̄t̄is̄* ‘ниоткуда’) и с помощью употребления **no** в постпозиции (*nokij̄t̄iŋ-no* (*n'enokij̄t̄iŋ-no*) ‘нигде’) [Wiedemann 1851: 221].

2. Коррелятивные наречия времени (Correlative Adverbe der Zeit):

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *ku* ‘когда’, *kij̄z̄'i* ‘как’;

б) указательные (Demonstrative): *soku* ‘тогда’;

в) отрицательные (Negative): *noku-no* (*n'enoku-no*) ‘никогда’.

3. Наречия образа и способа действия (Adverbe der Art und Weise):

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *kij̄z̄'i* ‘как’, *ken'a* ‘сколько’;

б) указательные (Demonstrative): *oz'i*, *oz'* ‘так’, *taz'*, *taz'i* ‘так’, *sokem* ‘столько’;

в) отрицательные (Negative): *nokij̄z̄'i* (*n'enokij̄z̄'i*) ‘никогда’ или *nokij̄z̄'i-no* (*n'enokij̄z̄'i-no*).

В приведенном автором списке наречий, расположенном в алфавитном порядке и включающем свыше 180 примеров, встречаются неточности в отношении принадлежности некоторых групп слов к наречиям, в частности:

а) деепричастия *žegatek* ‘не задерживаясь’ (перевод авт. на нем. ‘ohne zu warten’ [Wiedemann 1851: 239], *šed'itek* ‘не попав’ (перевод авт. на нем. ‘ohne einzuhalten’ [Wiedemann 1851: 244];

б) послелога *mjnda* ‘около, примерно’ (‘etwa, vielleicht’) [Wiedemann 1851: 230];

в) частиц: выделительно-ограничительной *gine* ‘только’ (‘nur, ungefähr’) [1851: 226], вопросительной *šat* ‘разве’ (‘so, ebenfalls’) [Wiedemann 1851: 226], усилительно-соотносительной *in'i* ‘уж, уже’ (‘schon’) [Wiedemann 1851: 227].

Приведенная классификация наречий интересна тем, что автор относит к ним лишь так называемые «местоименные наречия».

³ Все примеры даны нами в современной фонематической транскрипции, т. к. передача графики Ф. Й. Видеманна представляет собой сложность в техническом плане.

Несколько иная классификация наречий представлена в другой работе Ф. Й. Видеманна «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» («Грамматика коми языка с учетом его диалектов и удмуртского языка») [1884], являющейся первой сопоставительной грамматикой двух близкородственных языков. Автор отмечает, что первоначальных наречий в коми и удмуртском языках очень мало, а большинство наречий – это формы различных падежей [Wiedemann1884: 219]. Все наречия разделены на три основных группы:

I. Коррелятивные наречия (Correlative Adverbe):

1) наречия места (des Ortes): *tani* ‘вот’, *tatyn* ‘здесь’, *oti* ‘по тому месту, там’ и др.; 2) наречия времени (der Zeit): *sokuik* ‘тогда же’; 3) наречия способа (der Weise): *ози* ‘так’, *о́з* ‘так’, *озien* ‘таким образом’ и др.

II. Некоррелятивные наречия (Nicht correlative Adverbe):

1) наречия места (des Ortes): *arte* ‘рядом’, *azlo* ‘раньше’, *olan talań* ‘туда-сюда’ и др.; 2) наречия времени (der Zeit): *ali* ‘сейчас’, *asku* ‘завтра’, *nunaže* ‘днем’ и др.; 3) наречия способа (der Weise): *puden* ‘пешком’, *tšoťš* ‘вместе’, *aldaur* ‘напрано, зря’ и др.; 4) наречия неопределенности (der Ungewissheit): *olo* ‘может быть’; 5) усилительные наречия (Steigernd): *tuž* ‘очень’, *lōkos* ‘очень’, *ukata* ‘очень’ и др.; 6) наречия ограничения (Beschränkend): *gyne* ‘только’; 7) указывающие наречия (Hinweisend): *ved’* ‘ведь’, *veť* ‘ведь’, *ugoi* ‘ведь, же’; 8) вопросительные наречия (der Frage): *a* ‘а; ли’, *ama* ‘ли’, *ja* ‘ладно’, *va* ‘ли’; 9) наречия отрицания (der Verneinung): *övöl* ‘нет’, *no* ‘ни’, *nenö* ‘ни’; 10) наречия уверения (der Versicherung): *ози* ‘так’, *oo* ‘ладно’, *ja* ‘ладно’.

III. Наречные выражения (Adverbiale redensarten): *až-pala* ‘вперед’, *až-vyl* ‘раньше’, *bydesik* ‘целиком’, *ulyń* ‘внизу’, *ylýs* ‘снизу’ и др. [Wiedemann 1884: 219–230].

В 1896 г. Ю. Вихманном была опубликована работа финского ученого Т. Г. Аминоффа, занимавшегося в свое время сбором и публикацией текстовых и лексических материалов по различным удмуртским диалектам, под названием «Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos» («Эскизы по фонетике и морфологии удмуртского языка»).

В начале раздела по морфологии отмечено, что четкого разграничения между большинством частей речи в удмуртском языке не существует. В качестве примеров приведены слова *bur* ‘хорошо; доброта’ и *šońer* ‘правильный; правильно’ [Aminoff 1896: 20].

К сожалению, наречия в данной работе не выделены в отдельный раздел, они предсталены в главе «Склонение существительных». Все наречия, образованные способом адвербиализации, автор рассматривает

как существительные, при этом выделяя их основу + падежный суффикс [Aminoff 1896: 24–27].

Обстоятельства места в удмуртском языке рассмотрены в труде Д. Р. Фокоша-Фукса «A lokativusz-féle határozók a votjákban» [Fuchs 1906], напечатанном в известном венгерском издании «Nyelvtudományi Közlemények».

Формы на *-ti*, *-ti* (к. *kīten* ‘где’, удм. *kītiś* ‘откуда’, к. *seten* ‘там’, *taten* ‘сдесь’, удм. *tatiñ* ‘сдесь’, *otiñ* ‘там’) в коми и удмуртском языках рассматривает Ю. Вихманн в своей работе «Zur permischen grammatik» («К пермской грамматике»), отмечая, что они состоят из двух локативных элементов – *t* и *i* [Wichmann 1924: 158].

Бесспорно, что огромным вкладом в удмуртскую лингвистику стали и такие лексикографические труды, как «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhangе und einem deutschen Register» [Wiedemann 1880], «A votják nyelv szótára» [Munkacsı 1896], «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» [Wichmann 1901] и «Wotjakischer Wortschatz» [Wichmann 1987]. Зачастую авторы этих словарей не указывают принадлежность слов к той или иной части речи.

Среди первых отечественных грамматик, имеющих прямое отношение к теме нашего исследования, следует отметить работу П. П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» [1921]. В предисловии к грамматике автор объясняет свою задачу – это указание основных законов удмуртского языка. П. П. Глезденев в работе обращает внимание и на наличие в удмуртском языке омонимичных частей речи. Понимая проблему дифференциации омонимичных слов, автор пытается выявить принципы их разграничения. В частности, он пишет, что прилагательные качественные могут служить наречиями. В этих случаях они в предложении занимают место около сказуемого [Глезденев 1921: 41].

Автором отмечено, что наречия служат для пояснения различных частей речи, среди которых выделяются следующие: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) имя числительное, 4) местоимение, 5) глагол и 6) другое наречие [Глезденев 1921: 40].

В предложенной П. П. Глезденевым классификации названы следующие разряды наречий:

- 1) наречия образа действия (*берен, вамен, умой, умойтэм* и т. д.);
- 2) наречия места (*азь, азьлань, артэ, дорын* и т. д.);
- 3) наречия времени (*азьло, аскы, берэ, бер, берлань* и т. д.);
- 4) наречия количества и степени (*данак, ичи, ичиен-ичиен, нош, ношик* и т. д.);

- 5) наречия причины и цели (*марлы, марзэ, макэ, мар, ма* и т. д.);
- 6) наречия утверждения (*бен, бен-бен, я, ялэ-ка, яралоз* и т. д.);
- 7) наречия отрицания (*öвöл, озь-öвöл* и т. д.);
- 8) наречия предположения (*керэк, лэся, маке со, озь-кено, озь-кадь*).

В конце главы автор отмечает, что в качестве наречий могут выступать качественные прилагательные⁴ и некоторые существительные⁵ [Глезденев 1921: 40].

В классификации наречий, предложенной П. П. Глезденевым, в разряд наречий ошибочно включены некоторые слова:

а) указательная частица *тани* ‘вот’ (*тань, тйни, тйнь*) отнесена к наречиям образа действия [Глезденев 1921: 40];

б) существительное *азь* ‘перед’ вошло в состав наречий места [Глезденев 1921: 40];

в) утвердительная частица *бен* (*бен-бен*) ‘да’ и модальная *я* (*я-я*) ‘ну’ составляют особый разряд наречий утверждения [Там же: 41];

г) модально-волевая частица *лэся* ‘вероятно, кажется’, слово *озь-кено* ‘если и так’, *озь-кадь* ‘вроде как’ отнесены к наречиям предложения [Там же: 41];

д) отрицательная частица *öвöл* ‘нет’ представлена в составе наречий места и наречий отрицания;

е) местоимения *макэ* (*макэ-макэ*) ‘что-то’, *ма* (*мар*) ‘что’ включены в состав наречий причины и цели.

Некоторые неточности встречаются у П. П. Глезденева в определении разряда отдельных наречий. Например, к наречиям количества и степени отнесены наречия причины *токма* ‘зря, впустую’, *юри* ‘нарочно, специально’; наречия образа действия *чочен* ‘вместе’, *уртче* ‘совместно, вместе’ [Там же: 41].

Принципы разграничения и классификация частей речи наблюдается в двух учебниках Г. Е. Верещагина. Свои наблюдения об особенностях грамматического строя удмуртского языка автор обобщил в исследовании «Руководство к изучению вотского языка» (1924), которое в целом является несколько усовершенствованным вариантом его рукописной грамматики «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын,

⁴ «Прилагательные качественные могут служить наречиями. В этих случаях они в предложении занимают место около сказуемого. При этом они никаким изменениям в форме не подвергаются. Напр. прилагательное *люгыт* может служить без всякого изменения в форме и наречием, и существительным. Все зависит от того, где оно, т. е. слово *люгыт* занимает место в предложении» [Глезденев 1921: 41].

⁵ «Существительные (некоторые) могут служить наречиями. При чем они принимают частичку *ын*. Напр. *пыд – пыдын, уй – уйын* и т. д.» [Глезденев 1921: 41].

дзюч кылын» (2002), составленной раньше печатной грамматики (см. подробнее об этом: [Кельмаков 2004: 43]).

В работе «Руководство к изучению вотского языка» автор выделяет следующие разряды наречий:

1) наречия времени (*Калык валлян урче улэм* ‘Люди прежде жили мирно’) [Верещагин 2002: 100];

2) наречия места (*Коркаен кеносэн вискын тыремын пу* ‘Между избой и амбаром сложены дрова’) [Там же: 102];

3) наречия уверения (*Зэм-ик, со адыми урод вылэм* ‘Точно, тот человек был худой’) [Там же: 102];

4) наречия указания (*Тазы лэсьты* ‘Этак делай’) [Там же: 102];

5) наречия, усиливающие какое-нибудь качество, и наречия образа действия (*Милям дышетесьмы ортчым лек* ‘Наш учитель очень сердит’) [Там же: 102];

6) наречия вопроса (*Кызы ужалом огнам?* ‘Как буду работать один?’) [Там же: 103];

7) условные наречия (*Дурыны быгатымтэ-бере, малы дурыны дауртиськод?* ‘Если не умеешь ковать, зачем занимаешься ковкой’) [Там же: 103];

8) наречия пути (*Вал-вылын ветлыны кудызлы зуркыт потэ* ‘Иному верховая езда кажется тряской’) [Там же: 104];

9) наречия просьбы (*Быдысик сёт валдэ вукоэ ветлыны* ‘Пожалуйста, дай лошадь съездить на мельницы’) [Там же: 104];

10) наречия отрицания (*Уд мын* ‘Не пойдешь (ты)’) [Там же: 104];

11) наречия неопределенности (*Вочак куномы бускеле потізы* ‘Все гости (наши) в соседи [т. е. к соседям] ушли’) [Там же: 105];

12) наречия количества (*Шубаэ мынам өвёл-но, толалтэ кык-полэс дукесэн ветлісько* ‘Шубы у меня нет, потому зимой в двух зипунах хожу’) [Там же: 105];

13) наречия понудительные (*Сэрым лык* ‘Скорее иди’) [Там же: 100].

В отношении классификации и распределения наречий по разрядам у Г. Е. Верещагина встречаются неточности. Отметим некоторые из них:

1) слово *бере* ‘если, поскольку’, представленное автором в качестве условного наречия, является в действительности причинно-целевым союзом;

2) глагол в повелительной форме *сёт* отнесен к наречиям просьбы [Там же: 104];

3) выделен разряд наречий отрицаний: (*уг мын* ‘не пойду (я)’, *ум мынэ* ‘не пойдём (мы)’ и т. д.) [Там же: 104]; все приведенные примеры являются глаголами отрицания;

4) наречиями неопределенности ошибочно названы:

а) послелог *ёрос* 'около того количества' ('приблизительно') [Там же: 104];

б) местоимение *ваньмы* 'все' [Там же: 105].

5) примерами наречий количества являются слова: *кык-полэс* 'в двух', *огпол* 'однажды', послелог *ёрос* 'приблизительно' [Там же: 105];

б) понудительными наречиями названы выражения: *оэьы вера* 'так говори', *чалъ дорам* 'скорее ко мне', *сэрыт лык* 'скорее иди', *эйог мын* 'спешно иди', *юн бызь* 'быстро беги' [Там же: 105].

Г. Е. Верещагиным [2002: 106] предпринята попытка разграничения недифференцированных слов в удмуртском языке. Автор подчеркивает, что наречие следует при глаголе, а послесловие в склонениях – при предмете.

Примечательно, что в данной работе Г. Е. Верещагин дает указание на наличие форм превосходной степени. «Превосходнейшие степени, в какой могут выразить только наречия *ортчым, уката, укыр*. Положительная и превосходная степени употребляются в смысле наречий, если они употреблены при глаголах, например: *курыт лэсьтйд* 'горько сделал (ты)', *туж чебер лэсьтйд* 'очень красиво сделал (ты)', *уката дуно вузаськод* 'весьма дорого продаешь' и др.» [Верещагин 2002: 78].

В другой своей работе «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» (2002), Г. Е. Верещагин дополнительно выделяет следующие разряды наречий:

1) наречия неизвестности: *оло-ма* 'что-то', *оло-кытцы* 'куда-то', *оло-кин* 'кто-то' [Верещагин 2002: 240];

2) наречия просьбы: *быдысь-ик* 'пожалуйста' [Там же: 240];

3) наречия полноты: *тыр* 'полно' [Там же: 240];

4) наречия запретительности: *эн* 'не' [Там же: 240].

Материал по наречиям содержится в грамматике А. И. Емельянова «Грамматика Вотяцкого языка» [1927], являющейся по своей сути элементарной. Несколько интересна позиция автора относительно морфологической классификации частей речи, в которой указано, что «все слова, входящие в состав вотяцкой речи, по своему происхождению могут быть отнесены к двум основным категориям: глаголам и именам» [Емельянов 1927: 63]. Наречия отнесены к именам⁶.

⁶ «К отделу имен мы относим не только имена в собственном смысле этого слова: самостоятельные (substantiva), прилагательные (adjektiva), местоимения (pronomina), числительные (numeralia), но также наречия (adverbialia) и послелоги (postpositia), в виду слишком ясных следов их происхождения от имен» [Емельянов 1927: 84].

Весьма спорным предположением является высказывание автора относительно морфологически недифференцированных слов в удмуртском языке. Исследователь пишет: «Между именами самостоятельными, прилагательными и наречиями даже с внутренней стороны не замечается резкой грани, которую можно было бы провести, разделив их раз на всегда на определенные группы. Язык свободно пользуется ими для какой угодно цели» [Емельянов 1927: 84]. Также автор не согласен с мнением о неизменяемости наречий в удмуртском языке: «Вообще к вотяцкому наречию менее всего приложимо стереотипное определение его в грамматиках, как неизменяемой части речи. Наречия в вотяцком языке имеют целый ряд падежей: *puṭškin* внутри, – *inessiv*; *puṭški* внутрь – *illative*; *puṭškiś* изнутри – *elativ*; и даже именит. падеж: *pir potini* проходить» [Емельянов 1927: 85].

Подобная точка зрения содержится и в работе Д. В. Бубриха относительно наречий коми языка. По его словам, «общих морфологических особенностей для наречий не существует, и в связи с этим, считать их все представителями одной и той же части речи можно лишь на условных началах, и что нет никаких оснований считать наречия неизменяемыми словами» [Бубрих 1949: 88]. Однако автор делает некоторое уточнение: «Многие из наречий сохраняют остатки изменения по падежам. Бесспорно, это не настоящие падежные формы, ибо не достает той полноты противопоставлений, которая характерна для настоящих падежных форм. Однако близость к падежным формам несомненна, и не только по форме, но и по смыслу» [Бубрих 1949: 88].

«Удмурт кылрадъян» И. В. Яковлева [1927] – первая грамматика удмуртского языка, изданная на удмуртском языке с использованием удмуртской грамматической терминологии [Кельмаков 2001б: 28]. В структурном плане грамматика (3-е издание) состоит из трех основных разделов (фонетика, морфология, синтаксис), из предисловия и краткого словаря грамматических терминов. Части речи подразделяются на изменяемые – существительное, прилагательное, числительное, местоимение и неизменяемые – наречие, послелог, союз, междометие, частица и отдельно глагол. К наречиям и послелогам приводится следующее замечание: «Удмурт кылын... кылпумзэ воштымтэ кыл'ёс вань. Соос чоньдэм кыл кадъ луо ини. Озые ке но, сыче кыл'ёс кустын ѓжыт-ѓжыт кылпумзэ воштйез вань: яке мурт'я воштэ, яке кык-куинь юам'я воштэ, яке мултэс пѓртэм кариськыса воштэ» (В удмуртском языке есть неизменяемые слова. Они являются застывшими (букв. 'умершими, очоленевшими'). И все же, среди них есть небольшое количество слов, которые меняют свое окончание: либо по лицам, либо по

двум-трем вопросам, либо имеет степень сравнения)) – перевод наши) [Яковлев 1931: 56].

Наречия объяснены как слова, определяющие действие [Яковлев 1931: 54]. Автор делит наречия на следующие разряды:

1) наречия времени (дырзэ валэктйсеэ): *весь* ‘постоянно’, *ини* ‘уже’, *ялан* ‘постоянно’ и т. д. [Там же 1931: 56];

2) наречия места (интызэ валэктйсеэ): *вылланы* ‘наверх’, *матын* ‘близко’, *отын* ‘там’ и т. д. [Там же: 56];

3) наречия образа действия (кызызыэ валэктйсеэ): *туж* ‘очень’, *валче* ‘вместе’, *юри* ‘нарочно’ и т. д. [Там же: 57];

4) наречия вопросительные (юамез валэктйсеэ): *кызы* ‘как’, *бен* ‘да’, *макем* ‘сколько’ и т. д. [Там же: 57];

5) наречия отрицательные (луымтэез валэктйсеэ): *өвөл* ‘нет’ [Там же: 57];

6) наречия количества (көнязэ валэктйсеэ): *пол* ‘раз’, *өжытак* ‘немножко’, *чошен* ‘вместе’ [Там же: 57].

В предложенной выше классификации, из всех приведенных примеров, слова *бен* ‘да’, *пол* ‘раз’ и *өвөл* ‘нет’ не являются собственно наречиями.

И. В. Яковлев [1931: 57] в качестве аффикса сравнительной степени отмечает суффикс *-гем* (*азылогем* ‘раньше’, *матэгем* ‘ближе’, *шонерак-гем* ‘прямее’).

П. Д. Гороховым был составлен «Учебник удмурт языка» [1929], основываясь на грамматике И. В. Яковлева, П. П. Глезденева, Г. Е. Верещагина и А. И. Емельянова.

Автором ставится под сомнение неизменяемость наречий: «Будучи употреблены в значении существительных, что бывает очень часто, изменяются как по падежам, так и по числам, напр.: *вылланыёс турнаны кутскизы ни*; *вылланыёслэн туэ турынзы туж удалтэм*» [Горохов 1929: 150]. Следует отметить, что в данном примере слово *вылланыёс* ‘живущие выше’, отнесенное П. Д. Гороховым к наречиям, является субстантивированным существительным, поэтому во втором случае данное слово принимает суффикс множественного числа.

Приведя список послелогов *понна* ‘ради’, *сярысь* ‘о’, *пыр* ‘сквозь’, *тыр* ‘полно’, *пыр* ‘через’, *сяна* ‘кроме’, П. Д. Горохов отмечает, что некоторые из них одновременно являются наречиями [Горохов 1929: 151]. К сожалению, примеры на эти случаи не приведены.

В 1933 году С. П. Жуйковым был опубликован «Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5-го и 6-го года обучения». Разрабатывая и воплощая в жизнь методику преподавания языков, ученый-

лингвист составил первые программы учебных курсов по удмуртскому и русскому языкам для удмуртских школ, педагогических техникумов и педагогического института. Раздел «Наречие» начинается с исторической справки: «Наречие, как часть речи, или грамматическая категория, позднейшего происхождения» [Жуйков 1933: 104]. Выделены следующие разряды наречий: 1) наречия времени (дырзэ возматйсь сямнимьёс), 2) наречия места (интызэ возматйсь сямнимьёс) и 3) наречия образа действия (кызызэ возматйсь сямнимьёс) [Жуйков 1933: 105].

С. П. Жуйковым впервые определены синтаксические признаки наречий – это выступление их в роли обстоятельного слова: «Когда мы разбираем предложение по членам предложения, то говорим обстоятельное слово, по частям речи мы говорим наречие. Следовательно, наречия стоят вместо обстоятельных слов» [Жуйков 1933: 105].

Образованию наречий посвящена глава «Имена существительные в роли наречия». Если имя существительное срослось со словом пространственного понятия *лан* или понятие времени *сын*, – пишет Жуйков С. П., – то такие формы выступают уже в качестве наречия в том случае, когда перед ними стоят другие имена существительные. (Напр. *Капитализм берлань мынэ* ‘Капитализм идет назад’. *СССР азылань мынэ* ‘СССР идет вперед’. *Мон арсын дышетсконме быдто уни* ‘Я через год учебу уже закончу’) [Жуйков 1933: 106].

Утверждения автора о том, что в удмуртском языке, в отличие от русского, наречия изменяют свои окончания по падежам (*татын* ‘здесь’, *татчы* ‘сюда’, *татысь* ‘отсюда’) [Жуйков 1933: 108] и, как имена существительные, изменяют свои окончания по лицам в единственном и во множественном числе [Жуйков 1933: 109], являются неверными.

Относительно происхождения и омонимии частей речи автор пишет, что наречие первоначально обозначало какое-либо имя или действие. Наречия произошли от имен существительных и глаголов [Жуйков 1933: 104].

Также отмечены степени сравнения наречий. Выделены положительная (*ичи* ‘мало’), сравнительная (*ичигем* ‘менее’), превосходная (*туж ичи*) степени наречий [Жуйков 1933: 110].

Описанию наречий посвящена одна из статей С. Баженова «Наречия» [1939]. Им справедливо замечена способность наречий определять и действия, и признаки, и самих себя. В качестве примеров приводятся предложения с наречиями *туж* ‘очень’, *уката* ‘ещё’ [Баженов 1939: 111].

Заслуживают внимания рассуждения автора о наречиях места. Эту группу слов С. Баженов подразделяет на наречия, определяющие

глаголы конкретного действия и глаголы состояния (*улыны* ‘жить’, *вераськыны* ‘разговаривать’) и наречия, определяющие глаголы движения (*мыныны* ‘идти’, *лобаны* ‘летать’). Связь таких групп наречий заключается в том, что если наречие первой группы определяет глагол движения, то этот глагол перестает указывать на перемещение, напр.: *аэроплан вылын лобе* ‘аэроплан летает высоко’, здесь *вылын* указывает лишь на местонахождение, хотя *лобе* ‘летает’ глагол движения [Баженов 1939: 112–113].

Автором отмечены некоторые способы образования наречий. Деепричастия, не образующие оборота и стоящие непосредственно рядом со сказуемым, названы наречиями, напр.: *гырыку ой жадыы* ‘пахая не устал’, *егитьёс лудэ кырзаса мыно* ‘молодые на поле идут с песней’ [Баженов 1939: 117] (см. подробнее об употреблении деепричастий в роли наречий п. 2.1.3.1.10).

К проблеме междометно-наречных повторов обращается В. И. Алатырев в одной из своих работ под названием «Междометно-наречные повторы в удмуртском языке» [1947]. В его работе приводятся примеры, характеризуются междометно-наречные повторы и объясняется, каким образом можно отличить простые (односоставные) наречные повторы от сложных (двусоставные) [Алатырев 1947: 20–26]. Сложные наречно-изобразительные и звукоподражательные слова названы междометно-наречными повторами.

В учебнике А. А. Поздеевой «Удмурт кыл грамматика. Нырысетй люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы» [1949] системно раскрыт грамматический класс наречий: от определения до правил их правописания. Подчеркивается, что наречия способны определять не только действия, но и признаки прилагательных, причастия, деепричастия и другие наречия [Поздеева 1949: 176]. Автор учебника делит наречия на 5 основных групп: 1) наречия места; 2) наречия времени; 3) наречия образа действия; 4) наречия причины; 5) наречия степени и количества [Поздеева 1949: 177].

Местоимения *мон* ‘я’ и *тон* ‘ты’, представленные в форме соответственного падеже: *монья* ‘по мне’, *тонья* ‘по тебе’, автор относит к наречиям образа действия [Поздеева 1949: 180].

А. А. Поздеева выделяет 17 способов образования наречий (подробнее см. Приложение 4). Ею также отмечено, что формы образования степеней сравнения наречий совпадают с формами степеней сравнения прилагательных. Выделены сравнительная и превосходная степени сравнений наречий: сравнительная степень выражается посредством суффикса *-гес* или *-гем* (*кужмогес* ‘сильнее’, *матгес* ‘ближе’,

кезыйтгес ‘холоднее’), превосходная степень – с помощью прибавления наречия *туж* ‘очень’ (*туж эйсог* ‘очень быстро’) [Поздеева 1949: 183–184].

Определенный материал по удмуртским наречиям представлен П. И. Перевощиковым в «Кратком очерке грамматики удмуртского языка» [1948, 1956]. Кроме аффиксальных способов образования, им выделены два синтаксических: 1) повторение одного и того же слова (*дырын-дырын* ‘временами, время от времени’, *радэн-радэн* ‘рядами-рядами’); 2) использование сочетания слов (*витьымтэ шорысь* ‘неожиданно’) [Перевощиков 1948: 422; 1956: 1312].

В 1962 году выходит из печати «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология». В этом коллективном труде раздел «Наречие» подготовлен В. М. Вахрушевым. Им проделана большая работа по систематизации разряда наречий. По своим значениям наречия разделены на обстоятельственные и определительные (качественные) наречия.

Определение наречиям дано как «части речи, обозначающей различные признаки действия и признаки (степень) признаков» [ГСУЯ 1962: 294]. Наряду с образованием наречий, рассматриваются и такие вопросы, как морфологически неотдифференцированные части речи [ГСУЯ 1962: 310–312], наречия в значениях других частей речи [ГСУЯ 1962: 313], предикативные наречия [ГСУЯ 1962: 313–315] и др.

В 1983 году В. И. Алатыревым был составлен «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» для «Удмуртско-русского словаря» [1983]. Все основные положения разработаны автором с учетом вышедшей ранее «Грамматики современного удмуртского языка» [1962].

В 2003 году на кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания УдГУ А. А. Алашеевой был издан препринт «Туала удмурт кыл. Сямкыл» [2003]. В данном труде отражены основные лексико-семантические разряды удмуртских наречий с последующей их классификацией, рассмотрены основные способы образования наречий, приведен иллюстративный материал из произведений художественной литературы [Алашеева 2003: 3–30].

В 2008 году коллективом авторов Удмуртского института истории, языка и литературы был подготовлен «Удмуртско-русский словарь» [2008], представляющий собой 2-ое дополненное, переработанное издание «Удмуртско-русского словаря», вышедшего в 1983 году. К словарю [2008] в качестве приложения дан «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» [2008: 827–864], переработанный и дополненный кандидатами филологических наук Д. А. Ефремовым и Н. В. Кондрагьевой с учетом материалов готовящейся книги по удмуртской морфологии.

Наряду с обстоятельственными и определительными наречиями, авторы данного труда выделяют также третий семантический разряд – наречия, выражающие категорию состояния [КГОУЯ 2008: 857]. Кроме степеней сравнения наречий, отдельной группой выделены их степени качества [КГОУЯ 2008: 857].

Коллектив авторов Удмуртского государственного университета факультета удмуртской филологии издает в 2011 г. работу на удмуртском языке под названием «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз». В отличие от «Грамматики современного удмуртского языка» 1962 г., в данном труде дополнительно выделены такие разделы, как «Местоименные наречия» [Удмурт кыллэн кылкабтодосэз 2012: 297–298] и «Степени качеств наречий» [Удмурт кыллэн кылкабтодосэз 2012: 310–312].

ГЛАВА 1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ УДМУРТСКИХ НАРЕЧИЙ

Наречие – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства. Главным формальным признаком наречия как части речи является отсутствие словоизменения (исключение составляют наречия, образующие формы сравнительной степени).

Следует отметить, что многие наречия, выражающие пространственные отношения, объединяются в своеобразные серии, компоненты которых содержат форманты пространственных падежей, напр., *кыдѣк-ын* ‘далеко, вдаль’, *кыдѣк-ысь* ‘издалека, дальний’, *кыдѣк-ысен* ‘издали, (будучи) далеко’, *кыдѣк-е* ‘далеко, вдаль, на дальнейшее расстояние’, *кыдѣк-озь* ‘далеко, до дальнего расстояния’, *кыдѣк-етй* ‘далеко, через дальнейшее расстояние’; *та-т-ысен* ‘отсюда, (будучи) здесь’, *та-т-ын* ‘здесь, тут’, *та-т-ысь* ‘отсюда’, *та-т-чы* ‘сюда’, *та-т-й* ‘здесь, по этому месту’, *та-лань* ‘сюда, в этом направлении’. При этом создается ложное впечатление, будто бы определенная группа наречий, подобно именам существительным, способна склоняться по определенным падежам (ср.: *шур-ын* ‘в реке’, *шур-ысь* ‘из реки’, *шур-ысен* ‘из реки, (будучи) в реке’, *шур-е* ‘в реку’, *шур-озь* ‘до реки’, *шур-(е)тй* ‘по реке’, *шур-лань* ‘по направлению к реке’).

При ближайшем рассмотрении выявляется, что падежные форманты имен существительных *-ын, -ысь, -э/-ы, -озь, -(э)тй* и *-лань* выполняют в составе наречий иную – словообразовательную – функцию, нежели в именах существительных [Кельмаков 2000: 34].

По своему общему значению непроцессуального признака наречия близки к прилагательным («Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета» [Русская грамматика 1980: 540]). Этим значением определяется синтаксическая функция наречий: они определяют глагол, имя или другое наречие.

Одни наречия (определительные и обстоятельственные) выражают конкретно признаки действий, состояний-процессов, признаки признаков, обстоятельства, например: *умой* ‘хорошо’, *урод* ‘плохо’, *эйсог* ‘быстро’, *каллен* ‘медленно’, *туж* ‘очень’, *толон* ‘вчера’, *туннэ* ‘сегодня’ и т. д. Другие наречия только указывают на эти признаки и обстоятельства, конкретно не называя их, подобно тому, как местоимения не обозначает конкретно самих предметов, их признаков и количеств, а только указывает обобщенно на предметы, признаки предметов, количество предметов, например: *озьы* ‘так’, *соку* ‘тогда’, *ку* ‘когда’, *кызьы* ‘как’, *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *кытын ке* ‘где-то’, *нокытын* ‘нигде’ и т. п.

Наречия первой группы, которые конкретно выражают признаки действий, состояний-процессов, признаки признаков, обстоятельства, являются именными, или конкретными наречиями; наречия же второй группы, которые только указывают на признаки и обстоятельства, а не называют их конкретно, являются местоименными наречиями. Систему пермских местоимений, в которую непосредственно вошли и местоименные наречия, сформировавшуюся в коми и удмуртском языках после распада финно-пермского языка основы, детально рассмотрела Г. В. Федюнева в своей монографической работе «Первичные местоимения в пермских языках» [2008].

Местоименные наречия образуют следующие группы:

1) указательные: *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *татчы* ‘сюда’, *отчы* ‘туда’, *татысь* ‘отсюда’ *отысь* ‘оттуда’, *тазьы* ‘так’, *озьы* ‘так’.

Макарлэн юртэз азьло татын ой вал, мукет урамын улызы (Г. Крас. Вью., 4). ‘Дома Макара раньше **здесь** не было, на другой улице [они] жили’.

Отын ик костаське сыномем, кык пуд кыскись вайкала гира, огазе люкамын куитйськем кортьёс, татчы ик вуэмын зеч уробо питран (Г. Крас. Вью., 6). ‘**Там** же валяется ржавая двухпудовая старая гира, в одном месте собран брошенный металл, сюда же попало хорошее колесо телеги’.

Со ик Катяз техкружоке но кыскиз, нош клубын ремонт бырем бере, соос эйсылты быдэ сямен отчы ветлылйзы, соку ик Катя драмкружоке гожкиз (Иг. Гавр. Вп., 78). ‘Он же привел Катю в техкружок, а после завершения ремонта в клубе они ходили **туда** почти каждый вечер, Катя записалась в драмкружок’.

Азьпалан но тазы ик зеч мед улозы. Нош тон мынам пие өвёл, кошки ни татысь (К. Ем. Пк., 345). ‘И в будущем **так** же хорошо пусть живут. А ты не мой сын, уходи уже **отсюда**’.

Со табере Югыт Оркаш палан ини. **Отысь**, кезьыт ошмесьёсысь, зарни кобыеныз ву омыръя, иське (Р. Вал. Уп., 53). ‘Она теперь уже в краях Югыт Оркаш. **Оттуда**, из холодных родников, своим золотым ковшом воду черпает, значит’.

Пичи дыръяз со но зшъёсыныз пень бичаса ветлӱз ук, тазьы ик ваньмыз доры пыразы, одӱгез но кышномурт люкам пеньзэ ӱз жалаляля (Г. Крас. Вю., 16). ‘Он же тоже в детстве со своими друзьями золу собирал, **так** же ко всем заходили, ни одна хозяйка не пожалела собранную золу’.

– *Тон дугды али, – лачмыт вераз Андрей, – зӱечкын верасько: эн выр озьы, ваньбурдэ тус-тас эн кар, аслыд ик урод луоз* (Иг. Гавр. Вп., 28). ‘Ты стой, – спокойно сказал Андрей, – по-хорошему говорю: не делай **так**, не растранижай свое имущество, самому же хуже будет’.

2) вопросительные: *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *кызы* ‘как’, *ку* ‘когда’.

Мар ӱз пӱрмы, кытын янгышады? – туж огшоры но ваньзэс тунсыкъятӱсь юан сӱтӱз Александр (УД, № 024, 2008). ‘Что не получилось, **где** вы ошиблись? – очень простой и интересующий всех вопрос задал Александр’.

– *Кытчы сыӱе дӱясъкисъкод, кен? – юаз анаймы, сандыкысь горд буртчин дӱрем но сясъкаӱ тӱдды кышет поттэмме адӱзы* (П. Куб. Т., 240). ‘**Куда** так наряжаешься, сноха? – спросила свекровка, увидев, как я достала из сундука красное шелковое платье и цветастый белый платок’.

Кытысь Тӱ, манн, Елизавета Игнатъевна, – интытысьтыз тэтчыса сямен султӱз, пумитаз вамышитӱз Егоров (С. Самс. В., 130). ‘**Откуда** Вы, на чем [приехали], Елизавета Игнатъевна, – быстро соскочив со своего места, Егоров шагнул ей навстречу’.

Кызы ужан дӱськутэн вал, озьы ик конной дворе ӱуш-наш вуиз, оломар кусын самой шаплы валзэ кыткыса вуэм, шатыр поттыса, Акташ пала ширтӱз (Г. Крас. Ок., 38). ‘**Как** был в рабочей одежде, так же и на конный двор пришел второпях, неизвестно когда успел запрячь самую быструю лошадь, быстро поскакал в сторону Акташа [название места]’.

Ку бен озьы луоз? (К. Кул. С., 260). ‘**А когда** так будет?’.

3) определительные: *котькызы*, *олокызы* ‘всячески’, *котькытын* ‘езде, всюду’, *котьку* ‘всегда’, *котькытысь* ‘отовсюду’.

Ваньзэ сое котькытысь шедьты, котькызы вай, котькызы пукты (М. Иван. Нмсбв., 326). ‘Все это (стройматериалы) **хоть откуда** найди, **хоть как** привези, **хоть как** поставь’.

Пиаш кыксэ ик писӱйтиосыз кияз кутыса бергатӱз, соосын олокызы но вераськиз. (П. Черн. Тп., 142–143). ‘Мальчик крутил в руках обоих котят, **как только** с ними не разговаривал’.

Азыпиньёсыз өвөлэн лызэ **олокызы** но пыргытыны выре (Г. Крас. Вью., 19). ‘Из-за отсутствия передних зубов [Макар] **как только** не пытается разгрызть кость’.

Котыкытын лымы зүкыртэ, шулдыр вераскемьёс но серекьямьёс кыллысько (Иг. Гавр. Вп., 132). ‘**Повсюду** скрипит снег, слышатся веселые разговоры и смех’.

Песянайзы но Сергеез мурт карыллз, нош Миколайлэн азьвыл кышноезлэн нылъёсыз но пиосыз Сергеез «господа луэмед потэ» шуыса исаллазы, учыр кемдыку, **котыку** ик ултйяны выризы (Иг. Гавр. Вп., 28). ‘Даже бабушка считала Сергея чужим, а дети прежней жены Николая дразнили словами «господином хочешь стать», **всегда** пытались унижить, при любом возникшем случае’.

4) неопределенные: *кытын ке* ‘где-то’, *отын-татын* ‘кое-где’, *кытысь ке* ‘откуда-то’, *кытчы ке* ‘куда-то’, *кызы ке* ‘как-то’, куке ‘когда-либо’, *куке-соку* ‘когда-нибудь’, *кытысь-отысь* ‘кое-откуда’ и др.

Кытын ке матын гинэ адыми куараос кыллыськызы, собере, уй чалмытэз гудырак сэзъялтыса, нош ик кужмо мотор улзиз (Г. Пер. Нз., 118). ‘**Где-то** совсем поблизости послышались человечьи голоса, после резко, нарушив ночную тишину, заново начал реветь мощный мотор’.

Рабочийёс станоксэс дудытйзы, чалмытгес луиз, **отын-татын** гинэ жургетэмьёс кыллысько на (Иг. Гавр. Вп., 75). ‘Рабочие остановили станок, стало тише, лишь местами (букв. ‘там-тут’) слышится гудение’.

Пичи Паля, дышетскисытэм маке, агайёсызлэсь, апайёсызлэсь бере кыллыса, **кытысь ке** урамысь вуиз, ваньмызлэсь азьло пуньы басытйз (П. Черн. Мёзм., 130). ‘Маленький Паля, не обучающийся еще [в школе], вернувшись **откуда-то** с улицы позже братьев, сестер, раньше всех взяла в руки ложку’.

Студент тазы валэктйз: расписанызы воштйськыиз, луоз, яке **кытчы ке** экскурсие кошкыиз (Г. Крас. Кч., 31). ‘Студент так объяснил: [их] расписание изменилось, наверняка, или уехали **куда-то** на экскурсию’.

Вот, пе, асьмелэн туж кыбашлы адымымы вань, Васильев Кирилл Иванович, асьмеос сое юнме вась каримы, сое **кызы ке** но берен колхозэ отёно, сотэк асьмелы протсо шабаш... (Г. Крас. Кмк., 19). ‘Вот, мол, у нас есть очень способный человек, Васильев Кирилл Иванович, мы его напрасно обидели, его **как-то** обратно нужно позвать в колхоз, без него нам просто конец [шабаш]’.

Трос аръёс ортыса, Орина базарысен пумитаз «туклячизэ»: куке но солэсь нылзэ, Симаез, кен басытыны малта вал (Р. Вал. Уп., 54). ‘Через много лет Орина встретила на базаре свою «сватью»: **когда-то** на

ее дочери, Симе, думала женить сына (букв. ‘ее дочь, Симу, думала взять себе в снохи’).

Басьтэ, шуисько, тї мыным мурт өвөл, куке-соку берен берыктоды (Иг. Гавр. Вп., 232) ‘Берите, говорю, вы мне не чужой, **когда-нибудь** вернете’.

5) отрицательные: *нокытын* ‘нигде, негде’, *нокытчы* ‘никуда, некуда’, *ноку* ‘никогда, некогда’, *нокызыы* ‘никак’, *нокытысь* ‘неоткуда’.

Љус улэ но пыраз, сэндрае но вуылїз, корказыысь но утчаз – соиз нокытын ой вал (П. Черн. Тп., 138). ‘И под лавку заглядывал, и на полаты залезал, и в сенях искал – **нигде** его [котенка] не было’.

Нош малы правлениын нокинлэн тодаз өз лыкты: армиясь бертыса, Кирла нокытчы өз кошкы, колхозэ ик кылиз (Г. Крас. Кмк., 7). ‘А почему в правлении никто не вспомнил: вернувшись после армии, Кирилл **никуда** не уехал, в колхозе же остался’.

Со шимес төлпери ноку медаз жсутскы ни, со кōшкемыт уйвōтѣсты ноку адѣоно медам лу ни (Г. Пер. Нз., 102). ‘Этот страшный ураган [война] пусть больше **никогда** не поднимается, чтобы не видеть больше **никогда** эти ужасные сны’.

Водѣсты янгыше уськытыны нокызыы уг луы, угось кунгожлы матын улэменызы, соос туж тросэз бырызсы войнаосын, музѣмѣстїзы кōня ке пол ортчизы крестоносецьѣс, шведѣс, немецѣс... (УД, № 018–019, 2008) ‘Народ водь **никак** нельзя обвинить, из-за того, что они живут близко к границе, их очень много погибло в войнах, по их землям несколько раз прошли крестоносцы, шведы, немцы ...’.

Кōня курадїизы, кōня пыдзэс жугизы – ваньмыз юнме: таки нокытысь өз синїылтэ «тушмонлэсь» ракетной установказэ (Г. Пер. Нз., 114). ‘Сколько страдали, сколько прошагали (букв. ‘ноги били’) – все напрасно: таки нигде (букв. ‘**ниоткуда**’) не заметили «вражескую» ракетную установку’.

Относительно местоименных наречий в русском языке существует мнение считать их местоимениями-наречиями, а не наречиями [Аванесов, Сидоров 1945: электронный ресурс]. (Напр. указательные местоимения-наречия – *здесь, там, тут, туда, потому, поэтому, затем, оттого, тогда, так, этак*; вопросительные – *где, куда, откуда, докуда, когда, зачем, отчего, почему, как*; определительные – *по-всякому, всячески, везде, всюду, отовсюду, всегда, по-иному, по-другому*; неопределенные – *где-то, куда-то, откуда-то, когда-то, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, кое-где, кое-куда, кое-когда*; отрицательные – *нигде, никуда, никогда, незачем, негде, некуда, некогда, незачем*). Отмечено, что местоимения-наречия употребляются

в предложении в основном так же, как и знаменательные наречия [Аванесов, Сидоров 1945: электронный ресурс]. Выделяя местоименные наречия в разряд местоимений, Е. М. Сахно пишет «Местоимения обслуживают категориальные значения всех знаменательных частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, безлично-предикативных слов; на аналитическом уровне – глаголов)» [Сахно 2004: 197]. Такого же мнения придерживается и лингвист И. В. Тараканов. Он считает, что с целью облегчения изучения разрядов местоимений в практике преподавания удмуртского и коми языков, и учитывая синтаксические функции, возможно дать следующую классификацию местоимений для школьных учебников: местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные наречия [Тараканов 2007: 117–118]. Наряду с этим остро встает вопрос о месте местоимений в системе частей речи: «Местоимения представляют собой одну из наиболее очевидных языковых универсалий. Местоимения есть во всех языках, и во всех языках их распределяют приблизительно по одним и тем же разрядам. В силу своего большого семантического и морфологического разнообразия класс английских местоимений привлекал внимание исследователей во все периоды развития языкознания. Долгое время был спорным статус местоимений как самостоятельной части речи. Объясняется это морфологической и функциональной неоднородностью этого класса, отсутствием собственного грамматического значения, отличного от грамматического значения существительного и прилагательного и отсутствием особых, свойственных только местоимению синтаксических функций. Именно поэтому их иногда относят к существительным, прилагательным, наречиям, выделяя соответственно внутри этих разрядов местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные наречия» [Части речи: электронный ресурс].

В некоторых языках (напр. в осетинском) местоименные наречия рассматривают отдельно от качественных и обстоятельственных типов наречий, выделяя их в самостоятельный лексико-семантический разряд – местоименные наречия [Багаев 1965: 192].

Местоименные наречия являются весьма архаичными образованиями, поэтому в некоторых случаях затемнен их морфологический состав. При помощи местоименных наречий говорящий только указывает на место, время, качество и т. д. действия, но не называет их. В этом отношении они напоминают местоимения, однако их нельзя относить к местоимениям, так как местоименные наречия представляют собой (как и прочие наречия) застывшие падежные формы.

Внутри категории наречия в удмуртском языке существует два основных типа: обстоятельственные и определительные (качественные) наречия. В русской грамматике с самого начала XIX в. установилось деление наречий на вышеназванные грамматико-семантические классы. Еще Н. Орнатовский в «Новейшем начертании правил российской грамматики» (1810) довольно точно очертил границы между этими семантическими классами наречий (*adverbia qualitatis* и *adverbia circumstantiarum*). «Вместе с тем А. А. Шахматов делил наречия на обстоятельственные и формальные. К формальным относятся те наречия, которые выражают «утверждение, вопрос, приказание, восклицание, отрицание, пожелание, заключение, домысел»... Однако «формальные наречия» принадлежат к смешанным, гибридным грамматическим типам, вклинивающимся в категорию наречий» [Виноградов 1972: 296]. Следует отметить, что подобное деление существует в большинстве языков, как родственных, так и не родственных. Особую проблему составляет лишь функционально-семантическая классификация наречий, деление их на подклассы, разряды, виды и подвиды, группы и подгруппы. отождествление множества лексем по общему знаменателю, объединение их в единый грамматический класс и последующая их систематизация неизбежно связана с некоторым упрощением, «огрублением», а также с тем видом субъективизма, который всегда имеет некоторые объективные основания [ТГСАЯ 1981: 88]. Например, в японском языке выделяют качественные, количественные и обстоятельно-определяющие наречия [ГСЯЯ 1986: 213]; в церковнославянском – качественные и обстоятельные [Плетнева, Кравецкий 2001: 151–152]; в греческом – качественные и обстоятельные [Попов 2001: 36–39]; в испанском – качественные, обстоятельные и модальные [ГИЯ: электронный ресурс]; в шведском языке – локальные (указывают, где происходит действие), темпоральные (локализуют, с той или иной степенью конкретности, событие во времени), наречия образа действия или качественные наречия (характеризуют действие в том или ином отношении) и наречия количества и степени [Птицын: электронный ресурс]; в эстонском – качественные и обстоятельные [Пяль 1955: 208–209; Ыйспуу 1992: 193–203]; в финском – качественные и обстоятельные [ГФЯ 1958: 192; ISK 2005: 638–671] и др.

Таким образом, перед нами оказывается два основных разряда наречий: качественные и обстоятельные. Различие между ними «сводится к тому, что обстоятельные наречия не вносят каких-либо изменений в значение того или иного слова, которому они подчинены: *читал давно, писал дома, гримасничал назло, отказался сгоряча*; наоборот,

определительные наречия так или иначе уточняют определяемые ими слова, видоизменяют их значение, внося добавочные признаки; например, если к глаголу *читал* присоединяются наречия *громко*, или *нараспев*, или *неразборчиво*, то характер чтения получает большую определенность (получаются частые разновидности чтения)» [Гвоздев 1961: 395].

Определительные и обстоятельственные наречия отличаются своеобразием в плане передачи существенной информации высказывания. Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева отмечают, что обстоятельственные наречия (в первую очередь это касается наречий времени и места), как правило, являются содержательно необходимым элементом высказывания, таким, без которого минимум необходимой информации не был бы сообщен. Определительные наречия таким свойством не обладают, поскольку в большинстве случаев определяют и уточняют свойства уже названных глаголами, прилагательными, существительными явлений [СРЯ 2003: 450].

Таким образом, несмотря на свою малочисленность (по сравнению с определительными наречиями), обстоятельственные наречия используются в речи для передачи необходимой информации, в то время как слова другой семантической группы вносят лишь добавочные оттенки в основные значения определяемых ими слов.

Каждый из основных семантико-функциональных разрядов наречий включает в себя несколько подразрядов. Наиболее устоявшееся разделение имеют обстоятельственные наречия. В их составе традиционно отмечаются группы наречий места, времени, причины и цели. Причем последние две группы (наречия причины и цели) являются самыми малочисленными. Как отмечают лингвисты, способность выражать причинные и целевые отношения нельзя назвать характерной функцией наречия.

Разделение наречий на семантические группы не влечет за собой жесткого определения их границ. Существуют активные переходы как между разрядами внутри семантических классов, так и между основными классами наречий. Одно и то же слово может совмещать в себе различные значения, наиболее ярко проявляя какое-то одно в определенном контексте.

1.1. Обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия обозначают признак, внешний по отношению к его носителю. Обстоятельственные наречия распределяются на группы по семантическим признакам. В удмуртском языке к основным семантическим группам относятся:

1) наречия времени, обозначающие время, в которое совершается действие, отвечают на вопрос *ку?* ‘когда?’: *али* ‘сейчас’, *толбыт* ‘целую зиму’, *толалтэ* ‘зимой’, *туннэысен* ‘с сегодняшнего дня’, *уйин* ‘ночью’, *толон* ‘вчера’, *куке* ‘когда-то’, *кемалась* ‘давно’ и др.;

2) наречия места, обозначающие место или направление действия, отвечают на вопрос *кытын?* ‘где?’, *кытчы?* ‘куда?’, *кытысен?* ‘откуда?’: *кыдэькын* ‘далеко’, *татын* ‘здесь’, *педло* ‘на улицу’, *улласянь* ‘снизу’, *вылэ* ‘наверх’, *татысен* ‘с этого места, отсюда’ и др.;

3) наречия причины и цели (причинно-целевые): *юнме*, *токма* ‘зря, напрасно’, *юри* ‘нарочно’, *огшоры* ‘просто так’, *нимысьтыз* ‘специально’, *малы* ‘почему’, *малы ке* ‘почему-то’. Наречия этой группы обозначают причину и цель действия и отвечают на вопрос *малы?* ‘почему?’, *ма муген?* ‘с какой целью? по какой причине?’ и др.

1.1.1. Наречия времени

Наречия времени обозначают срок, в течение которого действие протекает, или указывают на время, в пределах которого действие начинается или завершается. Наречия времени отвечают на вопросы *ку?* ‘когда?’, *кудняла?* ‘сколько времени?’, *кема-а?* ‘как долго? долго ли?’, *куддырызь?* *куднялаозь?* ‘до каких пор? до какого времени?’, *куддырысь?* *куддырысен?* *куднялась?* *кудняласен?* ‘с каких пор? с какого времени?’, например: *туннэ* ‘сегодня’, *толон* ‘вчера’, *Чуказе* ‘завтра’, *туэ* ‘в этом году’, *Асытазе* ‘вечером’, *Чукна* ‘утром’, *али* ‘сейчас’, *толалтэ* ‘зимой’, *гужем* ‘летом’, *азьло* ‘прежде’, *вазь* ‘рано’, *валлян* ‘позавчера’, *уйин* ‘ночью’, *аскы* ‘завтра’, *кизыны тулыс* ‘посеять весной’ и др.

Калык буре уз вайы туннэ сычеосты, соослэсь нимъёссэс каргалом, пыраклы вунэтом соосты, – лек йыллумыяз со (Н. Вас. Кта., 70). ‘Народ не вспомнит **сегодня** таких, проклянем их имена, забудем навсегда, – со злостью закончил он’.

Тодаз лыктйз: толон ведь Мекан Сандырлэн пиез, юэм йырыныз гаражысь тракторен потыса, телефон юбоз донгытэм... (Ф. Пукр. М., 292). ‘Вспомнил: **вчера** же сын Мекан Александра выехал на пьяную голову из гаража на тракторе и наехал на телефонный столб’.

Чуказе но араны уг лэзё на (К. Митр. Сз., 27). ‘И **завтра** жать еще не разрешают’.

Семьяез бадзым ке но, ачиз со мойы өвёл на, туэ гербер вылтй мырдэм 50 арес тырмиз (К. Митр. Сз., 10). ‘Хотя [его] семья и большая, сам он еще не старый, **нынче** в праздник Гербер [ему] исполнилось только (букв. ‘еле’) 50 лет’.

Толон жьытазе санинструктор куриськиз вал рядовой боец луыса жугиськонэ пырыны (Иг. Гавр. Г., 13). **‘Вчера вечером** санинструктор попросился было воевать в качестве рядового бойца’.

Чукна Зоя сайка но нырысь ик азбаре потэ, юрт котырзэс чакла, бакчазэс учке, мушъёссэс эскере (Г. Крас. Вю., 20). **‘Утром** Зоя просыпается и сразу выходит во двор, осматривает хозяйство, огород, проверяет пчел’.

Азьло вераме кызыы гожтэмын, али но озьы ик луоз – ша! – ваньзэ озьы валэктэм мактал, пьдлось шокчиз но пьдес вылаз гырпумьяськиз, мыкырскиз со (С. Самс. В., 196). ‘Как были записаны мои прежние показания, и **сейчас** так же будет – ша! – так все пытаюсь объяснить, он глубоко вздохнул и встал на колени, наклонился’.

Толалтэ, буранъёс дыръя, бертэмез ойлась, кёлаз татын ик, котельнойын (Г. Крас. Кмк., 15). **‘Зимой,** во время буранов, домой возвращаться не мог, спал здесь же, в котельной’.

Гужем отчы убоос вискытй ветлйськомы вал, нош толалтэ, ульчаысен бускель капкае пырыса, бакчатйзы мыноно-ветлоно луылйз (УД, № 020, 2008). **‘Летом** туда мы проходили между грядками, а **зимой,** зайдя к соседям с улицы, приходилось проходить по их огороду’.

Казённой шуонэз Полина азьло öзгес валалля, дыр, нош министерствоын ваньмыз сыче йöтйз: ачиз юртэз но, отысь кабинет но, жёк съöрын пукись подполковникез но (С. Самс. В., 175). ‘Понятие «казенный» Полина **раньше,** наверно, недопонимала, а в министерстве все таким оказалось: и сам дом, и рабочий кабинет, и сидящий за столом ее подполковник’.

Атасэзлэсь чоръямзэ кылзон понна, вазь ик султэ но кыштырак ураме потэ (Н. Самс. Чач., 181). ‘Чтобы услышать пение петуха, очень **рано** встает [Алена] и потихоньку выходит на улицу’.

Наречия времени в предложении могут выражать разные оттенки своего значения:

1. *Нош Макар жёк съöрын кема пуке на: яратэ со йырйиськыны, лы сюриз ке, час но пукоз* (Г. Крас. Вю., 19). ‘А Макар еще **долго** сидит за столом: любит он погрызть, если кость попадет, и час будет сидеть’.

Кемалась ик öвöл чыпет дурын, пичигес вуко сяна, мукет юртъер öй вал (Г. Крас. Вю., 38). ‘Еще совсем **недавно** у пруда, кроме маленькой мельницы, других строений не было’.

Наречия времени *кема, кемалась* ‘давно’ выражает длительность, продолжительность протекания действия.

2. **Кемалась-кемалась**, – верало удмуртӥёс, – улэм музъем вылын святой адями (Г. Вер. 146). ‘**Давным-давно**, – говорят удмурты, – жил на земле святой человек’.

Азьло вӧсяськыло вьлэм татын, Иван одӥг гырон быдтон празнике быдэс гуртэн ӝук пӧзтыса сиемзэс тодэ на (С. Самс. В., 116). ‘**Раньше** здесь молились бывало, Иван еще помнит, как во время праздника окончания сева всей деревней здесь ели кашу’.

Наречия кемалась-кемалась ‘давным-давно’ и азьло ‘раньше’ обозначают давность действия, по отношению к настоящему времени.

3. *Нош кин уг тоды: **нырысь** кинлы ке вожъяськиськод ке, бератаз солы яке тушмон луськод, яке соя кариськиськод* (Г. Крас. Вью., 39). ‘А кто не знает: если сперва кому-то завидуешь, потом ему или врагом становишься, или под него подстраиваешься’.

Наречие времени *нырысь* в значении ‘сперва, прежде, сначала’ выражает очередность действия.

Одни наречия времени указывают на определенное время, например: *али* ‘сейчас’, *толон* ‘вчера’, *уйин* ‘ночью’, *нуназе* ‘днем’, *ӝыит* ‘вечером’, *ӝукна* ‘утром’, *гужем* ‘летом’, *ӝуказе* ‘завтра’, *сӝыбыл* ‘осенью’, *туннэ* ‘сегодня’ и др.

Тани али но мукет адямиос дорын пинальӥс яцикӥссэс тырмытӥллям, нош анаез-атаез гуртын ке луысалзы, пинальӥс Кабышевӥс дорысь одӥг сузь но пень ой поттысалзы (Г. Крас. Вью., 16). ‘Вот и **сейчас** дети наполнили свои ящики у других людей, а если бы его родители были дома, дети не получили бы от Кабышевых ни одной горсти золы’.

Толон со журналистӥсын пумиськылӥз, йылпумъянӥс лэсьтӥз Россиысь МЧС-лэн Удмурт Республикая Валтӥсь управлениезлэн ортем ар понна ужамезлы, озьы ик тодматӥз туэлы чаклам ужпумӥсын (УД, № 026–027, 2008). ‘**Вчера** он встречался с журналистами, подвел итоги о работе Главного управления МЧС России по Удмуртской Республике за прошедший год, также познакомил с делами, запланированными на нынешний год’.

Учкод ке, сое асьсэлэсь роднязэс кадъ мылысь-кыдысь пумитазы, со понна уйшор уйин самовар пӧсятӥзы, сиён-юон дасязы (Иг. Гавр. Вп., 25). ‘Если посмотришь, его приняли от всего сердца как своего родственника, ради него **после полуночи** поставили самовар, приготовили еду’.

Нуназе колхозэ ужаны пота, ӝыит бертэ но шутэтсконэз уг вала: бакчяз муш умортооссэ тупатъя, маке тӥрен шарккетэ, лопаткаен гудиське (Г. Крас. Вью., 5). ‘**Днем** [он] ходит работать в колхоз, **вечером**

возвращается и не знает отдыха: в своем огороде ремонтирует улья, что-то делает топором, копает лопатой’.

Їукна уже кошкыкуз, сое но тае лэсьты шуэ, жьыт бертэ но сиськыса ёжытак шутэтскыны выдэ (Г. Крас. Вю., 12). ‘Утром, уходя на работу, дает работу на день (букв. ‘это и то сделай говорит’), вечером возвращается, и, поужинав, ложится немного отдохнуть’.

Їошен ог дасо пуд картофка поттйзы, мешоке тырыса, йуказе базаре мыныны дасязы (Г. Крас. Вю., 50). ‘Вместе они вынесли около десяти пудов картошки, уложив в мешки, подготовили назавтра (букв. ‘завтра’) везти на рынок’.

Сйзыл Олексан кутсаськон лапасын ужаз (Г. Крас. Вю., 14). ‘Осенью Александр работал на зернотоке’.

Туннэ со фермаязы нош ик куинь курегзы бырем (Г. Крас. Вю., 18). ‘Сегодня на той ферме опять погибло три курицы’.

Другие наречия выражают неопределенное время, например: *куддырья* ‘иногда’, *олоку* ‘неизвестно когда’ *туннэ-йуказе* ‘на днях’, *куке-соку* ‘когда-нибудь’, *бер* ‘поздно’, *берло* ‘позже’, *куке* ‘когда-то’ и др.

Макар куддырья Олексанэз алэ: малы няньтэк сиськиськод? (Г. Крас. Вю., 18). ‘Макар иногда упрекает Александра: почему без хлеба ешь?’

Олоку озьы коттйскыны вуэм (П. Черн. Снн., 126). ‘Неизвестно когда [я] успел так промокнуть’.

Жегатскыны уг луы ни – бусыос тол шобретсэс куштйзы, туннэ-йуказе гырыны потоно луоз (Г. Крас. Вю., 47). ‘Задерживаться уже нельзя – снег с полей сошел, на днях (букв. ‘сегодня-завтра’) нужно будет выйти на вспашку’.

Дарьялэн пересь анаез аслэсьтыз бызем шыкыссэ утялтыса возе: оло, куке-соку нылыз визьмаськоз но шыкыс кулэ луоз (Г. Крас. Вю., 56). ‘Бабушка Дарья хранит свой сундук, полученный в приданое: может быть, когда-нибудь дочка за ум возьмется и сундук понадобится’.

Зоя фермае, курегёсыз доры, бер гинэ мынэ: ойдо, сютэм уз кулэ-ай, нырысь аслэсьтыдзэ утялтоно (Г. Крас. Вю., 21). ‘Зоя на ферму, к курицам, идет поздно: не помрут с голоду, вначале нужно накормить своих’.

Марья берло нош ик вулы потэм вал но, замокез адзйса, сяззиськыса кошкыз (Г. Крас. Вю., 26). ‘Позже Марья снова вышла было за водой, но, увидев замок, плюнула и ушла’.

Иван Комаров куке но ээмзэ ик Ваня Сысоев вал (С. Самс. В., 107). ‘Иван Комаров когда-то действительно был Ваней Сысоевым’.

Авторы «Грамматики современного удмуртского языка» отмечают, что наречия времени в сочетании с глаголами могут показывать разные временные отношения [ГСUY 1962: 296–297]:

а) длительность времени действия: *кема* ‘долго’, *гужембыт* ‘целое лето’, *толбыт* ‘целую зиму’, *кыктой* ‘в два дня’, *арскын* ‘за год’, *уен-нуналэн* ‘днем и ночью’, *лумбыт* ‘целый день’, *уйбыт* ‘целую ночь’ и др.

Дурисьёс усыез нуэм бере, Зоя кема нукуртүз на: «Тїни ведь мурт адямиез юртад лэзь гинэ – ваньзэ нуыса кошкозых» (Г. Крас. Вью., 16–17). ‘После того, как кузнецы унесли борону, Зоя еще **долго** ворчала: «Вот ведь, только пусти чужого человека в дом – все унесут»’.

Кирла «Беларусь» трактореныз гужембыт траншеяс гудїз, быдэс гуртлы зеч кариз, шуыны луоз, нош табере солы ик олокытчы палэнэ, Капитонов Мартынлэн капка аяз, вулы ветлоно луоз-а? (Г. Крас. Кмк., 6). ‘Кирилл **на протяжении всего лета** копал траншеи на тракторе «Беларусь», для всей деревни старался, можно сказать, а теперь ему куда-то далеко, к воротам Капитонова Мартына, за водой придется ходить?»’.

Пинальёс со мында пень сюремлы шумпотїзы: со пенез Зоя угос толбыт люкам вал, вышкылэн тросаз луиське ни (Г. Крас. Вью., 15). ‘Дети очень обрадовались такому количеству золы: ведь эту золу Зоя **целую зиму** собирала, почти полная бочка набралась’.

Агрономлэн валэктэмезья Макар кыктой чоже кенос осьёсы ну решеткаос лэстїз (Г. Крас. Вью., 34). ‘По разъяснению агронома Макар **в течение двух дней** делал деревянные решетки на амбарные двери’.

Банкїёс кредит висьяло арскын 280 процентэн (УД, № 018–019, 2008). ‘Банки выделяют кредит под 280 процентов **годовых**’.

Группае вань дырья, скальёсы понна гинэ сюлмаськылий, эишьёсылэсь уногес йёл кыскон понна, уен-нуналэн тыршисько вал (П. Куб. Т., 240). ‘Когда у меня была своя группа [коров], заботилась лишь о своих коровах, **днем и ночью** трудилась, чтобы больше других молока надоить’.

Лумбыт чоже быдэн куинь пол кидыс нуизы ке, котькудїз быдэн сузь ёрос кисьтїз ке... (Г. Крас. Вью., 59). ‘Если за **целый день** каждый унесет семена по три раза, каждый просыплет на километр по горсти...’.

Уйбыт курадзыса потїз Гондыр (М. Кон. Куöv., 28). ‘**Всю ночь** промучался Гондыр’.

Данные наречия обычно отвечают на вопрос *кудняля?* ‘сколько времени?’, *кема-а?* ‘как долго? долго ли?’.

б) время действия до определенного периода: *їсытозь* ‘до вечера’, *уйшорозь* ‘до полуночи’, *чукнаозь* ‘до утра’, *нуназезь* ‘до обеда’, *гужемозь* ‘до лета’, *сийзылозь* ‘до осени’, *толалтэозь* ‘до зимы’ и др.

Сыче-таче узырлыксы номыр ик ой вал, озыи ке но, багаж даян їсытозь оз быр (Иг. Гавр. Вп., 253). ‘Никакого такого богатства у них не было, тем не менее, сбор багажа и **до вечера** не закончился’.

Нош со тодэ вал, бюро уйшорозь но заседать кырылэ шуыса (Иг. Гавр. Вп., 250). ‘А она знала, что бюро и до **полуночи** заседает’.

Али тон квартираяд бертыса шутэтскы, чукнаозь Москваысь поезд уз луы ни (Г. Крас. Кч., 28). ‘Ты сейчас возвращайся в свою квартиру и отдыхай, **до утра** поезда из Москвы уже не будет’.

Нуназеозь, зэмзэ но, чорыг умой сюриз (Н. Бел. П., 265). ‘**До обеда**, и вправду, рыба хорошо ловилась’.

Футболэн шудон возьмы гужемозь ёсужаса вуттоз-а, шуг вераны (УД, № 025, 2008). ‘Футбольное поле **до лета** успеет ли покрыться травой, трудно сказать’.

Ми тууж шумпотйськом, дорамы будэтэм сяськаос тулысысен сйзылыозь шулдыртозы Ижевсклэсь урамёссэ, – вераз сяська будэтонъя предприятилэн кивалтйсьез Марат Аухадеев (УД, № 021, 2008). ‘Мы очень рады, выращенные у нас цветы будут украшать улицы Ижевска с весны **до осени**, – сказал руководитель цветочного предприятия Марат Аухадеев’.

Эти наречия обычно отвечают на вопросы *кытчыозь? куддырозь? куднялаозь?* ‘до каких пор? до какого времени?’.

в) время как начало действия, с каких пор протекает действие: *чукнаысен* ‘с утра’, *тузысен* ‘с этого года’, *сйзылысен* ‘с осени’, *йсытысен* ‘с вечера’, *кемалась* ‘давно’ и др.

Чукнаысен йсытозь коркаетй но азбартй ширьяз, ас понназ нургетыса, ялан маке но ужаз (Иг. Гавр. Вп., 144). ‘**С утра** до вечера он шастал по дому и по двору, что-то бурча про себя, постоянно что-то делал’.

Вераме потэ созэ но: тузысен шаерысьтымы предприятиосты кышкытлыклэсь утиськон ласянь уката но зол чаклалозы (УД, № 026–027, 2008). ‘Хочется сказать о том: **с этого года** предприятия республики в отношении охраны безопасности будут сильнее защищены’.

Шулдырьяськон люкетэз ласянь верано ке, сйзылысен репетициос ортчытъяло ни (УД, № 025, 2008). ‘Если говорить о развлекательной части, репетиции проводят уже **с осени**’.

Чебершур селоян Иларий поп кемалась улэ, кык черк пуктыны вуиз ини (К. Митр. Сз., 64). ‘В селе Чебершур поп Иларий живет **давно**, уже две церкви успел построить’.

Вышеупомянутые наречия обычно отвечают на вопросы *куддырысь? куддырысен? куднялась? кудняласен?* ‘как давно? с каких пор начиная? с какого времени?’.

1.1.2. Наречия места

В удмуртском языке наречия, указывающие на место, направление действия, составляют разряд наречий места. Наречия места отвечают на вопросы *кытын?* ‘где?’, *кытчы?* ‘куда?’, *кытысь?* ‘откуда?’, *кытысен?* ‘откуда? с какого места?’. Например: *отын* ‘там’, *татын* ‘здесь’, *отчы* ‘туда’, *татчы* ‘сюда’, *отысь* ‘оттуда’, *татысь* ‘отсюда’, *азьлан* ‘впереди’, *кыдӧкын* ‘далеко’, *педло* ‘на улицу’, *отысен* ‘оттуда’, *татысен* ‘отсюда’, *талань* ‘в эту сторону’, *пушласянь* ‘изнутри’ и др.

Как отмечает С. А. Гочияева [1973: 53], общей чертой, характеризующей наречия места, является их форма – в большинстве своем наречия места представляют собой различные формы пространственных падежей: дательного-направительного, местного и исходного. Данное обстоятельство также отмечено в «Современном коми языке». Авторы данной книги пишут, что многие наречия сохранили остаточные явления изменений по падежам [СКЯ 1955: 253]. Сохранились в основном суффиксы пространственных падежей. Например: ср. к. *улын* и удм. *улын* ‘внизу’ (форма местного падежа); ср. к. *улысь* и удм. *улысь* ‘снизу’ (форма исходного падежа); ср. к. *улӧ* и удм. *улэ* ‘вниз’ (форма вступительного падежа); ср. к. *увлань* и удм. *улань* ‘вниз’ (форма приближительного падежа); ср. к. *улӧд*, *увті* и удм. *улті* ‘вниз, понизу’ (формы переходного падежа); ср. к. *улӧдз* и удм. *улозь* ‘донизу’ (форма предельного падежа).

Наречия места могут обозначать:

а) отдаленность действия: *кыдӧкын* ‘далеко’, *отын* ‘там’, *кыдӧкысен* ‘издалека’, *отысен* ‘с того места’, *отысь* ‘оттуда’, *отчы* ‘туда’, *пыдлон* ‘глубоко’ и др.

Тымет выжез ортчыса, паллянэ кожизы но изэн вӧлдэм нялмыт сюрес кузя кӧня ке гинэ тубизы, кыдӧкын, ыргетэм кадь, гудыри кылӧськыз (Иг. Гавр. Вп., 75). ‘Пройдя по мосту через пруд, [они] повернули налево и лишь поднялись по гладко выложенной камнем дороге, **вдалеке**, словно мычание, послышался гром’.

Удмуртлэн юртаз пыриськод ке, тонэ отын сюдо, вордо, дурыс-тэм умой куноято (К. Митр. Сз., 38). ‘Когда заходишь в дом удмурта, тебя **там** кормят, поят, очень хорошо угощают’.

Тима кыдӧкысен кутскиз, Микта Иванэз чылкак вунэтэм кожалод (Г. Крас. Вю, 44). ‘Тима начал **издалека**, можно подумать, позабыл о Микта Иване’.

Пуны ёжожомем тусын лапас улэ кошке, отысен Макар шоры вырӧзылтэк учкыса улэ (Г. Крас. Вю., 17). ‘Собака с хмурым видом уходит под навес, **оттуда**, не двигаясь с места, смотрит на Макара’.

Берпумзэ учкиз на кызыпуэз шоры, собере секыт вамышгёсын отысь кошкиз (Н. Вас. Сф., 95). 'В последний раз посмотрел на свою березу, потом ушел **оттуда**, тяжело шагая'.

Колхозной бусы – со асьме бакча өвөл, отчы коть дурыныз киська – иназ уз мыны! (Г. Крас. Вю., 16). 'Колхозное поле – это не свой огород, **туда** хоть через край сыпь – толку не будет'.

Солэн нимыз – юон, выжыез – пьдлон, нош пумыз – бырон (А. Увар. ПМкм., 341). 'Ее имя – пьянка, корни – **глубоко**, а конец – смерть'.

б) близость действия: *матын* 'близко', *татысен* 'с этого места', *татын* 'здесь', *татысь* 'с этого места' и др.

Матын сыче улон, борд съёрын гинэ, кидэ мычид ке, сузёд (Г. Крас. Вю., 12). '**Рядом** такая жизнь, за стеной, если руку протянешь – дотянешься'.

Татысен ик, Глазов музьем вылысен, Кировысь лыктэм операя труппа спектакльзэ возматыку, ньыль аресъем Ритаез сцена вылэ пичи вуныл пёрмытыса поттазы (УД, № 134–135, 2008). 'Здесь же (букв. '**отсюда**'), на Глазовской земле, при показе спектакля оперной труппой из Кирова, четырехлетнюю Риту выводили на сцену в образе маленькой русалки'.

Ваньзэ адъыса вылысь сингёстэ кынёно ке, малы кулэ татын инспектор, ма понна тыныд диплом но мултэс кизили (С. Самс. В., 176). 'Если, видя все, закрыть на это глаза, для чего нужен **здесь** инспектор, ради чего тебе диплом и лишние звездочки'.

Музьем съёд-съёд, 1941-тй–1945-тй аргёсы, тылож дыръя, юмме өвөл уго немецгёс татысь составен-составен Германие ворттйллям туж удалтытйсь съёд сюез (УД, № 132, 2008). 'Земля черная-пречерная, не зря **отсюда** немцы во время войны в 1941–1945 гг. составами возили в Германию плодородную черную землю'.

в) направление действия: *улань* 'вниз', *выллань* 'вверх' *вылласянь* 'сверху', *паллянэ* 'налево', *вылэ* 'наверх', *азьпала* 'вперед', *солань-талань* 'туда-сюда; из стороны в сторону' и др.

Карнизз меёак липемын, соин та корка, картуз нырзэ уллань лэзьыса, кык укноосыныз-сингёсыныз кыдёке бусые сак учкыса пукись мурт кадь потэ (Г. Крас. Вю., 4). 'Карниз перекрыт круто, поэтому этот дом, словно опустив **вниз** козырек картуза, похож на сидящего человека, внимательно смотрящего двумя глазами-окнами далеко в поле'.

Тазалыксэс эскеро – вылласянь учкыса, нокыче туалала эмъян техникаез уже уг куто (УД, № 083–084). 'Здоровье проверяют – наблюдая снаружи (букв. '**сверху**'), никакую современную медицинскую технику в работе не используют'.

Кузнецов кожиз **паллянэ**, мышказ мынйсь мурт – со бёрсьы (П. Кул. Зч., 67). ‘Кузнецов повернул **налево**, следовавший следом человек – за ним’.

Куд-ог дыръя чорыг утчась тылобурдоос ву вылэ пукыч кадь лэ-зисько но сылйсь муртъёслэн йыр йылтйзы ик меҷак **вылэ** тубо (М. Кон. Куöv., 9). ‘Иногда ищущие рыбу птицы, словно стрелы опускаются в воду и резко поднимаются **вверх** прямо над головами стоящих людей’.

Гондыр юн-юн **азьпала** тэтчиз, пужым бордысь висьяськыз (К. Митр. Сз., 35). ‘Медведь прыгнул далеко **вперед**, отошел от сосны’.

Адямиос **солань-талань** ветло, тракторъёс дыбырто, автомашинаос жургето (Г. Крас. Вю., 38). ‘Люди ходят **туда-сюда**, трактора дребезжат, машины гудят’.

Наречия места в предложении могут указывать непосредственно:

1. На место протекания действия. Они отвечают на вопрос *кытын?* ‘где?’, например: *отын* ‘там’, *матын* ‘близко’, *татын* ‘здесь’, *котькытын* ‘везде’, *нокытын* ‘нигде’, *азьпалан* ‘впереди’, *кыдёкын* ‘далеко’, *кытын-отын* ‘местами’ и др.

Учыр тупаз: валлян арын Микта Иван вужмем корказэ пулы ву-заз, ачиз райцентре Акташе улыны кошкиз, **отын** райисполкоме конюхе пырем (Г. Крас. Вю., 4). ‘Случай подвернулся: в позапрошлом году Иван Никитьевич продал свой старый дом на дрова, сам переехал жить в районцентр Акташ [название места], **там** устроился в райисполкоме конюхом’.

Ки йылаз йсутэтэз секыт ке но өвёл, со укыр **матын** шока, шуньт киосыныз укыр юн зыгырске (Г. Крас. Вю., 34). ‘Хотя и груз на руках не тяжёлый, он слишком **близко** дышит, крепко прижимается теплыми руками’.

Кытйяз Олексанлэн соослы пумит ваземзы потэ: «Мар тй косьяськиськоды, **котькытын** кузёяськиськоды?» (Г. Крас. Вю., 39). ‘Иной раз Александр хочет им возразить: «Что вы указываете, **везде** хозяйничаете?»’.

Нокытын ужсум өд жутэ? (С. Самс. В., 98). ‘**Нигде** вопрос не подняли?’.

Сыёе ярез васькиськод – **азьпалан** йсёквыл кадь чошкыт бусы, өжыт мынйськод – нош ик меҷ васькон сюрес (Г. Крас. Вю., 38). ‘С такого обрыва спускаешься – **впереди** ровное, словно поверхность стола, поле, немного пройдёшь – снова круто спускающаяся вниз дорога’.

Нош Олексанлы со, **матын** ке но, сузёнтэм **кыдёкын** (Г. Крас. Вю., 12). ‘А она Александру хотя и **близко**, но недоступно **далека**’.

Куазь уродъяськемен, **кытын-отын** урод ужазъ связъ, кысыліз тыл (УД, № 031, 2008). ‘Из-за плохой погоды местами (букв. ‘кое-где’) была плохая связь, погасал свет’.

2. На направление действия или процесса. Они отвечают на вопрос **кытчы?** ‘куда?’, например: **кыдёке** ‘далеко’, **отчы** ‘туда’, **татчы** ‘сюда’, **нокытчы** ‘никуда’, **пыдло** ‘вглубь’, **педло** ‘на улицу, наружу’, **котькытчы** ‘хоть куда’, **палэнэ** ‘в сторону’, **отчы-татчы** ‘туда-сюда’, **вылэ** ‘вверх’, **улланы** ‘вниз’, **азьланы** ‘вперед’, **вылланы** ‘наверх’, **берланы** ‘назад’, **мыдланы-азьланы** ‘взад-вперед’, **сьёрланы** ‘назад’, **соланы-таланы** ‘туда-сюда’ и др.

Курегпуз кӧмзэ кыдёке палэнэ пазьгиз [Зоя] (Г. Крас. Вью., 30). ‘Яичную скорлупу [Зоя] выбросила **далеко** в сторону’.

«*Кинэн шедьтӱд, отчы ик мын!*» – *лек шытыртӱз Микол, мыжыкӱессэ кысыосаз ватыса* (Г. Крас. Вью., 7). «С кем нагуляла, **туда** и иди!» – зло прошептал Николай, спрятав кулаки в карманах’.

Уг луы-а вал татчы ваемед, асьмелэн но инты сюрисал (Г. Крас. Вью., 25). ‘Не мог ли [ты] **сюда** привести, и у нас бы место нашлось’.

Нокытчы уг кошкы шуиз (Г. Крас. Вью., 26). ‘Сказал, что **никуда** не уйдет’.

Котомказэ берен лач-лач думыліз но койка улаз пыдло донгиз (Г. Крас. Вью., 30). ‘Котомку [он] снова аккуратно завязал и спрятал **подалее** под койку’.

Андрейлэн котькытчы, котькинэн вераськыны дырыз тырме, уг но акыльты лэся (Г. Крас. Вью., 39). ‘У Андрея везде (букв. ‘хоть куда’), со всеми (букв. ‘хоть с кем’) разговаривать времени хватает, и не устает, видимо’.

Шофер соослы вуэн ведра, корт банкаен керосин сётэ но ачиз палэнэ пуксе (Г. Крас. Вью., 48). ‘Шофер им дает ведро с водой, керосин в железной банке и сам садится **в сторону**’.

Мумиз но котыраз бергаз, тыбыраз цемент мешокен я ки йылаз кирпичен отчы-татчы вутскыліз (С. Самс. В., 109). ‘И мать крутилась (помогала) вокруг него, с мешком цемента на спине или с кирпичами на руках успевала **туда-сюда**’.

Пельпумысьтыз погоньёсыз маке пӧртмасько – вылэ урдӱсько, улланы лэзько, нош вылланы... (С. Самс. В., 122). ‘Погоны на плечах будто колдуют – **вверх** поднимаются, вниз опускаются, снова вверх...’.

Нош малы ыжӱёсыз уг ваё на? – чагыр платья сӧзызэ улланы курт-калтыса султӱз но урам шоры вамышитӱз, уллане учкиз со (С. Самс. В., 115). ‘Почему овец до сих пор не пригоняют? – стряхнув подол голубого платья, она встала и зашагала на улицу, посмотрела **вниз**’.

Айда, **азьлань** вамышиты! (Г. Крас. Вью., 48). 'Айда, **вперед** шагай'.

Курасть муртъёс солы оgez но уг ярало: я мугорын тэшкыльтыса погыртымон, я ымнырыз шуш, я семьязы бадъым, – **о́жыт-а муг шедь-тэ** Вара соосты **берлань** келяны (Иг. Гавр. Вп., 16–17). 'Из сватовей ей никто не нравится: или ростом невелики, или на лицо не красивы, или семья у них большая, – мало ли причин находит Варя, чтобы отослать их **обратно**'.

Антракт дыръя фойеетий калык **мыдлань-азьлань** ветлэ (Иг. Гавр. Вп., 114). 'Во время антракта народ ходит по фойе **взад-вперед**'.

Жёк выльысь пряник басьтэ, синучкон азе мыныса, кузьым кышетсэ я **сьёрлань**, я ангес улаз керттэ, буртчин лентаоссэ йырси пунэтьёсыз борды мерта (Иг. Гавр. Вп., 101). 'Со стола берет пряник, идет к зеркалу, завязывает подаренный платок то **сзади**, то ниже подбородка, примеряет шелковые ленты к косичкам'.

Чебер дйясъкем калык ульчаетий **солань-талань** мынэ-ветлэ (Иг. Гавр. Вп., 109). 'Нарядно одетый народ ходит по улице **туда-сюда**'.

3. На место, откуда действие исходит, или место, которое является начальным пунктом действия. Они отвечают на вопрос *кытысь?* 'откуда', *кытысен?* 'откуда? с какого места?', например: *олокытысь-марысь* 'откуда-то', *пушласянь* 'изнутри', *отысен* 'оттуда; начиная отсюда', *кыдёкысен* 'издалека', *татысен* 'отсюда; начиная отсюда', *олокытысь* 'откуда-то', *кытысь ке кыдёкысь* 'откуда-то издалека', *отысь* 'оттуда', *нокытысь* 'ниоткуда', *котькытысь* 'везде', *пушласянь* 'изнутри', *кудласянь* 'с какой стороны', *улласянь* 'снизу', *вылласянь* 'сверху; свысока', *мышласянь* 'сзади; с тыла; с задней (с тыльной стороны)', *сьёрласянь* 'сзади; с тыла; с тыльной стороны' и др.

Пырьись муртлэн пумитаз **олокытысь-марысь**, боз-боз куараен утыса, кион быдэа пурьись овчарка потэ (Г. Крас. Вью., 5). 'Навстречу входящему человеку **откуда-то** с грубым лаем выбегает серая овчарка величиной с волка'.

Тамаксэ кыскем бераз, азбаре потэ, капкалэсь ваменпузэ донге, бакчае потон ыбесэз **пушласянь** зырен пыке, пудо гидзэс замокен ворса (Г. Крас. Вью., 19). 'Покурив, выходит во двор, толкает засов калитки, подпирает **изнутри** колом ведущие в огород ворота, закрывает хлев на замок'.

Отысен кошке ни, кушем ним адями борды вурем кадь лякиське (Г. Крас. Вью., 21–22.) '**Оттуда** уже идет, прозвище привязывается человеку как приклеенное'.

Акташе базаре автомашинаен мыно вал, адымиос **кыдёкысен** тод-маллязы: «Эх, акагуртъёсыд вуо, тани быдэс базар тыр вузьёс ваёзы но

дунъёсты уськытозы» (Г. Крас. Вю., 22). ‘На базар в Акташ [название места] [они] ездили на автомашине, люди **издалека** узнавали: «Эх, акагуртовцы едут, сейчас навезут товару на весь базар и цены снизят»’.

Номыр сыёе-таёе өвөл ке, татысен умой луоз поссоветэ документ воштон сярэсь пыраны (С. Самс. В., 114). ‘Если ничего такого нет, **отсюда** лучше будет зайти в поссовет по поводу замены документов’.

Малы соин тазыы вырыськод но олокытысь оломае тодад ваиськод? (С. Самс. В., 123). ‘Почему с ним так поступаешь и **откуда-то** что попало припоминаешь?’.

Пельсьобраз кытысь ке кыдёкысь кылйськыз чангес куара (С. Самс. В., 107). ‘За его спиной (букв. ‘за ухом’) **откуда-то** издалека слышался звонкий голос’.

Нокытысь но бадзым кёто яке векчи чыртые бутылка өз шедьты (С. Самс. В., 118). ‘Нигде (букв. ‘**ниоткуда**’) ни большой (букв. ‘толстопузой’), ни маленькой (букв. ‘с узким горлышком’) бутылки он не нашёл’.

Иван котькытысь утчаськыз соку (С. Самс. В., 118). ‘Иван тогда везде (букв. ‘**отовсюду**’) искал’.

Жуаны сётаки пушласянь кутскемын – вань коръёс солань эгырзёмын, кыр палтйз сэрегпумен кылемъёсыз вань, сутскыны вуэмын өвөл (С. Самс. В., 202). ‘Гореть все-таки начало **изнутри** – все бревна с той стороны обуглены, с наружной стороны головешки остались, не успели сгореть’.

Мотя өсэз пушласянь маин ке жингырак пунъяз (Иг. Гавр. Вп., 331). ‘Матрона чем-то **изнутри** со звоном закрыла двери’.

Улласянь золгес мыжгид ке, курик пезьдоз (Иг. Гавр. Вп., 331). ‘Если **снизу** посильнее ударишь, крючок отскочит’.

Мар тон, мар тон? – Кирилл султйз но, Семён вёзы ик кариськыса, синъёсаз улласянь учкыз (Женеш, 11). ‘Что ты, что ты? – Кирилл встал и, подойдя вплотную к Семену, **снизу** посмотрел ему в глаза’.

Ми шоры вылласянь гинэ учкод на... (Иг. Гавр. Вп., 134). ‘На нас **высока** только будешь смотреть...’.

Мукет государствоос огкылысь кутскысалзы ке, Микта агай кадъёс татын Советской властез *мышласянь* чыртыйтйз кекатысалзы (Иг. Гавр. Вп., 279). ‘Если бы другие государства объединились (букв. ‘сообща начали’), такие как Микола задушили бы здесь Советскую власть **с тылу**’.

Комиссилэн членъёсыз Кузьмаез *сьёрласянь* кутйзы но либатыны кутскизы (Иг. Гавр. Вп., 221). ‘Члены комиссии схватили Кузьму **сзади** и начали успокаивать’.

4. На место, по которому происходит движение. Они отвечают на вопрос *кытй?* ‘где; по какому месту?’, например: *татй* ‘здесь; по этому месту’, *палэнэтий* ‘стороной’, *кудпалтй* ‘с какой стороны’, *отй* ‘там; по тому месту’, *ултй* ‘снизу’ и др.

Азбар палась укноосын занавескаос өвёл: малы кулэ соос, татй нокин уз учкы (Г. Крас. Вью., 6). ‘На выходящих во двор окнах нет занавесок: для чего они нужны, сюда (букв. ‘здесь’) никто не посмотрит’.

Валэн ужась эшъёсызлэсь палэнэтий кошкыны турттылйз (Г. Крас. Вью., 11). ‘Друзей, работающих на лошадях, он пытался обходить **стороной**’.

Соосты уд вала, ку куртчозы, кудпалтй тэтчозы (Г. Крас. Вью., 46). ‘Их не поймешь, когда укусят, **с какой стороны** прыгнут’.

Аслэсьтыд юаны ымме усьтйсько вал ай, отй Мишаез од шёды-а шуыса, Ижысь адымиеныз со Чебернюк пала мынэмен вераз (С. Самс. В., 150). ‘У тебя самого [я] хотела спросить (букв. ‘рот открывала’), не видел ли **там** Мишу, он сказал, что с человеком из Ижевска он пошел в сторону лога Чебернюк’.

Ярам, созэ усьтыны тодэ – ултйз кидэ лэзиськод но вамен донгем пу лопатка ныдзэ кыскиськод – шальк! (С. Самс. В., 119). ‘Хорошо, как это [дверь] открыть знает – **снизу** руку просовываешь и тянешь за поперек расположенную деревянную ручку лопаты – [открывается]!’.

5. Пространственный предел действия (движения), его конечную точку. Они отвечают на вопрос *кытчюозь?* ‘докуда? до какого места?’, например: *отчыозь* ‘до того места, дотуда’, *татчыозь* ‘до этого места’ и др.

Тодйзы, со отчыозь уз вутты, Харампурысь буровое кожоз (С. Самс. В., 113). ‘Узнали, что он **дотуда** не довезет, из Харампура на буровую свернет’.

Татчыозь вуид уни. ‘До этого места уже дошел’.

1.1.3. Причинно-целевые наречия

Наречия причины указывают на причину, основание, в силу которых происходит действие.

Наречия цели указывают на назначение совершаемого действия, на цель, ради которой происходит действие.

По причине того, что наречия причины и наречия цели в удмуртском языке отвечают на одни и те же вопросы, принято рассматривать их вместе. Примечателен тот факт, что наречия данной группы в коми языке обозначены Д. В. Бубрихом как «наречия основания, без четкого разграничения причины и цели»: *жаляддзя* ‘из жалости (ради жалости)’, *гажаддзя* ‘для веселья (ради веселья)’ [Бубрих 1949: 90].

Наречия причины и цели в удмуртском языке отвечают на вопросы: *малы?* ‘почему? зачем?’, *ма муген?* ‘с какой целью?’, *ма сэрен?* ‘вследствие чего?’.

Круг наречий этих групп весьма ограничен. Значения этих групп слов настолько близки, что трудно установить границы между наречиями причины и цели, например, *юмме* ‘напрасно’, *юнмысь* ‘напрасно’, *юри* ‘нарочно, специально’, *юромо* ‘нарочно, специально’, *огшоры* ‘просто, запросто’, *нимысьтыз* ‘специально’, *малы* ‘почему, зачем’, *малы ке* ‘почему-то’, *токма* ‘зря, напрасно’, *дауре* ‘попусту, зря’, *юмме шорысь* ‘напрасно’, *токма шорысь* ‘напрасно’.

Юмме уг верало, дыр: «*Оген венез но ёсутыны секыт, дэмен ёсутыку кор но капчи*» (Г. Крас. Вю., 5). ‘**Не зря** говорят, наверно: «В одиночку и иголку поднять тяжело, когда поднимаешь вместе – и бревно легкое»’.

Юмме Тй озьы, Галя... Галина Степановна (Г. Крас. Вю., 36). ‘**Напрасно** Вы так, Галя... Галина Степановна’.

Пиме, тиме юнмысь сёсыртызы ук (К. Митр. Сз., 41). ‘Сыночка, сыночка ни за что поранили’.

Куать арес дыръяз юри тротуар кузя писэйпиосыз утчаса ветлэ вал (М. Кон. Куöv., 14). ‘В шестилетнем возрасте [он] **нарочно** ходил и искал котят вдоль тротуаров’.

Мон юромо номыр ой куареты, пересез вожсомытон понна (Г. Крас. Ок., 33). ‘Я **нарочно** ничего не сказал, чтобы разозлить старуху’.

Ужаськод огшоры гинэ, трали-вали шуэм сямен, нош коньдон синтэм: толэяз укмыстон пала усе (Г. Крас. Кмк., 12). ‘Работа несложная (букв. ‘работаешь **просто**’), трали-вали можно сказать, а денег много: в месяц около девяносто рублей выходит’.

Нимысьтыз эскере выпускной курсысь нильёсты (Г. Дан. Усв., 213). ‘**Специально** проверяет девушек с выпускных курсов’.

Тйни малы бригадир но Педорлэн куронэзлы пумит оз кариськы ни (Г. Крас., Кй., 23). ‘Вот **почему** бригадир не был против просьбы Федора’.

Вань, дыр, украинаослэн но шулдыресь кырзанъёссы, нош Оксана малы ке котьку ук сыче ёсожмытъяссэ гинэ кырзалляз (Г. Крас. Ок., 35). ‘Есть, наверно, и у украинцев веселые песни, но Оксана **почему-то** всегда пела такие грустные [песни]’.

Кулйзы шуыса эн куректы токма: нуныосылэн ик лулзылы сояз дуннеын секыт луоз... (К. Митр. Сз., 65). ‘Не горюй **напрасно** об их смерти: душам твоих младенцев на том свете тяжелее будет...’.

Юмме шорысь туннэ инженеръяслэсь корказэс синъяз (М. Кон. Куöv., 22). ‘**Неожиданно** сегодня приметил дом инженеров’.

Токма шорысь монэ сереме медам уськыты (К. Митр. Сз., 50). ‘**Ни с того ни с чего** пусть меня не просмеивают’.

1.1.4. Многозначность обстоятельственных наречий

Современный удмуртский язык очень богат наречиями, обозначающими пространственные и временные отношения. Между этими двумя группами наречий наблюдается тесная связь и постоянное семантическое взаимодействие. Многие наречия места совмещают свое первоначальное пространственное значение с временным. Например:

Макар кышнозэ кустетй карытэк кылзйське, кытй-кытй гинэ маке со вера (Г. Крас. Вю., 33). ‘Макар слушает жену не перебивая, лишь изредка (букв. ‘где-где’) что-то говорит’.

Кытйяз, курег сиён бервылэз чужыса, кык-куинь сузь сезьы вае, аз-бараз пырыса, чангес куараен курегъёссэ оте (Г. Крас. Вю., 17). ‘**Иной раз**, подметая за курицами остатки корма, приносит две-три горсти овса, заходит во двор и звонким голосом подзывает куриц’.

Кытйяз Макар уж дурьсь бертэ но вунэтыса дэри пыдкучанэныз пырак йёк пала мынэ (Г. Крас. Вю., 6). ‘**Иногда** Макар возвращается с работы и, забывшись, идет напрямик к столу в грязной обуви’.

Кормушкаос сярись вераз, отйяз котьмар мед карозы, асьсэос тодо (Г. Крас. Вю., 60). ‘О кормушках сказал, **далее** пусть хоть что делают, сами знают’.

Зотов олокытй-мар дйсьсэ но воштэм (С. Самс. В., 141). ‘Зотов **неизвестно когда** и одежду поменял’.

Также на временные отношения могут указывать такие наречия места, как *отчыозь* ‘до тех пор’, *татысен* ‘с этих пор’, *татчыозь* ‘до этого времени’, *кытчыозь* ‘до каких пор’, которые обозначают время, в течение которого может продолжаться действие. Временной оттенок таких наречий отражается, как правило, в сложных предложениях.

Отчыозь коньдон но ёжытак луоз ни, – кёня уждун басьтонзэ лыдья (М. Кон. Куöv., 28). ‘**К тому времени** и денег немного наберется, – рассчитывает [он] свою будущую зарплату’.

Ярано коть, кыкетй атаез Марияез пичи но өз ултия, ас нылзэ сярись но золгес яратйз кадь. Татысен ик Лаптевьёслэн улонзы калленэн радьяськиз (УД, № 125, 2008). ‘Хорошо хоть, отчим Марию нисколько не обижал, даже как будто любил крепче собственного ребенка. **С тех пор** жизнь Лаптевых тихонько наладилась’.

Полина Зотовалэн ужезья – гуртын адями ышемын, татчыозь кытынзэ уг тодо, оло выйса йырысьтыз кышетэз кыись кие ветлэ... (С. Самс. В., 169). ‘По делу Полины Зотовой – в деревне пропал

человек, **до сих пор** не знают ее местонахождение, может ее убили, и ее платок по рукам ходит...?.

Ваньзэ гождтїд ке, Дедюхинды уз йѳты-а, бусѣнзэ нокыѳе прописка-тѣк возем татчыозь (С. Самс. В., 140). 'Если все напишешь, Дедюхину не попадет ли, что свояка **до сих пор** без всякой прописки держал'.

Кытчыозь *городын улуд?* 'Как долго будешь жить в городе?'

Особенность наречий места, совмещающих свое первоначальное пространственное значение с временным, характерно для многих языков, как родственных, так и неродственных. В коми языке [СКЯ 1955: 259] многие наречия места могут употребляться во временном значении. Эти две группы тесно связаны между собой. Например: *бѳрвылас видзѳдѳ* 'назад смотрит' (*бѳрвылас* является наречием места); *бѳрвылас тыдовтчас* 'потом, впоследствии выяснится' (здесь слово *бѳрвылас* является наречием времени) и т. д. В «Грамматике современного башкирского литературного языка» отмечено, что некоторые наречия имеют полисемантический характер. Их конкретное значение можно определить лишь в контексте. Так, наречие *артабан* употребляется в значениях 'туда, дальше' и 'в дальнейшем', т. е. может обозначать как место, так и время действия; наречия *ары-бире* 'туда-сюда', 'кое-как', *ѳйбѳрѳнсѳ* 'в каждом доме, из дома в дом' совмещают в себе значения места и образа действия [ГСБЛЯ 1981: 199].

1.2. Определительные наречия

«Определительные наречия выражают качество действия или состояния, различные их свойства или признак признака с качественной стороны. Они уточняют подчиняющие слова, внося в их значение новые добавочные признаки или же выражают качественную характеристику различных оттенков действия» [Трощева 1969: 5].

К определительным наречиям в удмуртском языке относятся:

1) наречия образа или способа действия: *озыы* 'так', *шуак* 'вдруг', *мылысь-кыдысь* 'усердно, энергично', *чаляк* 'быстро', *кужмысь* 'насилно', *нялтас* 'попутно', *уртче* 'вместе, совместно' и др.;

2) наречия степени: *ортчыт* 'слишком', *уқыр* 'очень', *уката* 'очень', *дурьыстэм* 'чрезмерно, через край', *сокем* 'настолько, так', *туж* 'очень', *лекос* 'очень, слишком' и др.;

3) наречия меры и количества: *далай* 'порядочно, давненько', *чарак* 'порядочно', *огпол* 'однажды', *кыктой* 'в течение двух дней', *дасой* 'в течение десяти дней', *тырмыт* 'достаточно, полно' и др.

Несколько спорным является мнение о наречиях степени. В данном случае их можно сопоставить с русскими эквивалентами. А. И. Моисеев не причисляет группу наречий степени к разряду определительных

слов. Автор аргументирует свою позицию тем, что наречия степени уточняют прилагательные, качественные наречия и слова категории состояния, а не глаголы, как это свойственно качественным (или определительным) наречиям [Шкляр: электронный ресурс].

1.2.1. Наречия образа или способа действия

Наречия образа или способа действия показывают, каким образом, каким способом протекает действие. Они отвечают на вопрос *кызыбы?* ‘как? каким образом?’. Как и в коми языке, «эти наречия при глаголах играют ту же роль, какую и качественные имена прилагательные при именах существительных. Они показывают качественный признак действия так же, как качественные имена прилагательные показывают качественный признак предмета» [СКЯ 1955: 259]. Например: удм. *умой адыми* ‘хороший человек’ – *умой дышетске* ‘хорошо учится’; *ческыт сиён* ‘вкусная еда’ – *ческыт пöраны* ‘вкусно готовить’; *визьмо пуны* ‘умная собака’ – *визьмо малпаськыны* ‘умно думать’; *яркыт шунды* ‘яркое солнце’ – *яркыт пиштэ* ‘ярко светит’; *чебер ныл* ‘красивая девочка’ – *чебер гожъяське* ‘красиво пишет’.

Данная группа наречий самая многочисленная в удмуртском языке. Например: *шара* ‘вслух, открыто’, *пыдын* ‘пешком’, *чаляк* ‘быстро, мгновенно’, *кужмысь* ‘насиленно’, *вöлак* ‘настежь’, *мырдэм* ‘еле, чуть’, *каллен* ‘медленно, тихо, постепенно’, *шуак* ‘неожиданно, вдруг’, *урод вераське* ‘плохо говорит’, *кужмо жугиське* ‘сильно дерется; сильно бьется (сердце)’, *озыы* ‘так’, *таззы* ‘так’, *жечкын* ‘по-хорошему’, *дунтэк* ‘бесплатно’, *каньылэн* ‘потихоньку’, *меёак* ‘прямо’, *кызыы* ‘как’, *уртче* ‘вместе, совместно’, *чебер вераськыны* ‘красиво говорить’, *яркыт пиштыны* ‘ярко светить’, *жсог* ‘быстро’, *визьмо малпаськыны* ‘умно думать’, *ческыт пöраны* ‘вкусно готовить’, *секыт шоканы* ‘тяжело дышать’, *шудыр серекъяны* ‘весело смеяться’ и др.

Эк, аранэз азинтоно вал туннэ, – öз чида Пужей аслэсьтыз малпанэз шара вератэк кельтыны (К. Митр. Сз., 16). ‘Эх, жатву бы сегодня продолжить, – не стерпел, высказал **вслух** свои мысли Пужей’.

Лыстэмлы со палэнтий кошке, матысь станциысен районной центрозь куинь иськемзэ пыдын яке автобуслэн мыноно (С. Самс. В., 216). ‘От деревни Лыстэм она [дорога] проходит стороной, от ближайшей станции до районного центра три километра надо добираться **пешком** или на автобусе’.

Петька но тани али гинэ юа вал: атай, пе, чаляк бертоз-а ни (Г. Крас. Кмк., 16). ‘И Петька вот только что спрашивал: отец, мол, **быстро** ли вернется’.

Солэн сингёсыз купырскизы, собере **вёллак** усьтійськыса долказы лёж-лёж кыллись йыртэм сяла курегез дорын жёлумыса сьлїсь, вїрен сап-таськем ымныро Парамон шоры (С. Самс. В., 211). 'Его глаза напряглись, потом, **широко** раскрывшись, усталились на запачканное кровью лицо Парамона, который, оцепенев, стоял у распластавшейся курицы-рябы'.

Евстафей Ондрей висись мурт сямен либыр-лябыр вамышгья, пьдъёссэ **мырдэм** жсутгья, соос борды из думылэмын кадь (Иг. Гавр. Вп., 39). 'Андрей Евстафьевич кое-как шагает, словно больной человек, **еле** поднимает ноги, как будто к ним подвязан камень'.

«Нош ик Вурысо бам лыктэм ук, та одно монэ утча, дыр» шуыса, бамзэ ватон понна юри котомкаяз бугырьяськыны одъяз, сиемез ке но уг поты, ачиз но шодытэк, куинь сэрего перепечсэ **каллен** гинэ куаса (М. Кон. Куов., 12). '«Снова Вурысо бам пришел ведь, он точно меня ищет, наверное», – сказал [Гондыр] и, пытаясь спрятать свое лицо, нарочно начал рыться в своей котомке, хотя и не хочет кушать, сам того не замечая, **тихонько** ест треугольную перепечку'.

Райком возтї ортчыкуз, солэн син шораз **шуак** адзїськыз тодмо тусбуй (Р. Вал., Ча., 46). 'Когда проходил мимо райкома, на глаза **вдруг** попался знакомый силуэт'.

Верам кылгёсыз но вал тодмо: «Ужано **кужмо**, **сюлмо**... жсутскем мылкыдын... **чупрес**... планлэсь мултэс...» (А. Увар. ПМкм., 337). 'И сказанные им слова были уже знакомы: «Работать надо **сильно**, **от души**... с приподнятым настроением... **бодро**... сверх плана...»'.

В данную группу нами также отнесены сложные наречия и наречные словосочетания: *мылысь-кыдысь* 'от души, от чистого сердца', *бёрсысь бёрсы* 'друг за другом', *гїжысь-пїньысь* 'энергично, настойчиво', *шуак-дуақ* 'ни с того ни с чего' и др.

Азьвыл но со чылкак юлїсьтэм ой вал, юон дыр ке, **мылысь-кыдысь** шулдырьяськыны яратылїз (Н. Самс., Бчв?, 191). 'И раньше он не был совершенно непьющим, если какой-то праздник, **от души** любил повеселиться'.

Ярано коть – **бёрсысь бёрсы** кык автобус вуыса, соос кызыы но озьы пуксызы (П. Черн. Снн., 124). 'Хорошо хоть – **друг за другом** пришло два автобуса, и они кое-как сели'.

Аксакиур школа пу юртын интыаськемын – республикамы тачеос трос овёл ни. Но отысь дышетїсьёс, анай-атайёс но нылпиос **гїжысь-пїньысь** утыны тыршо сое (УД, № 126–127, 2008). 'Аксакшурская школа располагается в деревянном доме – таких [школ] в нашей республике уже немного. Однако местные учителя, родители и ученики **настойчиво** пытаются её сохранить'.

Техникаез тійяны но, вьльдыны но луэ. Нош дышетон ужез шуак-дуак уд вошты (Г. Дан. Усв., 211). ‘Технику и сломать, и отремонтировать можно. А образовательный процесс **внезапно** не изменишь’.

1.2.2. Наречия степени

Наречия этой группы указывают на степень проявления качества или действия и отвечают на вопрос *макем?* ‘насколько? в какой степени?’. Например: *сокем* ‘настолько’, *макем* ‘настолько’, *чик* ‘совершенно, совсем’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *ортчыт* ‘слишком, чрезмерно, очень’, *уқыр* ‘очень, слишком’, *лекос* ‘очень, слишком, чрезмерно’, *тупыттэм* ‘чрезмерно, очень сильно’, *туж* ‘очень’, *юн* ‘очень’, *верантэм* ‘несказанно’, *уката* ‘очень’, *чапчара* ‘совсем’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *дурыстэм* ‘чрезмерно’, *дотоово* ‘до такой степени’.

Школаын со ваньзэ-öвöлзэ ньыль толзэзь гинэ дышетскиз, урод гожъяське, счётэн но лыдъяны сокем уг быгаты (Иг. Гавр. Вп., 10). ‘В школе он учился всего-навсего четыре месяца, плохо пишет и на счетах не **совсем** умеет считать’.

Сэдык нырысетйзэ умой-умой валаз, макем юн яратэ со анайзэ но макем юн мöзме солэсь (К. Кул. С., 251). ‘Сэдык в первый раз серьезно поняла, **как сильно** она любит свою маму и **как сильно** скучает по ней’.

Кызыы, маин, кин сэрен, вуид такем кыдёке? (К. Митр. Сз., 44). ‘Как, на чем, из-за кого, приехал [ты] **так** далеко?’.

Чик ачиз шöдытэк, котькудзэ егит пиез Дангырен ёошатыны кутске (К. Митр. Сз., 95). ‘Сама того не замечая (букв. ‘**совсем** сама не замечая’), каждого молодого человека, [Дыдык] начинает сравнивать с Дангыром’.

Пумитъяськыны выриз ке но, бадзым чорыглы Вадик пумтэм шумпотйз (Н. Бел. П., 266). ‘Хоть и пытался противиться, большой рыбе Вадик **несказанно** обрадовался’.

Асьтэос ик вуоды ай, лыктоды али, тэльмыроды: берт вал тон, Кирла, асьме гуртэ ик, тонтэк туж секыт, уг тырмо быгатйсь адымиосмы, ми вылэ вождэ вайыса эн ул, ми асьмеос янгыш лэсьтймы, тонэ укыр вöсь каримы... (Г. Крас. Кмк., 8). ‘Сами же придете, попросите: возвратился бы ты, Кирла, в нашу деревню, без тебя очень тяжело, не хватает умелых людей, на нас не обижайся, мы сами виноваты, тебя **очень** сильно обидели...’.

Куддыръя дякон лекос юн кудзе но школае уг ветлы, нош куддыръя уг ваньмы: черке пинал крестить карыны ваё яке шöй ватыны ваё (К. Митр. Сз., 88). ‘Иногда дякон **очень сильно** пьянеет и в школу не

ходит, а иногда времени не бывает: в церковь ребенка приносят крестить или привозят отпевать умершего’.

Соуз бен валамон: тупыттэм жадизы но угось, тят-тят котми-зы но (Г. Пер. Нз., 111). ‘Это понятно: **очень сильно** устали, насквозь промокли’.

Мерттэм картофкаез дурыстэм юн удалтйз, кут каб быдзэаеь будйзы (К. Митр. Сз., 47). ‘Посаженная картошка **очень хорошо** уродилась, выросла величиной с колодку для лаптей’.

Из данной группы наиболее широко представлены примеры с наречием **туж** ‘очень’:

Кузь сюрес кыдёке, туж кыдёке вуттйз Ваняз (С. Самс. В., 108). ‘Длинная дорога далеко, **очень далеко** привела Ваню’.

Соин, лэся, ымнырыз туж пинал но ёжытак серемгес адске (Иг. Гавр. Вп., 7). ‘Поэтому, видимо, его лицо выглядит **очень** молодо и немного смешно’.

Иське, тынад пьесаед вал со? – Сергеез буйгатон понна кызыы ке туж мусо юаз Катя (Иг. Гавр. Вп., 88). ‘Выходит, это была твоя пьеса? – пытаюсь подбодрить Сергея, как-то **очень** тепло спросила Катя’.

Тусьын пукись ву шоры Игошка туж кема учкыса сьлылоз вал пичи дыръяз (К. Митр. Сз., 24). ‘Очень долго глядел бывало Игошка в детстве на набранную в корыто воду’.

Наречия степени могут употребляться одинаково при глаголах, именах прилагательных и наречиях:

Ва... валасько, ту... туж валасько верамдэ, ним... Нимподис Петрович (К. Митр. Сз., 26). ‘Понимаю, **очень понимаю** сказанное тобою, Нимподис Петрович’ (*туж* + глагол).

Нушин ассэ ачиз туж бадзым начальник кожа (М. Кон. Куöv., 40). ‘Нушин считает себя **очень большим** начальником’ (*туж* + прилагательное).

Нырыз, ымдурьёсыз чебересь вылэм, сингьёсыз но туж визьмо учко, сюлмез ик чогыр-чогыр карыса порто, вырето (К. Митр. Сз., 12). ‘Его нос, губы были красивые, и глаза **очень умные** (букв. ‘**очень умно** смотрят’), даже сердце волнуют’ (*туж* + наречие).

На наш взгляд, обозначенные И. В. Таракановым [1975: 179] лексемы *тём, шыр, тэк*, как удмуртские препозитивы, появившиеся в удмуртском языке под влиянием тюркских языков и служащие для усиления значения качества, следовало бы отнести к наречиям степени.

Доре вуиз тём пеймытэн (П. Позд. ДОл., 173). ‘Домой вернулись **очень** поздно’.

Нош школа пушкын тём пеймыт (Ег. Загр. Гэ., 148). ‘А в школе очень темно’.

Шыр гольык ветлыны. ‘Ходить совсем голой’.

Тэк пукыса коркан улэ. ‘Сидит дома совсем без работы’.

Противоположную точку зрения относительно наречий степени занимают грамматисты коми языка. «Слова этой группы обладают не совсем полным лексико-грамматическим весом, отсутствие чего приближает их к служебным словам (частицам). Они, например, могут относиться к различным частям речи: к глаголам, прилагательным и наречиям. Например: *ёна мудзис* ‘очень устал’, *вывті мича* ‘очень красивый’, *вывті өдйө* ‘очень быстро’. Некоторые из этих слов могут быть даже при существительных, например: *тайö мортыс дзык ош* ‘этот человек совершенно как медведь (настоящий медведь)’» [СКЯ 1955: 260].

Степень проявления действия также могут выражать некоторые сочетания знаменательных слов с частицей **но**: *пичи но* ‘нисколько, ничуть’, *чырым но* ‘нисколько’, *одйг но* ‘нисколько, ничуть’ и др.:

Їукнаысен эсьтозь берга, нош ужез пичи но уг кулэсмь (Иг. Гавр. Вп., 229). ‘С утра до вечера работает, а работы **ничуть** не убавляется’.

Уйбыт со одйг чырым но өз изы, секыт куректонэз сюлэмзэ сюпсиз, йырвизьэз поръяз (Иг. Гавр. Вп., 39). ‘Всю ночь он нисколько не вздремнул, тяжелое горе щемило сердце, сверлило разум’.

Ѕуч кылэз одйг но тодйсьтэм маке, школае мынонлэсь юн курдай (УД, № 138–139, 2008). ‘[Я] **совсем** не зная (букв. ‘не знающий’) русского языка, очень боялся идти в школу’.

1.2.3. Наречия меры и количества

Наречия меры и количества указывают число, меру, количество действия и отвечают на вопросы *кöня? кудмында?* ‘сколько?’, *трос-а?* ‘много ли? как много?’, например: *өжытак* ‘немножко’, *чарак* ‘порядочно’, *оґол* ‘однажды; один раз’, *оґмында* ‘поровну; одинаково’, *кудмында* ‘сколько’, *олокудмында* ‘неизвестно сколько’, *сомында* ‘столько’, *оґен-кыкен* ‘по одному-по два’, *уката* ‘еще’, *далай* ‘порядочно’, *данак* ‘много’, *трос* ‘много’, *уно* ‘много’, *өжыт* ‘мало’, *ичи* ‘мало’, *ятыр* ‘много, порядочно’, *лчак* ‘много’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *пумтэм-йылтэм* ‘бесконечно, бесчисленное множество’.

Эй, Пилька! – сьöраз кесыке кузё, – сюрес вылысен ачид эн юы, шельмец, ёузид ке но, өжытак гинэ шöмья... (К. Митр. Сз., 22). ‘Эй, Филипп! – вслед кричит хозяин, – по дороге сам не пей, шельмец, если и хлебнешь, **немного** только попробуй...’.

Только отын **чараклы** тросгес коньдон куасалтозы, дыр, тӧдӧы билет но уз сӧтӧ, огдырлы тынӧсьтыд карточкадӧ «ыштозы» (УД, № 083–084, 2008). ‘Только там, наверно, **намного** больше денег попросят и не выдадут белый билет, твою карточку на некоторое время «потеряют»’.

Сыӧе пунызы ванен Макара доры, **огпол** пырамед бере, кыкетӧйзӧ лыктӧмед уз поты ни (Г. Крас. Вью., 5). ‘Из-за такой [злой] собаки, какая у Макара, если **один раз** зайдешь, второй раз прийти не захочешь’.

Нош мон шузи йырыным нырысь кызыы-о малпасько вал? Котькин-лы **огмында** музьем сӧтӧйзы бере, огкадесь ик коркаос пуктылыны кор, пул, кирпич но мукет сыӧе-таӧеос сӧтозы шуыса (М. Иван. Нмсбв., 326). ‘А я как раньше думал своей дурной головой? Раз всем дали **порвну** земли, выделяют бревна, доски, кирпич и все такое, чтоб построить одинаковые дома’.

Эксеез пазьгим, **кудмында** фронтын ожмаським (М. Кон. Куӧв., 51). ‘Царя свергли, **сколько** воевали на фронте’.

Только ӧем дырӧя, огназ малпаськыса, одӧг интыяз **олокудмында** сьлӧ (М. Кон. Куӧв., 71). ‘Только часто, задумавшись, стоит на одном месте **неизвестно сколько** [времени]’.

Пиос **оген-кыкен** фронтӧ кошкызы (УД, № 101, 2008). ‘Парни **по одному-по два** ушли на фронт’.

Тае райбольницае мотоциклӧн нуыны малпаз вал Максим – чутрак пумит кариськыз: пукыса, пе, **уката** но висисько, уробое куро тыре но, каньылак мыно (Н. Самс. Канк., 189). ‘Этого Максим хотел отвезти в райбольницу на мотоцикле – категорически отказался: сидя, мол, **еще сильнее** болит, в телегу солому наложат, спокойно поедет’.

Гондырӧсьсыз но отын **данак** (К. Митр. Сз., 63). ‘И медведей там **много**’.

Дораз турын вайыса бертӧ ке, анаез ушӧя: «Осто, Олексан, **прос шедӧтӧмед** ук! Толбытлы тырмымон люкалод ини...» (Г. Крас. Вью., 12). ‘Когда, возвращаясь домой, [он] приносит траву, мать его хвалит: Ой! Александр, **много** ведь нашел! На всю зиму уже наберешь...’.

Дышетскисьӧсьсыз бордысен Иларий поп удмурт кылзз тодонзӧ **уно юнматӧйз**, дышетскисьӧсь зӧуч кыллы дышизы (К. Митр. Сз., 89). ‘Благодаря своим ученикам поп Иларий **намного** закрепил знание удмуртского языка, ученики научились русскому языку’.

Ужам понна **ӧжыт** юом, – шуо пумитаз мастерӧс (К. Митр. Сз., 21). ‘За [проделанную] работу **немного** выпьем, – говорят ему мастера’.

Воксӧ **ичи** кылызы ни гуртын улӧсьӧс, мырдӧмен быгатӧй на вуоно арлы 25 экземпляр газет но журнал гожтытыны (УД, № 020, 2008).

‘Совсем **мало** уже осталось жителей в деревне, с трудом смогла на следующий год оформить подписку на 25 экземпляров газет и журналов’.

Кузьма пумтэм шумпотэ (Н. Вас. Кта., 80). ‘Кузьма **бесконечно** радуется’.

Ой, чок нош ини со аръёсыз тодэ вайыны: кияд вож нуныед, колхоз уж пумтэм-йылтэм, корказы пумаз-йылаз рос-прос вуэмын овёл на, гур пуктыны кулэ (Н. Самс. Канк., 186). ‘Ай, хватит уже те годы вспоминать: на руках младенец, колхозной работы **без конца и края**, и дом [их] до конца должным образом не построен, печь нужно сложить’

На наш взгляд «неопределенно-количественные слова» (*данак* ‘много’, *трос* ‘много’, *уно* ‘много’, *о́жыт* ‘мало’, *ичи* ‘мало’), отвечающие на вопрос *кõня?* ‘сколько’, вернее было бы отнести к числительным приблизительного счета. Но ввиду закрепленного в языкознании принципа выражения приблизительности, заключенного в выходе на натуральный ряд чисел, в котором всегда указывается предположительное число или интервал, между которым колеблется количество предметов и явлений [Гаврилова 2005: 37], данный вопрос остается открытым и носить весьма спорный характер.

1.3. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова

Во всех языках мира имеются слова, образно воспроизводящие различные явления действительности. В лингвистической литературе их называют по-разному: подражательные (или звукоподражательные), изобразительные, оноματοпозэтические, образные слова, мимемы, имитативы и другие. Специфика их заключается в том, что они служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей реальной действительности, или для передачи с помощью звуков и звуковых комплексов видимых или ощущаемых явлений.

В «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 303] данная категория слов отнесена к наречиям. Причем грамматисты включают в состав определительных наречий «и так называемые изобразительные слова», но никакой речи о звукоподражаниях мы не встречаем. Такому же примеру следует и В. И. Алатырев в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» [1983: 586].

В разряд наречий изобразительные слова включены также в коми [СКЯ 1955: 261; ОКК 2000: 430–431], мордовских языках [ГМЯ 1962: 331] и др. Напротив, в башкирском [ГСБЛЯ 1981: 342], марийском [СМЯ 1961: 308] и других языках, подражательные слова включены в раздел «Служебные и экспрессивно-эмоциональные части речи»

и описаны отдельно. Авторами грамматики башкирского языка отмечено [ГСБЛЯ 1981: 343], что, как выразительные средства языка, подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов, в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти подражания не доходят до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

Особенностью семантики наречно-изобразительных и звукоподражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно функция обстоятельства образа действия. В то же время звукоподражательные слова могут выступать в роли и других членов предложения.

Таким образом, хотя изобразительные слова широко употребляются и в разговорной, и в художественной речи, до сих пор не решен важнейший практический вопрос о месте их в системе частей речи. В существующих грамматиках они или вовсе игнорируются, или трактуются по-разному: чаще всего относятся к наречиям.

По причине того, что в удмуртском языке до сих пор не было предпринято попыток разграничить изобразительные и звукоподражательные слова от наречий (это отдельная тема исследования), мы на данном этапе рассмотрим данную категорию слов в числе наречий, но в отличие от предшествующих исследователей по удмуртскому языку, объединим в одну группу и наречно-изобразительные, и звукоподражательные слова.

Проанализировав литературу по классификации изобразительных слов как по удмуртскому, так и по другим языкам [Кривошекова-Гантман 1964: 112], [Имайкина 1968: 4], [Алатырев 1983: 586], [Соколов 1996: 70; 2004: 30–34], [Пылма 1967: 4–5], [Шибанов 2001, 2003, 2003а, 2005, 2005а, 2006, 2006а, 2007, 2009, 2009а, 2010, 2010а и др.], считаем возможным выделить два основных разряда, на которые делятся рассматриваемые нами слова:

1. Звукоподражательные слова: *бульыр-бульыр ошмес потэ* 'бурля бьет родник', *вуй-вуй бордйз* 'плакал всхлипывая', *ток-ток сюлэм йыгаське* 'тук-тук! бьется сердце', *гудыр-гудыр кариз* 'прогремел', *домбыр-домбыр гитараен шудэ* 'бренчит на гитаре', *куйык-вуйык бордэ* 'плачет всхлипывая', *чикыр-чикыр пинь зукыртэ* 'зубы скрежещут' и др. Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно.

«Дело» *эсутозы тани, Паримонэд ту-у-ту-ту!* – кыдэксь шаерын син сузэнтэм эсужытэсь, зыгыртыны сузэнтэм кызъэсты но пужымъэсты погыръялоз (С. Самс. В., 161). 'Вот заведут «дело», Парамон *ту-у-ту-ту!* – в далеком краю будет валить ели и сосны неизмеримой высоты, необъятной толщины'.

Шодтэк шорысь укно жин! шуиз (Иг. Гавр. Вп., 70). 'Неожиданно окно зазвенело – *дзинь!*'.

Бызьыса сямен мынйз корказь доры, каллен гинэ тубиз но дугдйз, сюлмыз лук-лук жугиське... (Иг. Гавр. Вп., 54). 'Подбежала до дому, тихонько поднялась и остановилась, сердце стучит *тук-тук!*'.

Пионеръс дымбыр-дымбыр барабанэн кошко (М. Кон. Куöv., 75). 'Пионеры идут, стуча (букв. '*с грохотом*') в барабаны'.

Участковойлы шур-пар бызьыны умой оз поты, кузь вамышьям пыд куараез луп-луп гинэ шуккиськиз (С. Самс. В., 211). 'Участковому быстро бежать показалось неудобно, лишь звуки длинных шагов звучали *тук-тук!*'.

Шуккон дырыз вуэ ке, пушказ мауз ке кекам мурт кадь зукыртэ, куажыртэ но дон-н-н-н! дон-н-н-н! шуккиське (Г. Крас. Вю., 20). 'Когда приходит время бить [о часах], внутри что-то, скрипит, словно задуманный человек, хрустит и звенит *дон-н-н-н! дон-н-н-н!*'.

Куазь жоб дыръя, бадзым эськ котырын уйшорозь пуко, доминоен сач! гинэ шуккыло (Г. Крас. Вю., 29). 'При ненастной погоде до полу-

ночи сидят вокруг большого стола, азартно (букв. ‘со **стуком**’) играют в домино’.

*Стангъёс **резь-куаж** вырзизы* (М. Кон. Куöv., 38). ‘Станки с **шумом** закрутились’.

*Султылытэк бер зсытозь лыдзиз, быдтэм бераз книгазэ **хлоп!** пытсаз, койка вылаз нуксиз но вазыбылтэк нукиз* (Г. Крас. Вю., 39). ‘Читал, не вставая до позднего вечера, после, как закончил, резко (букв. ‘хлоп!’) закрыл книгу, сел на койку и сидел молча’.

*Стан, вис карытэк, **шильк-шалък** лэзиське, зсутиське* (М. Кон. Куöv., 19). ‘Станок непрерывно с **бряцанием** опускается, поднимается’.

2. Наречно-изобразительные слова: *бугыль-бугыль* пинал луэм ни ‘ребенок уже стал пухлым’, *бугырак* нянь лоптэмын ‘тесто очень пышное’, *быз-быз* сиськи ‘[я] плотно поел’, *быльк-быльк* синмыз пет-лань потэмын ‘[его] глаза вылезли наружу’, *домбыль* адами ‘толстый человек’, *йыгыр-йыгыр* мугор луэм ‘тело покрылось гусиной кожей’ (Пш., Тш.), *йырин-петрин* васькиз ‘[он] скатился кубарем’ (НК) и др. Наречно-изобразительные слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент подражания. Семантически наречно-изобразительные слова передают целый комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они очень редко употребляются самостоятельно.

*Аязз мынись пи, вужер кадь, **чиптэм-чаптэм** ышиз* (М. Кон. Куöv., 79). ‘Впереди идущий мальчик, словно тень, **бесследно** исчез’.

*Паша **ури-бери** пыч сямен тэтчаса бызбылыны шотаз: валессэ тодьы пужыё одеялэн шобыртüz, зсöк вылысь чашка-пуньызэ **тып-тап** октüz, укно дурьсь тамак нумен тэркызэ гур сьöры нуиз* (С. Самс. В., 177). ‘Паша, словно блоха, начал **быстро** бегать: кровать застлал белым узорчатым одеялом, **быстро** убрал со стола посуду, тарелку с окурками унес с подоконника за печку’.

*Кыксы ик ваче ки мычо вал кадь но, олокызыы луиз – **зсип-зсип** зыгырскизы* (С. Самс. Мвс., 60). ‘Вроде оба друг другу руки протягивали, так получилось – **крепко** обнялись’.

*Педчаен Катя **шал-шал** гольык кылизы, кыксы ик курастькыны потüzы* (Иг. Гавр. Вп., 10). ‘Катя и Федосья остались ни с чем (букв. ‘**абсолютно** голые’), обе вышли попрошайничать’.

*Паша Егоров **зсип-зсип** кунултüz Лизаез* (С. Самс. В., 236). ‘Паша Егоров **крепко** взял под руку Лизу’.

*Комаровлэн сингъёсыз **чиль-дол** пиштüzы, следовательлэн зсöказ пырась-потась кыыз сьöры ветлыны кутскизы* (С. Самс. В., 227). ‘Глаза

Комарова **заблестели**, стали пристально следить за руками следователя, то открывающими, то закрывающими шкаф стола’.

Потийз чыжыт ымныро Дед Мороз. Котыраз юр-яр карыны шотазы (С. Самс. Мвс., 67). ‘Вышел Дед Мороз с румяным лицом. Вокруг него начали шуметь (**беспорядочно** бегать)’.

Солэсь вырэмзэ адзыса, векчи чорыгъёс, ыбисъкем кадь, кир-пазь дубыса кошко, азвесь кётурдэссы гинэ шунды шоры воректылэ (Иг. Гавр. Вп., 301). ‘Заметив его движение, мелкие рыбки, словно выстрел, **беспорядочно** рассеиваются, лишь серебряные животы поблескивают на солнце’.

Буйгатске, Парамон Степанович, эн пöсекъялэ, буйгатске но лач-лач валэктэ, кыззы Тй вишды, малы? (С. Самс. В., 197). ‘Успокойтесь, Парамон Степанович, не горячитесь, успокойтесь и **подробно** расскажите, как Вы убили, почему?’.

Калыкын Макар зйбыт гинэ, лань-лань верасъке, ужрадэз валась шуыса ик правление но бырийзы (Г. Крас. Вю., 12). ‘В народе Макар тихий, разговаривает **спокойно**, да и в правление выбрали за то, что разбирается в ситуации’.

Выделение нами вышперечисленных разрядов связано с тем, что звукоподражательные слова являются результатом звуковой имитации каких-либо «слышимых» природных явлениях, а наречно-образительные слова – звуко-образный результат «видимых» нами явлений. Выбор термина «наречно-образительное слово» обусловлен тем, что данная группа слов по синтаксическим функциям в предложении очень тесно связана с наречиями, а также представляет собой «неизменяемые» слова, т. е. не имеет грамматической категории числа, падежа.

В то же время обе названные группы слов имеют некоторые общие черты в структуре (сочетаемость определенных согласных, своеобразное чередование гласных, употребление в парно-повторном виде, наличие в составе двусложных основ сходных структурных элементов, неизменяемость в грамматическом отношении и синтаксических функциях, вхождение в глагольные словосочетания, функционирование предпочтительно в позиции обстоятельства образа действия). С этой точки зрения их целесообразно рассматривать вместе, имея ввиду, однако, характерные отличительные признаки для каждой разновидности.

«Изобразительные наречия могут быть простыми и сложными. К простым относятся односоставные, к сложным – удвоенные и парные образования» [ГСУЯ 1962: 304].

Простые (односоставные) изобразительные слова обозначают признак действия, не указывая на какие-либо оттенки значения данного признака. Иногда они выражают однократность или мгновенность действия, например: *жингыр вазе* 'звонко звенит', *чын бугыр потэ* 'дым идет клубом', *супырак усыныны* 'обессилев, мгновенно упасть', *гурак кесъкызы* 'хором (мгновенно) крикнули (ответили)' и др. (Примеры из [Алатырев 1983: 586]).

Удвоенные изобразительные слова (повторы одних и тех же слов) обозначают многократность действия, усиливают значение признака действия, «выражают категории периодичности, интенсивности и обладают большой экспрессивностью» [Алатырев 1983: 586]. Чтобы убедиться в этом, сравним простые и удвоенные наречно-образительные слова: *сйзыыл музьем пугыр пилиське* 'осенью земля трескается' – *музьем пугыр-пугыр пилиськылэм* 'земля сильно растрескалась'; *чир кесяське* 'пронзительно кричит' – *чир-чир кесяське* 'пронзительно (периодически) кричит'; *муръетий чын бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы клубом поднимается дым' – *муръетий чын бугыр-бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы дым поднимается клубами'.

Повторы одних и тех же изобразительных слов, по мнению Батори [Batori 1969: 49], «deutet auf Mehrmaligkeit oder Komplexität der Handlung hin» (указывают на многократность или комплекс действия).

Парные изобразительные звукоподражательные слова, из которых один компонент в звуковом отношении отличается от другого по составу гласных или согласных, показывают разнообразие оттенков признака действия: *зукыр-закыр вазыныны* 'скрипеть', *сюлтыр-калтыр кыстйськыныны* 'тянуться волоком (волочиться)', *лыкыр-лякыр вырыныны* 'расхлебанно шататься (расхлябаться)', *читыр-чутыр, чиндыр-вандыр* 'извиваясь (змеей)', *сузы-пыры* 'вдребезги', *чильк-вальк кисьтаськыныны* 'блестеть переливчатым блеском', *чукин-бекин* 'вразвалку, неуклюже, покачиваясь из стороны в сторону', *йырин-чукин* 'вниз головой' и т. д.

Наречно-образительные и звукоподражательные слова, как отмечает М. Д. Имайкина [1962: 3], чаще всего употребляются в виде повторов, компоненты которых имеют преимущественно одинаковый звуковой состав, но весьма нередки при этом случаи изменения гласного.

Изобразительные повторы, вторые компоненты которых отличаются от первых звуковым составом, В. И. Алатырев [1947: 226] называет «деформированными», а повторы, имеющие абсолютно одинаковые по форме компоненты, «недеформированными».

В деформированных наречно-образительных и звукоподражательных повторах, по мнению В. И. Алатырева [1947: 230], подверга-

ются изменению только начальные сочетания согласный + гласный, или только начальный согласный, или же только первый гласный. Конечные согласные и вторые гласные, как правило, не подвергаются деформациям (изменениям).

1.4. К вопросу о категории состояния

Категория состояния, как лингвистический феномен, существует и в удмуртском, и в русском, и в других языках и выражает различные состояния субъекта или предмета. Данное грамматическое явление изучалось и анализировалось многими учеными-лингвистами, но единой трактовки статуса рассматриваемой категории слов нет до сих пор, в том числе нет и единого термина для их обозначения. Основными семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории служит то, что они выступают в роли сказуемого в безличных предложениях, а также служат для выражения состояний (не процессов); при этом, в отличие от глагола, они не располагают формами словоизменения.

В связи с отсутствием у них форм словоизменений, они долгое время включались в разряд наречий, но при этом ряд ученых указывал на их связь с глаголами. Отличие слов данной категории от наречий, выражающееся в том, что они не употребляются в зависимости от глагола, сначала привело к тому, что они были выделены в особую группу наречий; для их обозначений академик А. А. Шахматов [1952:131] ввел термин предикативные наречия. Особенно подчеркивал их отличие от наречий и употребление в роли присвязочных безличных сказуемых А. М. Пешковский [1956: 112] в своем труде «Русский синтаксис в научном освещении». По словам М. Р. Миндиашвили, примечателен тот факт, «что некоторые грамматисты рассматривают данную категорию не только по формальным, но и по семантическим признакам. Так, Б. М. Лейкина указывает, что речь идет не о грамматической категории, а о лексической ввиду того, что категория состояния может быть выражена разными частями речи» (цитируется по: [Миндишвили: электронный ресурс]).

Впервые термин «категория состояния» был введен академиком Л. В. Щербой [1957: 74]. Детальный анализ категории состояния, процессов вовлечения в нее слов разных типов и ее отношения к другим частям речи дает академик В. В. Виноградов [1972: 319–336] в книге «Русский язык». Академическая «Русская грамматика» [1980: 705] рассматривает их в главе о наречиях и пользуется терминами предикативные наречия или категория состояния.

К сожалению, в удмуртском языкознании категория состояния до сих пор не являлась предметом специального изучения. В «Грамматике

современного удмуртского языка» 1962 года издания данная категория названа «предикативными наречиями». Отмечено, что они отличаются от определительных и обстоятельственных наречий отдельными семантическими и синтаксическими свойствами. В противоположность обстоятельственным и определительным наречиям, предикативные наречия выражают не признак действия или признак признака, а состояние [ГСУЯ 1962: 313].

На наш взгляд, категорию состояния следует рассматривать отдельно от наречий. Мы в данном случае полностью согласны с мнением А. А. Алашеевой, которая попыталась представить категорию состояния как отдельную часть речи (см. подробнее об этом: [Алашеева 2003: 27–30]). Хотя данная проблематика требует отдельного монографического описания, приведем несколько доводов в нашу пользу.

Отделить категорию состояния от наречий и рассматривать ее отдельно можно было бы по следующей причине. Будучи неизменяемыми, слова категории состояния морфологически сближаются с наречиями, к которым они долго причислялись, но от наречий они четко обособляются тем, что выступают в предложении как независимые слова и не бывают в подчиненном положении по отношению к глаголу и прилагательному в значении обстоятельств и качественных определителей, что составляет характерную функцию наречий. Сравним следующие предложения:

Эх! Умой! – шумпотэ Каракулино ёрос администрациньс гурт хозяйствоя ёзэн кивалтись Александр Белослудцев (УД, № 025, 2008). ‘Эх! **Хорошо!** – радуется руководитель сельскохозяйственного отдела администрации Каракулинского района Александр Белослудцев’; *Институтын дышетскондэ умой йылтумъясал, начальство лы ярасал, погонад кизилиос йылысалзы* (С. Самс. В., 176). ‘Ты бы **хорошо** закончил учебу в институте, начальству бы понравился, на погонах бы звездочки добавились’.

Капчи өвёл тыныд, пие, мон валасько тонэ, – лулзиз Ефим (Н. Вас. Кга, 72). ‘Не **легко** тебе, сынок, понимаю тебя, – вздохнул Ефим’; *Машина пушкын чылкыт, вань кондиционерез, ужа капчи но эйсог* (УД, № 096, 2008). ‘В машине чисто, есть кондиционер, работает **легко** и быстро’.

Но буйгатскыны вазь ай (УД, № 025, 2008). ‘Но успокаиваться еще **рано**’; *А вот мар, пиеке, давай-ка асьмеос тазы лэсьтом: ёкна вазь ик султом но вьлессэ кутыны кошком* (Н. Бел. П., 275). ‘А вот что, паренек, давай мы с тобой рано утром встанем и пойдем новую [рыбу] ловить’.

Ма, зэм но, та карлудын туж шулдыр (УД, № 126–127, 2008). ‘Да, и вправду, на этой площади очень **весело**’; *Шулдыр ик ветлйськод тон, эке, – Дангырлы шуиз Пужей* (К. Митр. Сз., 13). ‘**Весело** же ты ходишь, паренек, – Пужей сказал Дангыру’.

*Соин ик удмурт сямен ужась редактор шедьтыны **секыт** (УД, № 021, 2008). ‘Поэтому удмуртского редактора найти очень **трудно**’; *Атаез трос уг ке но вераськы, кылыз **секыт** кылйське* (Г. Крас. Вю., 16). ‘Хоть и отец немногословен, его слова слышатся **стро́го**’.*

При сравнении видно, что наряду с употреблением слов *умой, капчи, вазь, шулдыр, секыт* относящимся к категории состояния (первые примеры), существуют тождественные в звуковом отношении слова с функциями наречий. Но такие наречия по функциям резко отличны от безлично-предикативного употребления рассматриваемых слов: они не обозначают состояние, а указывают признаки действий (вторые примеры).

Слова категории состояния могут обозначать:

а) состояние окружающей среды: *чалмыт* ‘тихо’, *шуныт* ‘тепло’, *шыныт* ‘тихо’, *югыт* ‘светло’ и др.

*Огдырлы котырак **югыт** луиз, командирзы «немецъёс» шуыса кеськыса вуиз* (УД, № 101, 2008). ‘На время кругом **посветлело**, командир (их) успел крикнуть «немцы»’.

*Гуртын **чалмыт*** (Уль. Бадр. Млч., 32). ‘В деревне **тихо**’.

***Шыныт**. Валя кыл-кура уг потты* (Уль. Бадр. Млч., 12) ‘**Тихо**. Валя не говорит ни слова’.

*Школаын **пеймыт*** (Уль. Бадр. Млч., 29). ‘В школе **темно**’.

*Мота сое валаса но оз вуы: шормучьын азьло сямен ик **югыт*** (Уль. Бадр. Млч., 41). ‘Мота это и понять не успела: на острове, как и прежде, **светло**’.

б) состояние человека и живых существ: *серем* ‘смешно’, *возьыт* ‘стыдно’, *кышкыт* ‘страшно’, *мозмыт* ‘скучно’, *шуныт* ‘тепло’ и др.

*Нош пинальёслы **серем*** (Уль. Бадр. Млч., 32). ‘А детям **смешно**’.

*Уроклы быдэ замечание басьтыны **возьыт** өвёл-а?* (Уль. Бадр. Млч., 44). ‘Не **стыдно** ли на каждом уроке получать замечания?’.

*Корка вöзтйз уйин ортчыны ик **кышкыт*** (Уль. Бадр. Млч., 44). ‘Возле его дома ночью даже **страшно** проходить’.

*Оген туж **мозмыт*** (Уль. Бадр. Млч., 51). ‘Одному очень **скучно**’.

*Сыёе сйлы каремзы тужгес покчиезлы Шушпановлы та дыре нокыёе ик уг йöты, анаезлэн небыт киосаз солы **шуныт*** (УД, № 022–023, 2008). ‘Такое уважение, особенно младшего Шушпанова, в это время его нисколько не трогает, в нежных руках матери ему **тепло**’.

Таким образом, наречие – это выражение способа действия, а категория состояния – выражение состояния, в котором находится предмет. Наречие в большинстве случаев выступает в роли обстоятельства, а слова категории состояния никогда в этой функции не выступают. Синтаксическая роль слов категории состояния – быть сказуемым в безличном предложении.

ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАРЕЧИЙ

2.1. Словообразовательная система наречий удмуртского языка

Наречие – одна из самых молодых грамматических категорий. Оно образовалось от других частей речи. Некоторые слова, в силу постоянного употребления их в роли обстоятельства, обособились от тех частей речи, к которым они принадлежали. Такое обособление, по словам Н. А. Колеговой [1955: 251], происходило или путем утраты некоторых грамматических категорий, как ненужных для выполнения синтаксической функции обстоятельства, или же в результате выработки специфических грамматических категорий. Г. В. Федюнова отмечает: «Наречие как часть речи является поздней категорией и поэтому обладает гетерогенными свойствами, включая в свой разряд множество переходных явлений, трудно поддающихся интерпретации» [1995: 401; 1996: 30].

Трудно не согласиться с мнениями вышеупомянутых лингвистов относительно позднего происхождения наречий. Подтверждением этого могут быть данные книги В. И. Лыткина «Древнепермский язык» [1952], в которой приведен «Словарь древнепермских слов, встречающихся в памятниках коми письменности XIV–XVII вв.». Этимологически общими для коми и удмуртского языков, на наш взгляд, являются следующие лексемы:

вазь удм. – рано | *вож*’-: *вождор* – раньше, церк.-слав. *первее*; *вожинжиг* – раньше, прежде; *вожс’иис*’ – пророк (букв.: заранее желающий, т. е. предвещающий); *вож*’ скр. нв. иж. лл., *вөж*’ уд., *ож*’ вс., *уж*’ кя., *ож*’ ок. [Лыткин 1952: 126].

кыз’ы удм. – как, каким образом | *куж*’- (как – наречие и союзное слово): *кужик* – как, *кужи* – как; *кужкө* – как, когда, ц.-сл. *егда*; *кужкө* – но; *кужи* – как (...так); *кужи* – как (...так); *кужи* – как (подобно); *куж*’, *кужи* и сев., *кеж*’ кя., *кыж*’, *кыж*’ и скр. с. лл. ок. [Там же: 134].

кытын удм. – где, в каком месте | *кытён* – где (союзное слово); *кытён* зп. [Там же: 135].

пумит удм. – навстречу, против | *паныд*, скр., *паныт* ок., *панёд* лл. [Там же: 140].

пыр удм. – всегда | *пыр* – всегда, церк.-слав. присно, *пыр* скр. сев. ок. – всегда [Там же: 142].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» [1999] (далее КЭСК) мы находим следующие данные:

аски ‘завтра’ | удм. *аскы* ‘завтра, на следующий день’. Этимологический корень *as-*, тот же, что и в коми словах *асъя* ‘утренний’, *асыв* ‘утро’; *-k-* – остаток финно-угорского *k*-ового латива, который отвечал на вопрос «куда?», «в какое время?», и слово *аски*, *asilki* лл. стояло в той же самой падежной форме, в какой стоит, например, современное к. *вьельуно* (< **vi'l'lunek*) ‘в понедельник’ и обозначало ‘в утро’. – Общеп. *aski* ‘наутро’ [КЭСК 1999: 34].

бырс (пырны) ‘неожиданно (войти)’ | удм. *пырс* ‘тж.’. – Общеп. **pürs-*. Озвончение начального согласного произошло в отдельной жизни коми языка [Там же: 45].

вач диал. ‘совершенно, совсем’ | удм. сев. *вочак* ‘все, целиком’ || эрз. *весе* ‘весь, вся, всё, все’ (Affr., 186). = Доперм. **wšć'z* || нган. *bansa* ‘все, всё’ | кам. *büšša* ‘цельй’ (Coll.). К. > хант. *woc'a* ‘вместе’, *oc'a* ‘цельй’ (Coll.). [Там же: 48].

верзьёмён ‘верхом’ | удм. сев. *ворژهмен* ‘тж.’. – Общеп. **verž'em*. Слово *верзьёмён* представляет собой застывшую форму творительного падежа отглагольного имени с суффиксом *-ём*: *вер-зь-ём-ён*; **верзь-*, видимо, обозначало что-то вроде ‘сесть на верх (лошади), подняться на (лошадь)’ и т. д., ср. к. *веркос*, диал. *verkjđ* ‘поверхность’, ‘верх чего-либо’, а также к. *verž'inj* лл. ‘развиваться, крепнуть, возмужать’ ? < ‘подниматься вверх’ [Там же: 52–53].

вомён ‘поперек’ | удм. *вамен*; диал. *wamen*; *-n* – суффиксальный элемент. – Общеп. **wom-* ‘поперечный, поперечина’ [Там же: 62].

воча ‘навстречу, напротив, против’ | удм. *ваче пумит* ‘друг против друга’; диал. *wač'e*. – Общеп. **wəž's'8-*; произ. от *əž'-* при помощи суфф. *-j-* или *-s'-* ?, ср. *водз*. ‘перёд’; **əž's'8* и **əž'j8* обозначало ‘передний, впереди находящийся’ || ? мар. *waš* ‘напротив, навстречу’ > хант. *uot's'a* ‘вместе’ [Там же: 65].

вöлисти, *вöлись* нареч. ‘только, только что, потом только, только лишь, наконец’ | удм. *вельысь* ‘только что’. – Общеп. **vel'is'* или **vel'is't'i* – застывшая форма исходного падежа, обозначала ‘только что, только лишь, по прошествии определенного промежутка времени’;

корень слова *vel'*- обозначал 'промежуток (времени)' || ф. *väli* 'промежуток, расстояние', *vällin* 'иногда', *väliisesti* 'временно, на время'. = Доперм. **wäl'z*- 'промежуток' [Там же: 66–67].

gami 'навзничь, лицом вверх' | удм. *гаҷоло* 'тж', *гаҷолин* 'на спине, животом вверх, передом вверх, навзничь'. – Общеп. **gac̣-* 'навзничь' || саам. N *gacsem*, S *katsem* 'затылок', L *kac̣cēm* 'нижняя часть затылка' | К. Редеи к этим словам относит и венг. *has* 'живот'. = Доперм. **кацз-* 'навзничь (на спине, животом вверх)' [Там же: 75].

регид 'скоро, быстро', 'вскоре' | удм. *яжог* 'быстро, спешно, скоро, живо'. – Общеп. **reg* || венг. *rogvest*, *rögtön* 'тотчас' | ф. *rikeva* 'быстро, скоро'. = Доперм. **8-*. [Там же: 240].

кымынь 'ничком', 'вверх дном, кверху дном'. | удм. *кымин* 'тж'. Корень слова: *кым-*; приведенные слова представляют собой застывшие формы разных местных падежей. Слова этого же корня: к. *кымыньтны* | удм. *кыманы* 'опрокинуть, перевернуть вверх дном'. – Общеп. **кйт-* 'фасад, верх (посуды)' [Там же: 152]

кысь 'откуда', *кытысь* 'тж', *кыті* 'где, по какому месту', *кытчö* 'куда', *кытöн* 'где, в каком месте' | удм. *кытй* 'где, по какой местности', *кытчы* 'куда', *кытын* 'где, в каком месте', *кытысь* 'откуда'. Застывшие падежные формы вопросительного местоимения *кы-*; *-ысь* (*-сь*) – суффикс исходного падежа, *-ö* (удм. *-ы*) – суффикс вступительного падежа, *-ті* (удм. *-тй*) – суффикс переходного падежа, *-öн* (удм. *-ын*) – суффикс местного падежа. – Общеп. **кй* [Там же: 155].

матын 'близко, поблизости', *матö* 'близко' (на вопрос «куда?») | удм. *матын* 'близко'. – Общеп. **matin*, *mate* и др. 'близко' [Там же: 170; Wichmann 1914: 92–93].

мырдён 'наильно', 'упорно', 'с большим трудом' | удм. *мырдэм* 'кое-как, с трудом'. – Общеп. **mürd-*. [КЭСК: 183].

пыдна 'глубина' | удм. *пыдло* 'вглубь, глубоко'. – Общеп. **püd-* 'глубь' [Там же: 235].

сэк, сэки нареч. 'тогда, в то время'. | удм. *соку* 'тогда'. Основа слова **se* 'тот', родственная лично-указательным местоимениям 3-го лица кз. *сі-*, *сы*, удм. *со* 'он, тот' [Там же: 272].

Являясь по происхождению относительно поздней морфологической категорией, наречия, тем не менее, начали зарождаться намного раньше прапермского периода. В «Основах финно-угорского языкознания» отмечено: «В финно-угорском языке-основе уже намечилось формирование категории наречия. Современные финно-угорские и самодийские языки сохранили следы периода, когда отдельные обстоятельства выражались бессуффиксными формами имен; ср. к. *та-лун* 'сегодня',

ta-vo ‘в этом году’, венг. *minden nap* ‘каждый день’, ‘ежедневно’, х. *tam lun* ‘нынешним летом’, в. *azonmód* ‘таким образом’; подобные примеры можно найти также в удмуртском, марийских и самодийских языках» [ОФУЯ 1974: 215].

Морфологическая структура наречий в удмуртском языке, как и во многих других языках, отражает в себе сложные процессы развития этой грамматической категории, пути ее словообразования.

В процессе морфологического формирования наречий важную роль играет их словообразование.

Е. М. Галкина-Федорук [1939: 29] отмечала, что процесс образования наречий, начавшийся в доисторическое время, не только не прекращается, но даже усиливается. Как и любое другое явление в языке, словообразование наречий неотрывно связано с жизненными процессами, с процессами развития общества, с деятельностью человека. Известно, что значение наречий сводится к качественной характеристике действия или состояния. Следовательно, чем разностороннее и многообразнее становится деятельность человека, тем больше происходит в обществе действий и процессов. Чем больше действий, тем больше их качественных определений, в роли которых в языке в первую очередь должны выступать наречия. Поэтому наречия в языке – категория постоянно развивающаяся, пополняющаяся, находящаяся в динамике.

Жизнь языка выражается не только в исчезновении старых слов и появлении новых, но и в разрушении одних формальных категорий, а на почве разрушения – в образовании новых. Особенно убедительно подтверждается эта мысль при изучении образования наречий в языке. Как уже отмечалось, наречие образовалось в результате разрушения других категорий различных частей речи.

Интересная точка зрения приведена в книге Е. М. Галкиной-Федорук «Наречие в современном русском языке»: «Потебня в своей книге “Из записок по русской грамматике” говорит, что сначала было имя, не расчлененное ни на глагол, ни на прилагательное. Из имени выделилось местоимение, потом глагол, а дальше выделялись слова из общего имени: те, которые определяли существительное, становились прилагательными, а те, что определяли глагол, становились наречиями. Наречия обстоятельственные, т. е. выражения значения места и времени, появились как более конкретные понятия раньше, нежели отношения цели и причины. Из отношений раньше всего и легче всего схватывались отношения места и времени, т. к. они содержатся уже *implicite* в нашем наглядном представлении о вещах и их деятельности. Содержание этих представлений заключается в создании определенности

этой, в пространстве и времени протекающей деятельности», – говорит Зигварт, т. е. люди очень рано начали различать одно направление от другого и стали называть направления “туда” и “сюда” особым словом, образованным от местоимения указательного. Но несомненно первоначально понимание носит самый общий характер и касается только самых общих черт» [Галкина-Федорук 1939: 91–92].

Наречия определительные произошли, вероятно, гораздо позже. И распавшееся имя становится, с одной стороны, определительным к существительному, с другой стороны, оно же употреблялось при глаголе для определения действия, выраженного им. Эта часть речи, употребляясь все чаще в новом значении определения глагола, изменяет свою природу потому, что синтаксическая функция вела эти слова неуклонно к потере падежа, числа и рода в зависимости, быть может, от такого постоянного и близкого соседства глагола, во взаимодействии с ним, как с определяемым словом, не имеющим этих грамматических категорий. А потом, позднее, всякое слово, становящееся определением глагола, превращалось в наречие. Поэтому наречия, происходя от других частей речи, до сих пор не теряют соотносительности с той частью речи, от которой они образовались, и мы довольно легко можем определить, от какой части речи произошло то или иное наречие и даже от какого падежа и числа. И только немногие из них, образованные в очень раннюю пору, постепенно настолько изменились и деформировались, что становится трудно, а порой и совсем невозможно, вскрыть их первоначальную форму.

Как отмечает С. А. Гочияева [1973: 63], не все части речи подчиняются одним и тем же методам словообразования, каждая часть речи в этом процессе имеет свои особенности. Эти особенности выражаются в своеобразии средств и моделей образования слов в пределах той или иной части речи. Установление этих средств, методов образования слов в каждом языке раскрывает новые стороны процессов словообразования. Образование наречий не может целиком подчиниться законам образования существительного, так же, как и наоборот. Поэтому материал каждой категории слов, входящих в состав той или иной части речи, в каждом конкретном случае выдвигает свои средства словообразования.

Вопрос словообразования в финно-угорских языках частично затронут во второй части работы К. Е. Майтинской «Венгерский язык. Грамматическое словообразование», где автор указывает, что словообразование непосредственно связано с классификацией слов по лексико-грамматическим разрядам (категориям), которые, кроме систем фом склонения, спряжения, степеней сравнения и т. д., наиболее четко

разграничиваются между собой именно благодаря характерной для каждой категории слов системе словообразования [Майтинская 1959: 7].

В современном удмуртском языке словообразование наречий осуществляется морфологическим, синтаксическим и морфолого-синтаксическими способами. Лексический наречный фонд удмуртского литературного языка пополняется также за счет заимствований.

2.1.1. Морфологический способ образования наречий. Аффиксация

Аффиксальный способ образования наречий является продуктивным методом наречного словообразования, и этот способ играет активную роль в становлении наречия как части речи. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам, относящимся к различным частям речи, коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносит их в разряд наречий, то есть словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по определенным грамматическим классам (*часкын* 'в течение часа' < *час* 'час', *уйскын* 'за ночь' < *уй* 'ночь', *нуналскын* 'за день' < *нунал* 'день').

Из основных аффиксов образования наречий удмуртского языка в лингвистической литературе отмечены суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын* (*-кын*), *-бытскын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*), *-эн* (*-ен*), *-ысь*, *-ын*, *-лань*, *-озь*, *-э* (*-е*) и префиксы *коть-*, *оло-*, *но-* [см. ГСУЯ 1962: 307, 310; Серебренников 1963: 353].

Г. А. Архипов в статье «Аффиксальное образование наречий» рассматривает аффиксы *-и* (*йыгыри* 'наощупь', *шёнгыли* 'шепеляво', *вылй* 'высоко, поверх, поверху', *улй* 'низко, понизу', *йылй* 'высоко', *шори* 'пополам', *лики-ляки* 'расхлябанно', *ури-бери* 'быстро, поспешно, ментально' и др.), *-а* (*кема* 'долго', *кузяна* 'езде, повсюду; вразброс', *пасьтана* 'езде, повсюду, кругом; вразброс', *чюкна* 'утро; утренний; утром'), *-тас/-таз* (*нялтас/нялтаз* 'попутно'), *-тэ* (*нялтэ* 'попутно'), *-дэ* (*жсамдэ* 'вмиг, в момент') как суффиксы наречий и наречно-образительных слов. Автор отмечает, что при помощи данных суффиксов могут образоваться также и имена прилагательные, и имена существительные. Из названных аффиксов наибольшей активностью обладает суффикс *-и*, а остальные встречаются реже и в единичных словах. Суффиксы *-и*, *-а* (чаще) и *-тэ*, *-дэ* (реже) употребляются и в составе сложных (осложненных) деривационных аффиксов, а суффикс *-тас/-таз* замечен только в слове *нялтас(э)* 'попутно' [Архипов 1986: 55].

Кроме всех вышеупомянутых суффиксов, Б. А. Серебренников [1963: 353–354] еще рассматривает в удмуртском языке суффиксы

-ze (-зе) (*жытазе* ‘вечером’, *нуназе* ‘днем’, *ҷуказе* ‘завтра’.), -на (-на) (*ҷукна* ‘утро’), -alte (-алтэ) (*толалтэ* ‘зимой’), -lo (-ло) (*азьло* ‘раньше’, *берло* ‘после’, *пыдло* ‘вглубь’, *педло* ‘во двор, на улицу, наружу’), употребляющиеся всего в нескольких словах. Он называет их «более редкими наречными суффиксами».

Мы в данной работе не останавливаемся на более подробном рассмотрении суффиксов, выделенных Г. А. Архиповым и Б. А. Серебренниковым по следующим причинам: 1) образования носят более частный характер; 2) далеко не все суффиксы являются наречными и в некоторых случаях носят весьма спорный характер.

2.1.1.1. Производные с суффиксом -ак/-як

Удмуртские наречия на -ак/-як являются наиболее продуктивными из всех аффиксальных форм (по данным «Обратного словаря удмуртского языка» [Насибуллин 1992]). При помощи этого суффикса образуются наречия образа или способа действия от прилагательных, наречий, наречно-изобразительных слов, морфологически недифференцированных слов, числительных, например: *дэменак* ‘сообща, коллективно, совместно, вместе’ < *дэмен* ‘сообща, вместе’, *жисогак* ‘быстро, скоро, срочно’ < *жисог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, срочный’, *каньялак* ‘легко, облегченно; спокойно’ < *каньял* ‘легко, удобно; легкий, удобный’, *салкымак* ‘чуть свежо (прохладно)’ < *салкым* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий; прохладно, свежо’, *эркынак* ‘свободно, привольно, вольно; облегченно’ < *эркын* ‘свободно, на свободе, вольно, привольно; свободный, вольный, привольный’, *вожминак* ‘поочередно’ < *вожмин* ‘поочередно, попеременно’, *шытак* ‘тихо, молча’ < *шын* ‘тихий, молчаливый; тихо, молча’, *шонерак* ‘прямо, напрямик, напрямик’ < *шонер* ‘прямо; верно’, *небытак* ‘мягко; нежно, ласково’ < *небыт* ‘мягкий; рыхлый; нежный; мягко; рыхло; нежно’, *шорияк* ‘пополам’ < *шори* ‘пополам’, *капчыак* ‘легко, облегченно’ < *капчи* ‘легкий, нетрудный; легко, нетрудно’, *сэрытак* ‘быстро’ < *сэрыт* ‘скоро, быстро; скорый, быстрый’, *жабыляк-жабыляк* ‘звукоподр. шуму прибоя’ < *жабыль-жабыль* ‘тж’, *чиляк-долак* ‘сверкая, переливаясь’ < *чиль-дол* ‘наречно-изобр. сл., обозначающее переливы красок в воде или отражение блеска’, *жангырак* ‘звукоподр. однократному внезапному (отрывистому) звону, напр. колокола’ < *жангыр* ‘звукоподр. звону, напр. колокола’, *огак* ‘вдруг, неожиданно; иногда, временами’ и др. Примеры:

Котырак *чус-чус*, *ҷукна шунды яркыт пиштэ*, *адямиос уже дырто* (Иг. Гавр. Вп., 32). **Кругом** тихо, утреннее солнце светит ярко, люди спешат на работу’.

Соин, лэся, ымнырыз туж пинал но **өжытак** серемгес адске (Иг. Гавр. Вп., 7). ‘Поэтому, видимо, его лицо выглядит очень молодо и **немного** смешно’.

Мон тыныд сюрес ваменад ой султы, монэ но эн эйсегаты, – урдсйнак кожыса кошкыны шотаз со (С. Самс. В., 235). ‘Я тебе дорогу не переходил, и меня не задерживай, – посторонившись (букв. ‘отступив **вбок**’), он попытался уйти’.

*Васялэн анаез-атаез, гуртын вераськемъёсты кылыса, нырысь-валысь өз оске, юнме супыльто шуыса малпазы, нош пизылэсь гожтэтсэ басьтэмзы бере, соос **чылкак** абдразы* (Иг. Гавр. Вп., 122). ‘Родители Васи, услышав деревенские сплетни, сначала не поверили, подумали, что попусту болтают, но получив письмо сына, они **очень** удивились’.

*Шудо лу, Наталь, та эйок сьорын, – шуиз но **сэрытак** потыса кошкыз* (К. Митр. В., 34). ‘Будь счастлива, Наталья, за этим столом, – сказал он и **быстро** вышел’.

*Со вылэ Егоров тылын югдытыса ик тэтчиз но гаçолйн усем муртлэсь озэз палэнэ вайяськем кизэ пыд улаз **куажырак** лёгиз, мукетсэ **эсотак** кырмиз но сьорлань позыртійз* (С. Самс. В., 218). ‘Осветив его, Егоров прыгнул на него и **с хрустом** придавил под ногой одну руку, откинутую в сторону, другую же **крепко** зажал и закрутил за спину’.

*Пуштэмлэн дурыз котыр луэм бере, столмыз **огак** шымыртійське:* «Вань пуштэмез сиизы ке бен!» – *вылтырыз кезьыт луыса кошкыз* (А. Оки, Онш., 23). ‘После того как яичницы осталось мало (букв. ‘края яичницы округлились’), ее сердце **вдруг** сжалось: «А если всю яичницу съедят!» – по телу пробежали мурашки’.

О происхождении суффикса *-ак* Б. А. Серебренников пишет: «Происхождение суффикса неясно. Элемент *k* в пермских языках, по видимому, имел какие-то функции сравнения, ср., например: коми-зыр. *buržy-k* ‘лучше’ (*bur* ‘хороший’), удм. *vyl'-g-es, vyl'-g-em*, ‘более новый’. Суффикс *-ак*, возможно, восходит к какому-то слову, имевшему значение “подобный” или “подобно”» [Серебренников 1963: 353].

И. В. Тараканов [1981: 33] суффикс *-ак* относит к болгарским заимствованиям. В качестве примера им приведена следующая лексема: ср. удм. *чанак* ‘как раз, ровно, столько’ < чув. *шанах* ‘тж’.

На наш взгляд, суффикс *-ак* имеет довольно позднее происхождение и относится к общеудмуртскому периоду, на что указывает отсутствие данного аффикса (или какого-либо его близкого варианта) в родственном коми языке. Все образования носят вторичный характер, и следовательно, элемент *-ак* в удмуртском языке вполне может быть исконным по образованию.

Нужно отметить, что далеко не все слова, образованные при помощи данного суффикса, являются собственно наречиями. Речь идет о морфологически недифференцированных словах, например: *вакчияк* ‘коротко, короче, вкратце, сжато, сокращенно, кратко; короткий, краткий, сжатый, сокращенный’ [УРС 1983: 68], *вакчияк вераны* ‘пересказать вкратце’ и *вакчияк сюрес* ‘короткая дорога’; *нагыляк* ‘голышом; голый’, *нагыляк ветлыны* ‘ходить голышом’ и *нагыляк нылаш* ‘голая девушка’; *капчияк* ‘легко, облегченно; легкий’, *капчияк шокчыны* ‘облегченно вздохнуть’ и *капчияк уж* ‘легкая работа’ и др.

В работе «Verzeichnis der wotjakischen Suffixe und Suffixkombinationen» («Перечень удмуртских суффиксов и суффиксных комбинаций») суффиксы *-ак/-як* названы словообразовательными суффиксами наречий (Adverbialbildungssuffix) [Veenker 1976: 23, 25].

2.1.1.2. Производные с суффиксом *-быт*

При помощи суффикса *-быт* образуются наречия времени от имен существительных и от морфологически недифференцированных имен, например: *арбыт* ‘весь год’ < *ар* ‘год; годовой’, *уйбыт* ‘всю ночь’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *тулысбыт* ‘всю весну’ < *тулыс* ‘весна; весенний; весной’, *нуналбыт* ‘весь день’ < *нунал* ‘день; дневной’, *толбыт* ‘всю зиму’ < *тол* ‘зима; зимний; зимой’, *сйзьылбыт* ‘всю осень’ < *сйзьыл* ‘осень; осенний; осенью’, *гужембыт* ‘все лето; в течение всего лета’ < *гужем* ‘лето; летний; летом’, *жйсытбыт* ‘весь вечер’ < *жйсыт* ‘вечер; вечерний; вечером’, *толэзьбыт* ‘целый месяц’ < *толэзь* ‘месяц; месячный’, *арнябыт* ‘целую неделю’ < *арня* ‘неделя; недельный’.

Кылем арняе клубе лыктйз но жйсытбыт репетициез учкыса нукиз (Иг. Гавр. Вп., 180). ‘На прошлой неделе он пришёл в клуб и **весь вечер** смотрел репетицию’.

Толбыт люкаськем лымы шунды шорын чияса улыны ӧз чида ни, бӧрдьса но куашетьса канаваостий но нюкӧестий кошкыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 158–159). ‘Снег, накопившийся за **всю зиму**, уже не мог сверкая на солнце [спокойно] лежать, журча и шумя, начал бежать по канавам и оврагам’.

Адзисъёсын-понятойёсын протокол гожтэм бере, Иван Комаров уйбыт Зотов дорын юыса потэм (С. Самс. В., 155). ‘После заполнения протокола со свидетелями и понятыми, Иван Комаров **всю ночь** пропьянствовал у Зотова’.

Лумбыт чидатски, бичаськыса-юмшаса ӧй ветлы, тыныд оски... (С. Самс. В., 214). ‘**Весь день** я терпела, не ходила, не выпрашивала, верила тебе...’.

Гужембыт тыршемзы понна пинальёсты табере нуллозы шаермылэн лымышор городэныз тодматскыны, Кам шур дурын шутэтскыны (УД, № 126–127, 2008). ‘За то, что ребята трудились **целое лето**, теперь их свозят познакомиться с южным городом, отдохнуть у реки Камы’.

Как видно из примеров, употребление этого суффикса ограничено небольшим кругом слов, обозначающих время суток и времена года. Однако в художественной литературе нами был обнаружен пример *сюресбыт* ‘всю дорогу’ < *сюрес* ‘дорога’, который к данной категории слов не относится. В данном случае это наречие принимает временное значение:

Кылзы ӧз тупа, ӧз герзаськы, сюресбыт номыр сярсыь ӧз вераське ни (Иг. Гавр. Вп., 9). ‘Разговор не получился, не нашли общий язык, **всю дорогу** ни о чём уже не разговаривали’.

Этимологически суффикс *-быт* связан с удмуртским прилагательным *быдэс* ‘целый, цельный’ [Серебренников 1963: 351]. В кратком этимологическом словаре коми языка приводится следующая этимология: «*быд* ‘каждый, всякий, любой’; произв.: *быдса* ‘целый’, *быдсӧн* ‘все, всё’ и др. | удм. *быдэ* послелог ‘на каждого, каждому’, *быдэс* ‘целый, цельный’, ‘весь, целиком’; *-быт*: *гужембыт* ‘всё лето’. – Общеп. *biid-* Ю. Вихманн считает чувашским заимствованием, ср. чув. *петем* ‘целый, цельный, сплошной’, ‘весь, всё’. Озвончение начального согласного могло произойти на общепермской почве. Т. Утила заимствование ставит под вопрос» [КЭСК 1999: 43].

2.1.1.3. Производные с суффиксом *-скын*

Сфера действия этого суффикса тоже ограничена словами, обозначающими время. С помощью данного аффикса образуются наречия времени от существительных и недифференцированных слов, например: *часкын* ‘в течение часа’ < *час* ‘час’, *уйскын* ‘за ночь’ < *уй* ‘ночь’, *нуналскын* ‘за день’ < *нунал* ‘день’, *толскын* ‘за зиму’ < *тол* ‘зима; зимний’, *сйзьылскын* ‘за осень’ < *сйзьыл* ‘осень; осенний; осенью’, *гужемскын* ‘за лето’ < *гужем* ‘лето; летний; летом’, *арскын* ‘за год’ < *ар* ‘год; годовалый’, *арняскын* ‘за неделю’ < *арня* ‘неделя; недельный’, *минутскын* ‘за минуту’ < минут ‘минута’.

Огшан понназ малпаськыса, лейтенант шуиз: «Гурезьёстй, конешно, **часкын...**» (Г. Пер. Нз., 115). ‘Подумав немного про себя, лейтенант сказал: «По горам, конечно, **за час...**»’.

Монэ верам шуод: монтэк соослэн номыр уз пӧрмы, драмкружоксы арняскын куашкалоз (Иг. Гавр. Вп., 108). ‘Скажешь, что я говорил: без меня у них ничего не получится, их драмкружок распадется **за неделю**’.

Лавка сукыриез сиисько нуналскын ик, нош аслэсьтым пыжемме – нунал но эйсыны куспын (УД, № 020, 2008). ‘Буханку хлеба, купленную в магазине, **за весь день** съедаю, а свою испеченную – за полтора’.

Кылем ар куспын 12 нуны куаразэ сётйз, туэ эйыны арскын 11 пи-нал ни (УД, № 126–127, 2008). ‘В прошлом году за год родилось (букв. ‘подали голос’) 12 младенцев, нынче, **за полгода** – уже 11’.

Станок – со кутэс яке огшоры молот өвёл. Сое огнуналскын но-кызыы но уд вала (Иг. Гавр. Вп., 77). ‘Станок – это не молотило или простой молоток. Его **за один день** никак не изучишь’.

Сюрессы көня ке минутскын йöнтэм түлегмиз но, мыныны эшио секытгес луиз (Г. Пер. Нз., 110). ‘Их дорога **за несколько минут** стала очень скользкой, идти стало еще трудней’.

Б. А. Серебrenников, наряду с суффиксом *-скын*, рассматривает и вариант *-сын* (*nunalsyn* ‘за день, в течение дня’, *arñasyn* ‘за неделю, в течение недели’) и объясняет его происхождение следующим образом: «В основе этого суффикса лежит окончание местного падежа *-yn*. Элемент *-sk-* (*-s-*), по всей видимости, возник в результате переразложения основ, поскольку в удмуртском языке имеются имена существительные с основой на *-sk-*, например: *ñúles* ‘лес’ – *ñúlesk-yn* ‘в лесу’, *urdes* ‘бок’ – *urdesk-yn* ‘набок’, *urdsyn* ‘возле» [Серебrenников 1963: 353].

Элемент *-s* суффикса *-sk-*, по мнению А. И. Емельянова, употреблялся с различными предшествующими ему гласными, которые, очевидно, представляли из себя чередующийся редуцированный конечный гласный основы. Далее он приводит точку зрения И. Буденца: «Звук *-s* Буденц считает финно-угорским посессивным суффиксом **-ks*; в вотяцком языке произошла, очевидно, перестановка звуков: *ks* > *sk*, причем последний звук, как это обычно бывает, в вотяцком языке выпал и только иногда восстанавливается перед гласной суффикса» [Емельянов 1927: 101].

2.1.1.4. Производные с суффиксом *-бытскын*

В «Удмуртско-русском словаре» 2008 г. издания встречаются наречия, образованные при помощи суффикса *-бытскын*. При помощи данного суффикса образуются наречия времени от существительных и недифференцированных слов: *уйбытскын* ‘всю ночь, за ночь, в течение всей ночи’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *толбытскын* ‘всю зиму, в течение зимы; за зиму’ < *тол* ‘зима; зимний’, *арбытскын* ‘за год, в один год, в течение года’ < *ар* ‘год; годовалый’, *тулысбытскын* ‘за всю весну, в течение всей весны’ < *тулыс* ‘весна; весенний; весной’, *эйытбытскын* ‘за вечер, в течение вечера’ < *эйыт* ‘вечер; вечерний’, *толэзьбытскын* ‘за месяц, в течение месяца’ < *толэзь* ‘месяц’.

Нам пока не удалось обнаружить примеры из художественной литературы. Причину этого нужно искать в контаминации, в результате которой и возник данный суффикс. Обычно контаминация наблюдается в сфере разговорной речи и является отступлением от литературной нормы [ЛЭС 1990: 238].

2.1.1.5. Производные с суффиксом *-ой (-ёй)*

С суффиксом *-ой (-ёй)* образуются количественно-временные наречия от числительных, например: *кызёй* ‘за двадцать дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *ныльёй* ‘за четыре дня’ < *ныль* ‘четыре’, *куинёй-ныльёй* ‘за три-четыре дня’ < *куинь-ныль* ‘три-четыре’, *куатёй* ‘за шесть дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёй* ‘за пять дней’ < *вить* ‘пять’, *кыктой* ‘за два дня’ < *кык* ‘два’, *сизыьмой* ‘за семь дней’ < *сизыьм* ‘семь’ и др.

Лиза витиз Паша Егоровез. Кыктой возьмаз, куиньмой... (С. Самс. В., 127). ‘Лиза ждала Пашу Егорова. Два дня ждала, три ...’

Ёросысь кужсмо спортсменъёсты шараян вылысь татын нырысетй нылли тол шудонъёс радъяськызы. Кыктой кыстйськысь ёошатсконэ сюрс пала пинал пыриськыны кулэ (УД, № 021, 2008). ‘Для выявления сильных спортсменов в районе, здесь будут проводиться первые детские зимние игры. В соревнованиях, которые пройдут в течение двух дней, должны принять участие около тысячи ребят’.

Станциын тодмоез дорын Федор куиньмой кёлйз ини (Г. Крас. Кч., 21). ‘На станции у знакомого Федор переночевал уже три дня’.

Собере узыр бускелезлы со кыктой ёоже вёлёсаз лйял порылйз (К. Митр. Сз., 71). ‘Потом он богатому соседу два дня корчевал в подлеске пни’.

Куиньмой луло шой кадь кыллиз (Р. Вал. Уп., 50). ‘Три дня он пролежал как живой труп’.

Суффикс *-ой* А. И. Емельяновым [1927: 117] и Б. А. Серебренниковым [1963: 353] возводится к архаическому суффиксу. Отмечено, что суффикс *-ой* позднего присхождения, вполне еще не утративший значение знаменательного слова *уй* ‘ночь’. Б. А. Серебренников в качестве сравнения дает пример *voj* (диал. *oj*) ‘ночь’ из коми-зырянского языка.

2.1.1.6. Производные с суффиксом *-ойскын (-ёйскын)*

Данный суффикс, так же, как и суффикс *-бытскын*, возник в результате контаминации двух наречных суффиксов *-ой* и *-скын*. Суффикс *-ойскын* в удмуртском языке образует наречия времени от имен числительных, например: *кызёйскын* ‘в течение двадцати дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *ныльёйскын* ‘в течение четырёх дней’ < *ныль* ‘четыре’, *куинёйскын*

‘в течение трёх дней’ < *куинь* ‘три’, *куатёйскын* ‘в течение шести дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней’ < *вить* ‘пять’, *сизьымойскын* ‘в течение семи дней’ < *сизьым* ‘семь’, *куиньмойскын* ‘в течении трёх дней’ < *куинь* ‘три’, *дасойскын* ‘в течение десяти дней’ < *дас* ‘десять’, *укмысойскын* ‘в течение девяти дней’ < *укмыс* ‘девять’, *тямысойскын* ‘в течение в течение возьми дней’ < *тямыс* ‘восемь’, *кыктойскын* ‘в течение двух дней’ < *кык* ‘два’.

Следует отметить, что с помощью данного суффикса образовано два наречия от недифференцированных слов: *гужемойскын* ‘за лето; в течение лета’ [УРС 1983: 115; УРС 2008: 171] < *гужем* ‘лето; летний; летом’ и *эйсытойскын* ‘за вечер, в течение вечера’; *та ужез эйсытойскын быдэстыны луоз* ‘эту работу можно выполнить за [один] вечер’ [УРС 1983: 150; УРС 2008: 223] < *эйсыт* ‘вечер; вечерний; вечером’.

2.1.1.7. Производные с суффиксом *-эн (-ен), -ын*

С суффиксами *-эн (-ен), -ын* образуются качественные и некоторые временные наречия от недифференцированных имен и числительных, например: *одйген* ‘по одному, по-одиночке’ < *одйг* ‘один’, *эйсоген* ‘вскоре, скоро; быстро’ < *эйсог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, скорый, срочный’, *шуген* ‘с трудом’ < *шуг* ‘трудно, тяжело; трудный, тяжёлый’, *капчиен* ‘легко, облегчённо’ < *капчи* ‘лёгкий, нетрудный; легко, нетрудно’, *ёошен* ‘вместе’ < *ёош* ‘вместе, совместно’, *эечкын* ‘по-хорошему’ < *эеч* ‘хороший, добрый; хорошо, добро’, *лекын* ‘со злостью, сердито’ < *лек* ‘злой, сердитый; зло, сердито’, *дасэн* ‘десятками, по-десяти’ < *дас* ‘десять’, *тросэн* ‘много’ < *трос* ‘много’, *сюэн* ‘сотнями, по-сотне’ < *сю* ‘сто’ и др.

Ведь Платон но, Ондыръян но улэп адымиос, соосты озьы ик улэпен возьматано, вань пуштроссэс кыре поттоно (Иг. Гавр. Вп., 225). ‘Ведь и Платон, и Андрей – живые люди, **живыми** и их нужно показать, отразить их внутренний мир (букв. ‘содержание’)’.

Атаеныд ёошен ужаськом-ужаськом, нош пайдазэ ум адзиське (Г. Крас. Вью., 13). ‘Работаем-работаем [**вместе**] с твоим отцом, а пользы никакой не видим’.

Кыыз эйсоген бурмиз, вандйськем бервылаз тдды гинэ кылиз (Г. Крас. Вью., 15). ‘Его рука **вскоре** зажала, на месте пореза остался лишь белый шрам’.

Э-э, юозы, пе, адымлэн ваньмыз-өвдлэз вируз куать литр гинэ, пе. Пичиен сюпсэзы соос, мертчиськозы но нырзэс пыдло-пыдло пыртозы (С. Самс. В., 161). ‘Э-э, будут пить они, у человека, говорят, всего ничего шесть литров крови. **Понемногу** они будут высасывать, присосутся и свой нос вонзят глубоко-глубоко’.

*Пуке жісөк сьöрын кузё пуконын, сьöд мыйык улысьтыз зар төдды пиньёссэ поттаса серекъя, адямиосын **капчиен** вераське* (Г. Крас. Ок., 34). ‘Сидит за столом на хозяйском стуле, смеется, показывая свои белые зубы из-под черных усов, **легко** разговаривает с людьми’.

*Россиысь Правительствоолэн вице-премьерез Дмитрий Медведев Удмуртие берлозэ вуылыкуз, та ужсүмез быдэстыны малпаммес **зечен** лыдъяз* (УД, № 028, 2008). ‘Вице-премьер Правительства России Дмитрий Медведев во время последнего визита в Удмуртию одобрил (букв. ‘посчитал **хорошей**’) идею решения этой проблемы’.

*А ведь Сюртэм Федор шузи ке но, тынэсьтыд визьмогес! – **лекын** вазиз Зангари Илья* (Иг. Гавр. Вп., 142). ‘А ведь Сюртэм Федор хоть и дурак, но умнее тебя! – **зло (злобно)** проговорил Зангари Илья’.

*Кыче ке кандидат понна куараос **сюэи** йылызы, кычезе ке понна – **сюрсэн*** (УД, № 031, 2008). ‘За одного кандидата голоса **сотнями** увеличивались, за другого – **тысячами**’.

*Гажамзэ возматыны турттыса, **каньылэн, лякытэн** вераськыны выре* (К. Митр. Сз., 77). ‘Желая показать свое уважение, старается говорить **спокойно, вежливо**’.

*Коркась **лушкемен** потыны медэ вал но ёс кусын шап гинэ Дангыр пумитэ вуиз* (К. Митр. Сз., 96). ‘Хотела **тайком** выйти из дому, но в дверях неожиданно встретила с Дангыром’.

2.1.1.8. Префиксальный способ образования наречий

Префиксацией называется такой аффиксальный способ словообразования, при котором словообразовательное значение выражается при помощи префиксов. Функционально и частично семантически префиксы близки к суффиксам. Суффиксы более тесно, чем префиксы, слиты с производящей основой, и их словообразовательное значение более сложно и многообразно, чем у префиксов.

В удмуртском языке наречия образуются с помощью приставок *оло-*, *коть-*, *но-*.

2.1.1.8.1. Производные с префиксом *оло-*

Префикс *оло-*. Примеры: *олокытын* ‘где-то’, *олокытчы* ‘куда-то’, *олокытысь* ‘откуда-то’, *олокытй* ‘где-то (где-то, неизвестно где)’, *олокызы* ‘как-то, каким-то образом, неизвестно как’, *олокытысен* ‘откуда-то, неизвестно откуда’, *олокбня* ‘несколько’, *олокеме* ‘очень долго’, *олоку* ‘неизвестно когда’, *олокудкеме* ‘очень далеко’, *олокудкемын* ‘неизвестно, как далеко’, *олокудкемысь* ‘неизвестно с какого расстояния’,

олокудняла ‘очень долго, неизвестно сколько’, олокудмында ‘неизвестно сколько’.

Ужаны быгатыйсьёс лудын, дышетскисьёс – школаын, нош песянайёслэн ки улысьтызы мозмем но дышетскыны арлыдзы вуымтэ пинальёс – олокытын (Г. Дан. Гп., 198). ‘Умеюющие работать – в поле, школьники – в школе, а дети дошкольного возраста, сбежавшие от бабушек – **неизвестно где**’.

Онисимзэ, куинь толзэ но ёошенназы улытэк, солдат ужлы дышетыны шуыса басьтйзы уга но, олокытчы ышиз-быриз (П. Позд. Уск., 156). ‘Ее Онисима, с которым не успела прожить вместе и три месяца, забрали, якобы, обучать солдатскому ремеслу, но он **неизвестно куда** пропал’.

Татчы адямиос олокытысь но вуэмын (С. Самс. В., 109). ‘Сюда приехали люди из разных мест (букв. ‘**неизвестно откуда**’)’.

Пумаз вуыса, куддыр – оскиськод-а, уд-а – олокызы но турттйськод (С. Самс. В., 105). ‘Когда доходит до крайности, иногда – веришь или нет – как только (букв. ‘**неизвестно как** стараешься’) не стараешься’.

Трос адъемын, олокытй но ветлэмын, пёртэм интыосын улэмын бере, оломае но тодэ (УД, № 096, 2008). ‘Раз он много видал, где только не ездил (букв. ‘**неизвестно где**’), жил в разных местах, что только не знает’.

Коркан пукон дыръяз со краскаен пужыятэм интыосыз өз но адъы кадь, нош али олокытысен йыраз пыризы (К. Митр. Сз., 96). ‘Когда она сидела дома, будто бы и не заметила разрисованные краской места, а сейчас **неизвестно откуда** вспомнила’.

Толон ёсыт со олокёня пол ветлйз Кузьма доры, нош соизлэн ёс бордаз ялан замок ошиськыса улэ (Н. Вас. Кта., 88). ‘Вчера вечером он несколько раз (букв. ‘**неизвестно сколько раз**’) ходил к Кузьме, а у него постоянно на дверях висит замок’.

Пудо сиёнмы быриське, нош возь вылэ олоку поттод ай соосты (П. Куб. Т., 236). ‘Корм для животных заканчивается, а на поле их [коров] **неизвестно когда** еще выведешь’.

Тйни Дубов, тйни, – Радин горд майкаос пöлысь нападенись центр шоры чиньызэ олокудкеме нуйтыса мычем (М. Кон. Куöv., 33). ‘Вот Дубов, вот, – Радин **очень далеко** указал пальцем на играющих в красных майках в центре нападения’.

Вортча Пужейлэн семьяез олокудняла тазы арасал на, вылды, оло, быдэс кулигазэс туннэ ик быдэстысалзы уни, Дангыр кадь кужмо юрттйсьсы вань бере, быдэстытэк ой кельтысалзы, дыр (К. Митр. Сз., 15). ‘Семья Вортча Пужея долго (букв. ‘**неизвестно сколько**’) бы

еще так жала, наверно, целую кулигу сегодня же бы закончили, раз есть такой сильный помощник, как Дангыр, не закончив не оставили бы’.

Только чем дыръя, огназ малпаськыса, одйг интыяз олокудмында сылэ (М. Кон. Куёв., 71). ‘Только часто, призадумавшись, стоит на одном месте **неизвестно сколько**’.

Удмуртский префикс *оло-* Б. А. Серебренников [1963: 212] сопоставляет с префиксом *ала-* марийского языка и называет их генетически тождественными. По его словам, удмуртский префикс *оло-* и марийский *ала-* по происхождению представляют собой превратившееся в префикс вводное слово *оло* (модальное слово со значением ‘может быть’). С такой семантикой оно до сих пор употребляется в удмуртском и марийском языках. Ср. удм. *Йыга золгес, оло, кылозы* ‘Стучи сильнее, может быть, услышат’, мар. *Тый лудат ала* ‘Может быть, ты читаешь’.

И. В. Тараканов, придерживаясь мнения Берната Мункачи, относит компонент *оло-* к заимствованиям из тюркских языков: «оло союз ‘или’, препозитивная частица неопределенных местоимений и наречий < тат., башк. эллэ ‘тж’» [Тараканов 1981: 60].

2.1.1.8.2. Производные с префиксом *коть-*

Префикс *коть-*. Примеры: *котьку* ‘постоянно, в любое время, всегда’, *котькудлань* ‘куда ни..., в любом направлении; во все стороны; в любую сторону’, *котькызы* ‘как угодно; по-всякому; так и этак’, *котькытй* ‘езде; везде и всюду’, *котькытчы* ‘куда угодно; в любое место; везде; повсюду’, *котькытын* ‘всюду; повсюду; где угодно’, *котькытысь* ‘отовсюду; откуда угодно’, *котькёня* ‘сколько угодно’, *котькытйысь* ‘откуда угодно’, *котькытчыозь* ‘куда угодно’, *котькытысен* ‘отовсюду, откуда угодно’.

Котькытй ветлэ, котьма каре ке но, Катялэн сюлэм интыяз өвёл (Иг. Гавр. Вп., 35). ‘Хотя и **езде** ходит, все делает, сердце Кати не на месте’.

Уж дурьсь Макар котьку одйг скорестй бертылйз – бакчаос бертй сюбег гинэ пыдын ветлон скорестй (Г. Крас. Вю., 17). ‘С работы Макара **езде** возвращался по одной дороге – по протоптанной за огородами узкой тропинке’.

Та корка котырьсь гидзэ но кеносэ но уд шедьты, котькёня утча (К. Митр. Сз., 43). ‘Около этого дома ни хлева, ни амбара не найдешь, **хоть сколько** ищи’.

Котькызы котьмар кар но, колонка пуктэмын вал ини (Г. Крас. Кмк., 7). ‘**Хоть как** хоть что делай, но колонка была уже поставлена’.

Табере быдэс нюлэс вузэ кадъ, пуныослэн вузэмзы котькытчы чузъяське (К. Митр. Сз., 58). ‘Теперь как будто весь лес воет, лай собак слышится повсюду (букв. ‘**хоть куда** доносится)’.

А тон шуиськод «адами котькытын но улыны дыше»! (Г. Крас. Ок., 39). ‘А ты говоришь «человек **везде** приспособляется жить!»’.

Ваньзэ сое котькытысь шедьты, котькызы вай, котькызы пукты (М. Иван. Нмсбв., 326). ‘Все это **хоть откуда** найди, **хоть как** привези, **хоть как** поставь’.

«Префикс *kot'*- в удмуртских местоимениях *kot'kudiz* ‘каждый’, *kot'kin* ‘всякий’ и т. д., – пишет Б. А. Серебренников, – связан с русским просторечным *хоть какой, любой*. Поэтому *kot'kudiz, kot'kin* первоначально означали ‘хоть какой, хоть кто’, откуда позднее развились значения ‘каждый’, ‘всякий’ и т. д.» [Серебренников 1963: 213]. Подобное можно сказать про наречия, образованные с помощью префикса *коть-*. Например, *котькытын* первоначально обозначало ‘хоть где’, а позже ‘всюду, повсюду’ и т. д.

2.1.1.8.3. Производные с префиксом *но-*

Префикс *но-*. Примеры: *ноку* ‘никогда’, *нокызы* ‘никак’, *нокытй* ‘нигде, ни по какому месту’, *нокытчы* ‘некуда; куда’, *нокытын* ‘негде; нигде’, *нокытысь* ‘неоткуда; нигде’, *нокудлань* ‘никуда, ни в какую сторону’, *нокудласянь* ‘ниоткуда, ни с какой стороны’, *нокудпала* ‘никуда, ни в какую сторону’, *нокудпалан* ‘нигде, ни в какой стороне’, *нокудпалась* ‘ни с какой стороны’, *нокытысен* ‘нигде’, *нокöня* ‘нисколько’.

Сиён-юон бервылзэс, мылем юдэсьёссэс ноку но сьп-сап уг каро – Зоя ваньзэ нудозылы сётэ (Г. Крас. Вю., 19). ‘Остатки еды, недоеденные куски **никогда** не выбрасывают – Зоя все отдает скотине’.

Жытозь дышетскисьёслэн йырзы поромиз, молитвазэс йылысеныз пумозяз лыдъыса нокызы но уг быдто (К. Митр. Сз., 78). ‘К вечеру головы учащихся закружились, **никак** не могут прочитать молитву с начала до конца’.

Нокытй уг висъы ни кадъ... (П. Позд. Уск., 163). ‘**Нигде** уже вроде не болит...’.

Семьяысь воргорон пумитъяське: мынам та вордскем интые, нокытчы уг кошки, шуэ (УД, № 026–027, 2008). ‘Мужчина в семье противится: здесь моя Родина, **никуда** не уеду, говорит’.

Ваньмыз чок вылэм ини но, вордскем гуртме, егит дыръям лёгам бусьюсты, возьёсты, нюлэсьёсты адъйтэк куло ини, соин сюлэмы нокытын уг чида... (Н. Вас. Сф., 97). ‘Все бы ничего, но, свою родную

деревню, протоптанные в детстве поля, луга, леса не увидев умру, уже поэтому сердце **нигде** покоя не дает...’.

«Кызыы тон бырид, кытчы?» – ас юанэзлы **нокытысь** валэктон уг шедьты со (Н. Вас. Кта., 71). «Как ты погиб, где?» – на свой вопрос он **нигде** не находит ответа’.

Нокудласянь но гондыр уг поты (К. Митр. Сз., 58). ‘**Ни с какой стороны** медведь не выходит’.

Нокöня но дыр öз ортчы – бака тыбыро, вурысо бамо тушмонэз котькулы нуыса кошкызы (М. Кон. Куöv., 122). ‘**Нисколько** времени не прошло – схватив врага с жабьей спиной, со шрамом на лице навсегда увели’.

Мы полностью согласны с мнением Б. А. Серебренникова [1963: 211], что структура отрицательных местоимений в пермских языках представляет явную кальку структуры подобных грамматических форм русского языка. Приставки *не-, но-* соответствуют приставке *не-, ни-* русских говоров. На удмуртской почве *не-* превратилось в *но-*.

2.1.2. Синтаксический способ образования наречий

Образование наречий путем слияния или сочетания различных основ – знаменательных и незнаменательных единиц языка – составляет синтаксический способ образования наречий. Этим способом образуются все сложные наречия в удмуртском языке.

Образование наречий путем сочетания корней или основ, как и образование других частей речи, – процесс не только давно сложившийся, но постоянно развивающийся и совершенствующийся.

2.1.2.1. Образование наречий путем повторения или удвоения основ

Основным видом словосложения в удмуртском языке выступает редупликация. Сложные наречия, образованные этим способом, представляют собой парные сочетания имен и наречий, лексически используемых для определения качества действия или состояния. Такие сочетания состоят из синонимичных или антонимичных основ. Составными компонентами таких сочетаний могут быть основы имен существительных, числительных, местоимений, прилагательных и самих наречий. При парном употреблении оба компонента такого сочетания теряют свое первоначальное значение той части речи, к которой они относятся, и приобретают отвлеченное значение обстоятельственного слова – выразителя качественной характеристики действия и переходят

в категорию наречия. Основным критерием при определении таких наречий являются их лексико-семантические и грамматические особенности, слова в процессе парного употребления принимают лексическое значение и присущие наречиям грамматические признаки.

Среди данных образований выделяются следующие группы:

I. Наречия-повторы, образованные путем удвоения синонимичных основ. Это могут быть:

а) сложные наречия, образованные повтором одной и той же формы простых наречий (в том числе недифференцированных слов в значениях наречий и изобразительных слов), например: *кытй-кытй* 'кое-где, местами; иногда', *вылэтй-вылэтй* 'высоко', *мырдэм-мырдэм* 'еле-еле', *йсог-йсог* 'быстро', *кыдёке-кыдёке* 'далеко', *матэ-матэ* 'близко', *чалчал* 'тихо, безмолвно', *йем-йем* 'часто', *чиль-чиль* 'ярко-ярко', *куажыр-куажыр* 'с хрустом', *гудыр-гудыр* 'с грохотом, грохоча', *бульыр-бульыр* 'булькающая' и др.

Пукон вылын чал-чал пукись Волин амалтэк азьлань сётскиз, солэн быдэс мугорыз Катя пала тэтчаны дась луыса кадь пумиз (Иг. Гавр. Вп., 292). 'Волин, **тихо** сидевший на стуле, поневоле поддался вперед, казалось бы, он готов всем своим телом наброситься на Катю'.

Ваньзэ йеч-йеч малпаз но аслэстыз янгышсэ валаз: кужмысь яратыны уд кос (Иг. Гавр. Вп., 172). 'Она все **хорошо** обдумала и поняла свою ошибку: насильно мил не будешь'.

Ымдурьсытыз йёлыз бырымтэ на, литературае алигес гинэ мырдэм-мырдэм пал пыдыныз лёгиськиз, нош учкы али, кыёе лек куртчылйське (Иг. Гавр. Вп., 574). 'Ещё молоко на губах не обсохло, только недавно **еле-еле** в литературу шагнул одной ногой, а посмотрика, как сильно критикует (букв. 'кусается')'.

Камашев лушкемен потйз. Берзэ йем-йем учкылыса, трамвай пала кошкиз (Иг. Гавр. Вп., 552). 'Камашев тайком вышел. **Часто** оглядываясь, ушёл в сторону трамвая'.

Арамаос вискытй кытй но отй Вало шур синучкон кадь чиль-чиль пиштылэ (Иг. Гавр. Вп., 540). 'Кое-где между рощами блестит река Вала (букв. '**ярко-ярко** блестит'), словно яркое зеркало'.

Анаез ини лудэ мыныны дась: пельпум съобраз песьтэр, песьтэр кыметлэн ултйз шашы кадь сугон кальчаос йогыр-йогыр потйллэм (Иг. Гавр. Вп., 531). 'Его мама уже готова идти на поле: за плечами пестерь, из-под крышки пестеря **дружно** высунулись перья лука, словно листья осоки'.

Бубызэ адйиз но шудон но кулэ өвёл ни – пумитаз бызе, мертчан кадь тодьы йырсиез борды думем чагыр лентаз тйр-тйр ыре

(Иг. Гавр. Вп., 526–527). ‘Она увидела отца, и игра не нужна, бежит к нему навстречу, голубая лента на белых словно лен волосах развева-ется **по сторонам**’.

Петькалы конфет басьтүз, кагазэн умой-умой бинялтүз, пол-литраэз пияз донгиз (Г. Крас. Кмк., 16). ‘Петьке купил конфеты, **хорошенько** завернул в бумагу, пол-литру за пазуху засунул’.

*Аркашен Габи Васялы та выллем заданиосты быдэсьяны өз кылдылы на бере, кыкназы өжытак шугьясько, учерак-учерак утчаськыса, пьдчиньы йылазы гинэ, кочыш музэн, **небытак-небытак** лёгышь-ьяськыны тыршо* (Г. Пер. Нз., 108). ‘Так как Аркаше и Габи Васе подобные задания еще не приходилось выполнять, оба немного волнуются, осматриваются кругом, на цыпочках, по-кошачьи, пытаются помягче (букв. ‘**мягко-мягко**’) шагать’.

б) сложные наречия, образованные путем повтора существительных и числительных в форме творительного падежа, например: *кесэген-кесэген* ‘отрезками, кусками’, *толэзен-толэзен* ‘месяцами’, *кырымен-кырымен* ‘по горсточке, горстями’, *чурен-чурен* ‘в ряд, рядами’, *парен-парен* ‘парами’, *гучыкен-гучыкен* ‘глотками’, *куинен-куинен* ‘по трое’, *одйген-одйген* ‘по одному’, *сюэн-сюэн* ‘сотнями, по сотне’ и др.

*Со шур доры бакчаос но бакча кенерьёс **чурен-чурен** кытйсько* (Иг. Гавр. Вп., 13). ‘К этой реке **рядами** тянутся огороды и ограды’.

*Егитъёс **парен-парен** бергаса кошкизы* (Иг. Гавр. Вп., 90). ‘Молодые прошли, кружась **парами**’.

*Адямиос, **люкен-люкен** кариськыса, маке кенешо, лабырто, уже угдырто* (С. Самс. В., 204). ‘Люди, собравшись в кучки (букв. ‘**кучами**’), что-то обсуждают, говорят, не спешат на работу’.

*Олексан соку ас ёзьёссэ **нимен-нимен** вераса лыдъяз: таиз конюхын, соиз строительной бригадаын, куинетйез прицепщик...* (Г. Крас. Вю., 14). ‘Александр тогда пересчитал своих сверстников, называя их **поименно**: этот конюх, тот в строительной бригаде, третий прицепщик...’.

*Шыдэн тусьты бушам бере, Макар сйлен тэркыез аяз каре но **юдэсэн-юдэсэн** люкылыны кутске* (Г. Крас. Вю., 18). ‘После опустошения миски с супом, Макар ставит перед собой тарелку с мясом и начинает делить его **на куски**’.

*Вара соосты **оген-оген** лыдъя* (Иг. Гавр. Вп., 43). ‘Вара считает их **по одному**’.

Дырын-дырын султылыса, я палэзпулэн чеберезлы паймемьяськыса котыртйз берга но синъёсыныз отчы-татчы утчаське, я кинэ ке тодаз вае на, корказэс соиз-а вал, таиз-а шуыса, шур съорысь урамез

сйсья... (С. Самс. В., 208). ‘Иногда (**временами**) вставая, будто бы восхищается красотой рябины, ходит вокруг нее и оглядывается по сторонам, то кого-то еще вспоминает, то ли этот их дом, то ли тот...’.

*Отын но татын пелез урмытымон гудыръяло пушкаос; андан гусеницаосынызы шурмыт лангыртмыса, окопъёс, траншеяос, нюкгопъёс вамен лэймыт жечыраса, тузон пишем эсутыса, вистэм-вожстэм ыбылыса ортчо сумбрес танкъёс; дугдылытэк тачырто автоматъёс, пулемётъёс, пуштыло гранатаос; улийетй гинэ, писпу йыльёсты чышкыны турттыса музэн, **уллёен-уллёен**, шурмыт вузыса лобало чильк-вальк кысьтаськись самолётъёс – котырак жиу-у, тачы-ыр, лангы-ыр, гуды-ыр! вазе* (Г. Пер. Нз., 102). ‘Там и здесь до рези в ушах грохочут пушки; страшно грохоча своими стальными гусеницами, раскачиваясь через окопы, траншеи, ямы, поднимая клубы пыли, безостановочно стреляя проезжают неповоротливые танки; непрерывно стрекочут автоматы, пулеметы, разрываются гранаты; лишь понизу, словно пытаюсь состричь верхушки деревьев, **кучно**, с грозным воем летают ярко переливающиеся самолеты – кругом звучит: жиу-у, тачы-ыр, лангы-ыр, гуды-ыр!’.

Наречия, образованные парным употреблением двух однокоренных слов, не всегда обозначают новые понятия, отличные от единичных, они несут самые разнообразные семантические функции (выражают идею собирательности, множественности, длительности, разделительности, неопределенности, употребляются для выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту), но их важнейшей функцией является выражение усиления качества, действия и высокой интенсивности их проявления. Например, *эйсог* ‘быстро’, *эйсог-эйсог* тоже ‘быстро’. Второе наречие отличается большей выразительностью. В стилистике такие наречия используются для выражения эмоциональной речи.

в) сложные наречия, образованные от простых наречий, второй компонент которых фонетически видоизменен и служит для усиления наречного значения: *кырыж-мерыж* ‘криво-косо’, *ури-бери* ‘поспешно, спешно, очень быстро’, *чукин-бекин* ‘вразвалку’, *кымин-гопин* ‘вразвалку’ и др. Как правило, данные слова зачастую используются лишь в разговорной речи или же являются диалектными, по своей структуре они более близки к наречно-изобразительным словам. Примеры, которые приводятся ниже, собраны нами в ходе полевой экспедиции в д. Трубашур Глазовского района Удмуртии:

со тил'ад с'урэсты но ижэ кырыж-мэрыж кошкэ, особэнно игра бэрэ (Тш). ‘Эта ваша дорога в Ижевск криво (букв. ‘**косо-криво**)’ проложена, особенно после Игры’.

со гагйосыд **ури-бэри** пэгзил'л'ам, д'эдэд пызгытэмэд бэрэ (Тш.). 'Детвора быстро (букв. **'беспорядочно и молниеносно'**) убежала, после того как твой дед их отругал'.

мар со азбарад пунктэм гидэд **чукин-бэкин** ук сылэ (Тш.). 'Что это твой сарай, построенный во дворе, стоит **косо'**.

зуродмэс волод'ан'укуыс' вайыкумы, зуродмы **кымин-гопин, кымин-гай** пограз (Тш.). 'Когда везли стог из Володянюка (букв. 'лог Володи'), он у нас **опрокинулся'**.

Сельхозтехникаысь мастерен юэmez бере, Кирлалэн кудээ бы-рымтэ вал на, Захарлэсь верамзэ пеляз но өз поны, ымпум'ёссэ гинэ **кырыж-мерыж** выретйз (Г. Крас. Кмк., 6). 'После выпивки с масте-ром из сельхозтехники Кирилл еще не протрезвел, на замечания За-хара не обратил внимания, лишь губы скривил (букв. **'косо-криво** пошевেলил')'.

Слова, составляющие вторую часть этих наречий, как видно из примеров, не имеют самостоятельного лексического значения и в со-временном удмуртском языке отдельно не употребляются.

II. Наречия-повторы, образованные от основ:

а) с антонимичным значением, например: **солань-талань** 'туда-сюда', **отын-татын** 'там и сям, кое-где', **отысь-татысь** 'отовсюду', **куке-соку** 'когда-то тогда', **берлань-азьлань** 'взад-вперед', **вистэм-вожтэм** 'бесперывно', **туннэ-чюказе** 'на днях, сегодня-завтра', **мыдлань-азьлань** 'взад-вперед', **отчы-татчы** 'туда-сюда', **ултй-вылтй** 'по верху-по низу, со всех сторон' и др.

Юрт'ерг'ёс бордысь редакцилэсь вывесказэ утчаса, со солань-талань ветлйсь адямиос шоры мырзйськылэ (Иг. Гавр. Вп., 27). 'В поисках вывески редакции на зданиях он сталкивается с людьми, проходящими мимо него взад и вперед (букв. **'туда-сюда'**)'.

Басьтэ, шуисько, тй мыным мурт өвёл, куке-соку берен берык-тоды (Иг. Гавр. Вп., 232). 'Берите, говорю, вы мне не чужие, **когда-нибудь** вернете'.

Бадзым сюрес вылысь гуртэти мыдлань-азьлань ветлйсь подво-даос уйин но маза сётъяллямтэ соослы – огеzlэн уробо черсэз чигем, мукетыzlэн вал дагаез палдэм (С. Самс. В., 109). 'Подводы с большой дороги, проходящие по деревне туда-сюда (букв. **'туда-обратно'**), не давали им покоя и ночью – у одной ось телеги сломалась, у другой под-кова у лошади отпала'.

Паримон агаез, ултй-вылтй нырк карыса, исаса-серекъяса верась-кемзы кылйськылйз (С. Самс. В., 186). 'Слышались разговоры, оскор-бляющие и **унижающие** дядю Паримона'.

Син кусын ожмаськон-жугиськон пуромиз: вистэм-вожтэм лобо но лобо пукыч ньольёс, дыбечьёсын лойкытьяло, изьёсын зирьясько... (УД, № 109, 2008). 'В мгновение ока разразилась битва: **беспрерывно** летят и летят стрелы, [люди] молотилами бьют, камнями кидаются'.

Кышномуртъёс сыёеесь ук: ой, соиз сыёе дйсь басьтэм, ой, со озьы-тазъы карем (УД, № 130–131, 2008). 'Женщины же такие: ой, та такую одежду купила, ой, она **так и сяк** сделала'.

Лулскылыса, лулскылыса, Зотов синъёсыныз отысь-татысь маке утчаськем сямен, йырзэ кырыжъяз но Алевтина Берёзкинаен луэм учыр сярись, солы дурбасьтыса, Полиналэн куаретон поттэмез сярись мадьыны кутскиз (С. Самс. В., 194). 'Повздыхав, Зотов, будто ища глазами что-то вокруг (букв. '**там и тут**'), повертел головой и начал рассказывать о постигшем Алевтину Берёзкину случае, защищая ее и назвав зачинщицей ругани Полину'.

Туннэ-ёуказе кунянэз луоно (Иг. Гавр. Вп., 239). 'На днях (букв. '**сегодня-завтра**') [корова] отелится'.

б) с антонимичным значением, оба компонента которых выступают в творительном падеже, например: *кузен-вакчиен* 'неровно, неодинаково (по длине)', *уен-нуналэн* 'ночью и днем', *йсытэн-ёукен* 'по утрам и вечерам', *кужен-вамен* 'прямиком, напрямик', *толэн-гужемен* 'зимой и летом', *пичиен-бадзьымен* 'от мала до велика' и др.

Озьы ке но, куректыса-мар өз улэ, уен-нуналэн жадёнэз валатэк, куссэс шонеръятэк кадъ ужазы (Н. Самс. Канк., 186). 'И все же, не горевали, работали не зная усталости **днем и ночью**, словно, не разгибая спины'.

Уен-нуналэн витид карттэ (К. Лом. ВэНО., 228). 'Днем и ночью ты ждала своего мужа'.

Микаль толлоен-туннэен гидкуазетй, корка пушкытй порья (П. Черн. Мёзм., 129). 'Микаль **каждый день** ходит по двору, по дому'.

Сйзьылэн-толалтэен нюлэсканы ёош ветлом шуыса, куспазы вераськемзы вал соос (К. Митр. Сз., 45). 'Они договорились было, что **осенью и зимой** будут ходить вместе на охоту'.

Таким образом, при образовании наречий путем повторения различных основ широко участвуют сами наречия, т. е. большинство сложных образований представляют собой парные сочетания различных форм пространственных падежей субстантивированных имен. Падежные признаки в таких наречиях свидетельствуют о том, что процесс изоляции падежных форм и перехода их в наречия происходил в языке раньше, чем описываемый процесс спаривания наречий.

III. Сложные наречия, образованные посредством сочетания отдельных имён в форме исходного падежа, например: *лулысь-сюлмысь* ‘усердно, от всего сердца’, *гижысь-пиньысь* ‘энергично, настойчиво’, *мылысь-кыдысь* ‘охотно, с желанием’, *нырысь-валысь* ‘первоначально’, *кытысь-марысь* ‘откуда’, *олокытысь-марысь* ‘откуда-то’ и др.

Люкаськемъёс *мылысь-кыдысь* вераськыны кутскизы кебит сярысь (Б. Вахр. Шкк., 320). ‘Собравшиеся **охотно** начали разговаривать о кузнице’.

Дышетсконъёс (учениос) ортчизы Челябинск улосысь Чебаркуль город дорын, но *нырысь-валысь* дивизия асьме шаерын кык азе интыяськыз – оглюкетэз Сарапул котыре, мукетыз Дэри ёросысь Шайтангуртэ (УД, № 026–027, 2008). ‘Учения прошли у города Чебаркуль Челябинской области, однако **первоначально** дивизия расположилась в нашей республике в двух местах: одна часть – в окрестностях Сарапула, другая – в деревне Шайтангурт Завьяловского района’.

Уг сётйськы даурам но, *кытысь-марысь*, – мыжыксэ юн кырма. – Кужым ке оз тырмы, пиньыным йырӧ. Вормо, погырто (М. Кон. Куöv., 87). ‘Никогда не соглашусь, **откуда**, – крепко сжимает кулаки. – Если силы не хватит, зубами грызть буду. Одолею, завало’.

Корка ёсэз усьтыкуз, Кириллэн пьд улаз *олокытысь-марысь*, съöd бугор кадъ питраса, мыжык быдӓа кучани потӓз (Г. Крас. Кмк., 17). ‘Когда открывал дверь дома, **откуда-то** в ногах Кирилла, прикатившись, словно черный клубок, появился щенок величиной с кулак’.

Тани со пьдес вылаз лэзиськыз, киоссэ нош ик Шунды шоры мычиз но *лулысь-сюлмысь* нӛжтӓз... (К. Кул. С., 248). ‘Вот он встал на колени, снова поднял руки к Солнцу и **от души** протянул...’.

Тодмо врачез эшелы визь тырем: армилэсь утемед потэ ке, пиналлэн тазалыкез борды *гижысь-пиньысь* басьтӓськоно вож нуны дыръяз ик (УД, № 083–084, 2008). ‘Знакомый врач моего друга учил его уму-разуму: если хочешь ребенка уберечь от армии, здоровьем ребенка серьезно (букв. ‘**настойчиво**’) нужно заняться уже с младенчества’.

Следует отметить, что синтаксический способ образования наречий путем парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в большинстве языков, в том числе и в удмуртском. В каждом отдельном языке приемы такого словообразования своеобразны, и формы парных наречий специфичны для каждого языка. Сходство между отдельными финно-угорскими языками в этом плане заключается в общности способа синтаксического оформления слов, переходящих в категорию наречий.

Компоненты парных наречий в каждом языке различны по своему характеру, грамматической природе и лексическому значению. Общим для всех языков является то, что при парном употреблении в функции обстоятельственных слов различных морфологических форм имени происходит их лексическое и грамматическое переосмысление.

В каждом отдельном языке парные наречия составляют значительные группы. В родственных языках они представляют собой самые разнообразные формы сочетаний, например:

венг. *egyес-egyediil* ‘один-одинешенек, одиноко’, *éjjen-éjjel* ‘ночью-ноченькой’, *véges-végig* ‘до самого конца’, *réges-régen* ‘давным-давно’, *sebbel-lobbal* ‘крайне спешно’, *szemtől-szembe* ‘лицом к лицу’, *unos-untig* ‘все время, надоедливо’, *ügyyel-bajjal* ‘с большим трудом’, *föl-alá* ‘вверх и вниз, туда-сюда’, *éhen-szomjan* ‘не пивши, не евши’, *éjjel-nappal* ‘днем и ночью’ и др. (примеры из [Балашша 1951: 171]).

мар. *шуко-шагал* ‘ни много, ни мало’, *таче-эрла* ‘не сегодня-завтра’, *уэш-пачаиш* ‘вновь и вновь’, *тышке-тушко* ‘туда-сюда’, *тыгат-тугат* ‘и так и сяк’, *тырын-терын* ‘вкривь и вкось’, *тышеч-тушеч* ‘то отсюда, то оттуда’, *кыдач-покчеш* ‘путанно, как попало’, *тореш-кутынь* ‘вдоль и поперек’, *пачаиш-пачаиш* ‘несколько раз подряд’ и др. (примеры из [СМЯ 1961: 284]).

к. *вежон-вежон* ‘крест-накрест’, *чукөрөн-чукөрөн* ‘гурьбой, толпой, рядами’, *этиша-эти* ‘совсем немного, чуть’, *унаысь-уна* ‘очень много’, *спути-спуть* ‘подробно’, *вежа-веж* ‘вперемешку, беспорядочно’, *тышкас-мышкас* ‘кое-как, бессвязно, как попало’, *сьёрсьён-бёрсьён* ‘гуськом, друг за другом’, *өтарлань-мөдарлань* ‘туда-сюда’, *лючкиа-бура* ‘благополучно’ и др. (примеры из [Федюнева 1995: 109]).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в сравниваемых языках, как и в удмуртском, в образовании парных наречий участвуют многие части речи. По своему морфологическому оформлению эти наречия разнообразны. В образовании большинства сложных наречий участвует грамматический элемент – морфологическая форма слова. Особенно часто используются при этом формы пространственных падежей.

2.1.2.2. Образование наречий через основослияния

Этот способ заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы разных частей речи, органически сливаясь, образуют новое слово с единым наречным значением.

Этим способом возникли наречия следующих типов:

1. Наречия, образованные посредством сочетания указательных местоимений *со* ‘то’ и *та* ‘этот, эта, это’ с послелогом *бере* ‘после; по; за, вслед за’. Сюда относятся два наречия: *собере* ‘затем, потом, после, впоследствии’ и *табере* ‘теперь, сейчас’.

Маке юаськод ке, шорад былък! учкыса пуке, собере гинэ пумитад вазе ини (Р. Вал. Уп., 55). ‘Если что-то спрашиваешь, смотрит на тебя вытаращенными глазами, только **потом** тебе отвечает’.

Собере, шодтэк шорысь žичьяськыса, небыт вераськыны шотаз (М. Кон. Куöv., 21). ‘**Потом**, неожиданно подхалимничая, начал мягко разговаривать’.

Собере Удмуртилэн палэназ мед улысал на со – ваньзэ куштыса, съобраз мынысал (УД, № 021, 2008). ‘Пусть бы он жил за пределами Удмуртии – бросив все, поехала бы за ним’.

Табере дышетскы но дышетскы гинэ вал, малпамтэ шорысь анаез асьсэ гуртэ ик выльысь бызиз (Иг. Гавр. Вп., 27–28). ‘**Теперь** бы ему учиться да учиться, неожиданно мать в свою же деревню снова вышла замуж’.

Табере жалаз: пинальёс йыгаськыку, капкаез усьтоно вылымтэ, пуны утэмез кылыса кошкысалзы (Г. Крас. Вью., 16). ‘**Теперь** пожалел: не надо было открывать ворота, когда дети стучались, услышав лай собаки, они бы ушли’.

Но преступник (табере со кык полэс преступник ни) кемалы уг пегзы, одно сюре (С. Самс. В., 154). ‘Но преступник (**теперь** он уже дважды преступник) надолго не убежит, все равно поймают’.

2. Наречия, образованные посредством сочетания числительного *ог* и местоимения *куд* (усеченных форм от числительного *одйг* ‘один’ и местоимения *кудйз* ‘который, которая, которое’) с отдельными существительными и послелогам, например: *огазе* ‘в одно место, воедино’ < *ог* + послелог *азе* ‘в, на, перед’; *огвадес* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вадес* ‘время, пора, момент, период’; *огвакыт* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вакыт* ‘время, пора, момент, период’; *огвалысь* ‘заодно; оптом, сразу’ < *ог* + послелог *валысь* ‘с’; *оггужем* ‘за лето; однажды летом’ < *ог* + *гужем* ‘лето; летний; летом’; *огдыр* ‘одновременно, в одно время’ < *ог* + *дыр* ‘время’; *куддыр* ‘иногда, порой, временами’ < *куд* + *дыр* ‘время’; *кудпалан* ‘где, в какой стороне, в каком направлении’ < *куд* + послелог *палан* ‘около, близ, на’; *кудмында* ‘сколько’ < *куд* + послелог *мында* ‘около, примерно, приблизительно’; *кудпалась* ‘откуда, с какой стороны’ < *куд* + послелог *палась* ‘с, со стороны’ и др.

Удмурт писательёслэн произведениосынызы **оградын** та книга сярысь тодосчи В. Л. Шибанов гожъяз «Литературная Россия» газетын «Лики и отражения» статьяяз (УД, № 104, 2008). ‘Наряду с другими произведениями удмуртских писателей, об этой книге писал ученый В. Л. Шибанов в статье «Лики и отражения» в газете «Литературная Россия»’.

Огазын ужсам ук, – Гондыр азе тыл кадь боевой, чирмыт пинал ни – Лазыр – пуксиз (М. Кон. Куёв., 82). ‘Вместе же работали – сел перед Гондыром боевой, словно огонь, шустрый молодой парень – Лазарь’.

Оло, командировкаме куштом меда, берло мынэме уз луы шат? – **огласянь** малпа... (М. Кон. Куёв., 76). ‘Может, командировку свою отложить, неужели не смогу поехать позже? – думает **отчасти**...’.

Нылпиосыныз ёиш пукыкуз, Микаль мытэм малпаськонзэ **огдырлы** вунэтиз (П. Черн. Мбзм., 130). ‘Сидя вместе со своими детьми, Михаил забыл **на время** свои раздумья’.

Усто кырзасьёс шоры гажаса учке, **куддыръя** вожъяське (Иг. Гавр. Вп., 151). ‘На хороших певцов смотрит с уважением, **иногда** завидует’.

«Кускыным чылкак уг луы ни, **Леким**. Мон но адыми ук», – пумаз вуэменыз, **куддыр** ёсожтиськыліз анаез (Н. Вас. Кта., 72). ‘«Из-за поясницы уже совсем не могу [работать], Яким. Я ведь тоже человек» – совсем обессилев, **иногда** жаловалась его мать’.

3. Наречия, образованные посредством сочетания пространственных и временных имен *выл* ‘поверхность’, *ул* ‘низ’, *азь* ‘перед, фасад’, *бер* ‘зад’, *сьёр* ‘место за пределами данного предмета (города, деревни и т. д.)’, местоименной основы *куд* ‘который’ и отдельных числительных, недифференцированных имен, обозначающих время *эсьит* ‘вечер; вечерний; вечером’, *чук* ‘утро; утренний’, *уй* ‘ночь; ночной’ с послелогоми *палась* ‘со стороны’, *палан* ‘около; близ; на’, *пала* ‘к; в сторону; на’, *ласянь* ‘в отношении; в направлении, от, со, с’, например: *уллапалась* ‘снизу, с нижней стороны’, *выллапалась* ‘сверху, с верхней стороны’, *берпалась* ‘с задней стороны’, *азьпалась* ‘спереди; впереди’, *кыкнапалась* ‘с двух сторон’, *кудпалась* ‘с которой стороны’, *нокудпалась* ‘ни с какой стороны’, *уллапалан* ‘внизу, в нижней стороне’, *берпалан* ‘позади, на задней стороне’, *азьпалан* ‘впереди, на передней стороне’, *кыкнапалан* ‘в обеих (в двух) сторонах’, *огпалан* ‘в одной стороне, на одной стороне’, *кудпалан* ‘где, в какой стороне, в каком направлении’, *нокудпалан* ‘нигде, ни в какой стороне’, *уллапала* ‘книзу, вниз; в нижнюю сторону’, *выллапала* ‘на верхнюю сторону, наверх, кверху’, *берпала* ‘назад; на заднюю сторону’, *сьёрпала* ‘назад; в сторону; в другую деревню (село)’, *кыкнапала* ‘в две (в обе)

стороны', *ньыльнапала* 'на четыре стороны', *кудпала* 'в какую сторону', *кыкналасянь* 'с обеих сторон, с двух сторон', *улласянь* 'снизу, с нижней стороны', *азьпалласянь* 'спереди, с передней стороны', *кудласянь* 'с какой стороны', *нокудласянь* 'ни с какой стороны', *сьёрласянь* 'сзади, с тыла; с тыльной стороны' и др.

Багоров Иван но Пупыд Конор сяна, улланалась но, вылланалась но дасолэсь данак лыктйллям (Иг. Гавр. Вп., 199). 'Кроме Багорова Ивана и Пупыд Конора, и с нижней, и с верхней части деревни пришло более десяти человек'.

Ожытак монэным соглаш луэмзэ вераз Пичи Пурга ёросысь В. Васильева. Но огпалась но куара уг кылйськы (УД, № 031, 2008). 'Частично со мной согласилась В. Васильева из Малопургинского района. Но **ниоткуда** не слышатся голоса'.

Азьпалан кӧс улвай тачыртэ (К. Митр. Сз., 58). '**Вперед** трещит сухая ветка'.

Парторг маке кылпум поттылйз вал: дояркаос пӧлын тазыы ик азьпалан мынйӧд ке, шуиз, мисьтаськон машина кузьмалом (Р. Вал. Уп., 48). 'Парторг что-то говорил было: если и дальше среди доярок будешь в передовиках (букв. '**вперед** пойдешь'), подарим стиральную машину'.

Азьпала мыныны уг ду ни, берлань но сюрес пытсамын: пал пӧд вылаз конгыса, Конор тӧрен шонаське, «кутэ, кутэ!» шуыса кесяське (Иг. Гавр. Вп., 246). '**Вперед** идти уже нельзя, и назад дороги нет: прыгая на одной ноге, Конор размахивает топором, «ловите, ловите!» кричит'.

Кудпала мыныны синмыз ик уг ни адӟы (М. Кон. Куӧв., 41). '**В какую сторону** идти, [его] глаза уже и не видят'.

Звонов бур синзэ тӧп кыниз но огпала гинэ учке на (М. Кон. Куӧв., 60). 'Звонов закрыл свой правый глаз и смотрит лишь **в одну сторону**'.

Тыметлэн кыкнапалаз вож арамаос но нӧлэсьёс кытйсько (Иг. Гавр. Вп., 298). '**По обеим сторонам** пруда тянутся зеленые рощи и леса'.

Мар тон, мар тон? – Кирилл султйз но, Семён вӧзы ик кариськыса, синъёсаз улласянь учкиз (Кенеш 2003, № 11–12, 11). 'Что ты, что ты? – Кирилл встал и приблизившись вплотную к Семену, исподлобья (букв. '**снизу**') посмотрел в его глаза'.

4. Наречия, образованные от местоименных наречий *кытын* 'где', *кытчы* 'куда', *кытысь* 'откуда', *кызьы* 'как', *ку* 'когда' в сочетании с частицей *ке*: *кытын ке* 'где-то', *кытчы ке* 'куда-то', *кытысь ке* 'откуда-то', *кызьы ке* 'как-то', *куке* 'когда-то'.

Атай кулытозяз монэ индылйз: «Лида, чакласа ул, Колялэн «Воргоронъёс берто» романэз потыны кулэ, кытын ке но сое одно ик

печатлалозы» (УД, № 024, 2008). ‘Отец до последних дней своей жизни говорил мне: «Лида, следы, должен выйти роман Коли «Мужчины возвращаются», его всё равно **где-то** напечатают»’.

Чиновникез исамес карыса, лэся, гондырьёс но та интыысь кытчы ке тодылымтэ-адзылымтэ шаеръёсы кошкиллям (К. Митр. Сз., 58). ‘Видимо, надсмехаясь над чиновником, медведи из этих мест ушли в **какие-то** невиданные края’.

Гуртын чалмыт, кытысь ке бусыысь гинэ трактор куара кылйське: кын улэ гырыны кутскиллям ини (Г. Крас. Ок., 39). ‘В деревне тихо, лишь **откуда-то** с поля доносится гул тракторов: осеннюю вспашку уже начали’.

Кызы ке но та писпу улын святой Трифон вöсяськылэ вал, дыр (К. Митр. Сз., 72). ‘Наверное, **как-то** под этим деревом молился святой Трифон’.

Трос пол верам вал ни, куке но вал кышно, табере мон мукетсэ басътйсько (М. Кон. Куöv., 65). ‘Много раз говорил уже, **когда-то** [ты мне] была женой, теперь я беру другую’.

2.1.2.3. Наречные выражения

В значении наречий употребляются иногда целые сочетания слов, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день, ежедневно’, *бöрсыйсь бöрсый* ‘друг за другом, последовательно’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно, с минуты на минуту’ и др. Их называют наречными выражениями. Каждое из этих выражений по смыслу равно одному слову: *витъымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *эсытлы быдэ* ‘ежевечерне, каждый вечер’, *удмурт сямен* ‘по-удмуртски’ и т. п.

По словам Б. А. Серебренникова, для пермских языков характерны два типа наречий, образовавшихся на базе словосочетаний: 1) наречия, возникшие из послеложных словосочетаний и 2) наречные сращения и фразеологизмы [Серебренников 1963: 350]. Мы не совсем согласны с мнением данного исследователя, который оперирует терминами наречные сращения и фразеологизмы. Приведенные им примеры (*уйшор уйин* ‘ночь в полночь’, *толон валлян* ‘позавчера’, *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно, с минуты на минуту’ и др.) никак не могут относиться к единствам и фразеологизмам, потому что под фразеологическим сращением мы понимаем «семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно несоотносительно со значениями его компонентов» [Шанский 1985: 94]. В данном случае речь идет о наречных выражениях, зачастую состоящих из повторения форм одного и того же существительного.

Таким образом, нами выделено две группы наречных выражений: 1) выражения, возникшие из послеложных сочетаний и 2) выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного.

Наречные выражения, возникшие из послеложных словосочетаний, например:

а) словосочетания с послелогом *шорысь*: *витьымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *малпамтэ шорысь* ‘неожиданно’, *возьмамтэ шорысь* ‘неожиданно’, *шөдымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *шөдтэк шорысь* ‘неожиданно’, *токма шорысь* ‘ни с того ни с сего; неожиданно’, *габылда шорысь* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’, *юнме шорысь* ‘зря, напрасно’, *вितёнтэм шорысь* ‘неожиданно’.

Шулдыр серекъяса вераськемзы бере, Спиридон Васильевич витьымтэ шорысь малпаськись тусо луиз (Иг. Гавр. Вп., 26). ‘После душевного (букв. ‘сквозь смех’) разговора, Спиридон Васильевич **неожиданно** стал задумчивым’.

Малпамтэ шорысь одйг городысь вуизы чыжы-выжыосыз, нылокез доразы басьтйзы (УД, № 020, 2008). ‘**Неожиданно** из одного города приехали [ее] родственники, забрали девочку к себе’.

Заседание ортчытон интые возьмамтэ шорысь бегешевьёслэн палачъёссы пыризы (Ив. Дяд. Бк., 61). ‘Вместо проведения заседания, **неожиданно** зашли бегешевские палачи’.

Шөдымтэ шорысь омырез паровозлэн кеськем куараез зуркатйз (Г. Мед. Вд., 109). ‘**Неожиданно** воздух потряс звук паровозного гудка’.

Шөдтэк шорысь йёсшитэм куара кылйськыз (Иг. Гавр. Шп., 210). ‘**Неожиданно** послышался стон’.

Йырыз но бадзым, токма шорысь «мушко йыр» өз шуэ, вылды (К. Митр. Сз., 12). ‘И голова у него большая, **не зря**, наверное, «тугодумом» прозвали’.

Габылда шорысь өс усьтйськыз (К. Митр. Сз., 51). ‘**Неожиданно** дверь распахнулась’.

Малы бен юнме шорысь керасин быдтыса пукод, малпасько (Р. Вал. Уп., 49). ‘Думаю, зачем же сидеть, **понапрасну** сжигая керосин’.

Со виын Габи Вая витьёнтэм шорысь кымысаз клач! чабкыз (Г. Пер. Нз., 114). ‘В это время Габи Вая **неожиданно** стукнул себя по лбу’.

б) словосочетания с послелогом *быдэ*: *йёситлы быдэ* ‘ежевечерне, каждый вечер’, *чүкналы быдэ* ‘каждое утро’, *нуналлы быдэ* ‘ежедневно, каждый день’, *арлы быдэ* ‘ежегодно, каждый год’, *минутлы быдэ* ‘ежеминутно, каждую минуту’, *толэзьлы быдэ* ‘ежемесячно, каждый месяц’, *арнялы быдэ* ‘еженедельно, каждую неделю’, *нунал быдэ* ‘ежедневно, каждый день’.

Спиридон монэ арнялы кык пол дышетыны кулэ вал, нош со **жытылы быдэ** ветлыны одъяз (Иг. Гавр. Вп., 34–35). ‘Спиридон должен был учить меня два раза в неделю, а он начал приходить каждый вечер (**ежевечерне**)’.

Катя **чүкналы быдэ** емышъёс вылэ ву киськаз, уриськыліз, базаре ветлыліз (Иг. Гавр. Вп., 35). ‘Катя **каждое утро** поливала овощи, попола, на базар ходила’.

Катя **нуналлы быдэ** городэти калгыліз, станцие ветлыліз, садын кема пукыліз, нош Васяз нокытысь уг адъы (Иг. Гавр. Вп., 35). ‘Катя **каждый день** бродила по городу, ходила на станцию, долго сидела в саду, но Васю нигде не увидела’.

Лепуш сюрс манетьёсын бергатъяз, Ондрей нош **арлы быдэ** дас сюрс пудэн ю-нянь вузалляз (М. Кельд. Б., 70). ‘Лепуш тысячами рублей крутил, а Андрей **каждый год** десятки тысяч пудов хлеба продавал’.

Пилем пул люкаське, **минутлы быдэ** будыса кошке (М. Кон. Л., 136). ‘Распиленные доски накапливаются, [их количество] **ежеминутно** растут’.

Тйни озьы, **арнялы быдэ** оло жсыны мешокэ вузаса бертылэ вал (Г. Крас. Ок., 37). ‘Вот так, продавая **еженедельно** около половины мешка [картошки], она возвращалась домой’.

Районной газетэ со сярись **толзэлы быдэ** сямен гожъяло, правление но сое бырийллям (Г. Крас. Кмк., 9). ‘В районной газете о нем пишут **ежемесячно**, и в правление его выбрали’.

Ми крахмал кисаль пöзтыны **нунал быдэ** ведра ёрос картофка вуштылімы (П. Позд. Уск., 154). ‘Чтобы сварить кисель из крахмала, мы **ежедневно** натирали около ведра картошки’.

в) словосочетания с послелогом **сямен**: *жуч сямен* ‘по-русски’, *удмурт сямен* ‘по-удмуртски’, *кузё сямен* ‘по-хозяйски’, *асьме сямен* ‘по-нашему’, *ми сямен* ‘по-нашему’, *мукет сямен* ‘по-другому’, *калык сямен* ‘по-людски’, *адями сямен* ‘по-человечески’, *батыръёс сямен* ‘по-богатырски’ и др.

Кирла ос кусып вамен паськыт вামыштыса пыриз, укно дорысь буш пуконэз адъыса, пырак отчы мынйіз, нокинлэсь кепыр-мар вайытэк, **кузё сямен** лань-лань пуксиз (Г. Крас. Кмк., 20). ‘Кирилл вошел, широко перешагнув через порог двери, увидев свободный стул у окна,прямяком пошел туда, никого не стесняясь, **по-хозяйски** сел’.

Йырзэ мыкыръяса, «дьякую, дьякую» шуэ: **асьме сямен** «тау» шуэм, **значит** (Г. Крас. Ок., 35). ‘Головой кивая, «дьякую, дьякую» говорит: **по-нашему** это значит «спасибо»’.

Сокем шаерысь ми пöлы улыны лыктüд бере, **ми сямен** вераськыны дышетскы ни тон (Г. Крас. Ок., 35). ‘Раз ты приехала к нам жить из такой далекой страны, научись уже говорить **по-нашему**’.

Онтонэзлы гожтэм: *вождэ эн вай лушкемен кошкемелы, **мукет сямен** мынам лэсьтэме öз дуы* (Г. Крас. Ок., 39). ‘Антону она написала: не сердись, что уехала тайком, **по-другому** сделать я не могла’.

Одйг пизэ солэн «калык сямен» кышноямез-паръямез потэ вал: ёськ выл тыр сиён-юонэд мед дуоз, со ёськ съöрын кудоез-туклячиез мед пукозы (Р. Вал. Уп., 53). ‘Единственного сына она хотела поженить **«по-человечески»**: чтобы стол ломился от угощений, за этим столом чтобы сидели сваты и сватьи’.

*Вот-вот, **адями сямен** улоно ни* (С. Самс. Мвс., 62). ‘Вот-вот, **по-человечески** уже нужно жить’.

*Асьме воиньёс **батырьёс сямен** жугиськызы* (Н. Вас. Кта., 87). ‘Наши воины дрались **по-богатырски**’.

Жуч сямен гожъяны мон уг быгатйськы, нош удмурт сямен ке... кинлы со кулэ? (Иг. Гавр. Вп., 701). ‘**По-русски** писать я не умею, а если **по-удмуртски**... кому это нужно?’.

Наречные выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’, *бöрсыйсь бöрсый* ‘друг за другом’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно, с минуты на минуту’, *вылысьтыз вылаз* ‘друг за другом’, *дырыз дыръя* ‘вовремя’, *арысь аре* ‘из года в год’ и др.

*Артельэн коньдонэз-кужмыз **нуналысь нуналэ** будыса кошке* (М. Кон. Л., 130). ‘Мощь артеля растёт **изо дня в день**’.

*Ез кенер пасетй **бöрсыйсь бöрсый** гыжтйськыса потйзы разведчикъёс* (М. Петр. Вк., 154). ‘Разведчики, волочась **друг за другом** по земле, пролезли через отверстие в колючей проволоке’.

*Со **минутысь минутэ** возьмаса улйз: тани жезы борды йыгаськозы* (Иг. Гавр. Вп., 412). ‘Он ждал каждую минуту (букв. ‘**из минуты в минуту**’): вот-вот постучат в ворота’.

*Снарядёслэн но минаослэн **вылысьтыз вылаз** пуштылэмзы дугдылытэк огъя дыбыртйсь гудырилы пöрмиз* (С. Ших. Огыб., 271). ‘Гул взрывающихся **друг за другом** снарядов и мин превратился в один бесперебойный грохочущий звук грома’.

*Отын пыран-потан öс тупатэмын вылэм, пиос сое **дырыз дыръя** синйылтйллямтэ* (Удмурт литература, 136). ‘Там дверь сделана была, оказывается, мальчики ее **вовремя** не подметили’.

*Будэмяз со **арысь аре** паймымон чебераз* (Удмурт литература, 75). ‘Взрослея, она из **года в год** становилась удивительно красивой’.

2.1.3. Морфолого-синтаксический способ образования наречий

2.1.3.1. Адвербиализация

Адвербиализация (от лат. *adverbium* – наречие) – переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи. Сущность процесса адвербиализации состоит в том, что некоторые формы существительных выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая ее грамматические признаки, и приобретают грамматическое значение наречия. Обычно адвербиализации подвергаются формы местных падежей.

При переходе в класс наречий формы падежей утрачивают и синтаксические свойства бывшей части речи – способность сочетаться с прилагательным или управлять другими словами [Русский язык 1997: 15].

В пермском языкознании проблеме функциональной транспозиции наречий посвящены работы коми лингвистов Г. В. Федюновой [1995а: 401–404; 1995б: 99–122; 1996: 30–35] и Г. А. Некрасовой [1997: 3–36], некоторые сведения содержатся в монографии А. П. Юдакина [1997], исследовавшего данный вопрос с позиций сравнительно-исторического языкознания и диахронической типологии.

В удмуртском языке адвербиализация является одним из продуктивных способов пополнения состава наречий.

Путь изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи является продуктивным для качественных наречий. Большинство наречий, образованных этим путем, составляют изолированные падежные формы имен.

В удмуртском языке адвербиализируются некоторые объектные и все без исключения внутри- и внешнеместные падежные формы, зачастую образуя своеобразные парадигмы наречий в форме всех местных падежей.

2.1.3.1.1. Инструменталь

Творительный падеж – распространенная форма для адвербиализации, например: *пыдын* ‘пешком’ < *пыд* ‘нога’, *киын* ‘руками; вручную’, *мышкин* ‘спиной; задом’ < *мыш*, *мышк* – ‘зад, обратная (тыльная) сторона; тыл; спина’, *уйин* ‘ночью’ < *уй* ‘ночь’, *урдсйн* ‘боком’ < *урд*, *урдэс* ‘бок, боковая сторона’, *чукин* ‘боком’, *йырчукин* ‘вниз головой’, *кьмин* ‘лицом вниз’, *чурин* ‘полосой’, *мыддорин* ‘наоборот’, *йырин-петрин* ‘кубарем’, *вожмин* ‘поочередно’ и др.

Песянае, ньылетій классэ ветліісь пизэ (мынэсьтым Иван атайме) кутыса, пызен но картошкаен тырмытэм пичи уробое кыткиськем

но **пыдын** *вамыштэм Иже* (УД, № 138–139, 2008). ‘Моя бабушка, забрав своего сына (моего отца Ивана), учившегося в четвертом классе, запряглась в маленькую тележку, наполненную мукой и картошкой, и **пешком** отправилась в Ижевск’.

Ах, тон, нош өз сётэ? – Мишалы мышкин берытскиз Катя (С. Самс. В., 154). ‘Ах, ты, опять не дали? – Катя повернулась **спиной** к Мише’.

Кескич тушмон, пеймыт уйин кар борддорез лушкемак юрсирен зырам но куж люкъясты борддор борды тырыса тыл понэм – гомзиз ук ваикала кар борддор! (УД, № 109, 2008). ‘Хитер враг, темной **ночью** тайком обмазал смолой городскую стену и, прилепив паклю к стене, поджег – вспыхнула старая городская стена!’.

Бöрысь, урдсйин шуак тэтчыкуз канжаськиз но усиз (Уль. Бадр. Млч., 54). ‘Потом, неожиданно прыгнув в сторону (букв. ‘**в бок**’), запнулся и упал’.

Ваньмыз ик йырчукин кымаське, ваньмыз ик ки улысь вольтче (Удмурт литература, 181). ‘Все переворачивается **вверх ногами**, все уходит из-под рук’.

Соин ик угось колхозэз мыддорин берыктоно, Васязез мекалтоно шуыса мон кемалась верасько ини, – Чипы Осьып Пудлэсь верамзэ йсыныё кариз (Г. Мед. Яр., 86). ‘Поэтому и нужно колхоз в другую сторону (букв. ‘**наоборот**’) повернуть, а что Васю нужно убрать, я уже давно говорю, – Чипы Осьып прервал речь Пуда’.

Пиосмуртлэн кадъ проворесь чиньяосыз вожмин выро: амалыз ке луысал, али ик кырмиськысал та адымилэн гульымаз (Н. Бел. П., 277). ‘Проворные словно у мужчины пальцы **поочередно** шевелятся: была бы возможность, сейчас же вцепился бы в глотку этого человека’.

Со нырысь сюрес шорын ик кымин усъыса кылле вал (С. Ших. Огыб., 275). ‘Он вначале лежал посреди дороги, упав лицом вниз’.

Геры, бороздаысь потыса, чукин усемын (М. Петр. Вп., 144). ‘Плуг, соскочив с борозды, лежит **на боку**’.

2.1.3.1.2. Датив

Формы дательного падежа наблюдаются в следующих наречиях: *кемалы* ‘надолго’, *часталы* ‘ненадолго’, *воксёлы* ‘навсегда’, *данаклы* ‘намного’, *берлолы* ‘на потом; напоследок’, *уйбытлы* ‘на всю ночь’, *огдырлы* ‘на время, временно’, *трослы* ‘намного’, *гужемлы* ‘на все лето’, *кемалы* ‘надолго’, *пыраклы* ‘навсегда’, *котькулы* ‘навсегда’, *огдырлы* ‘на время’.

Уж кемалы дугдоз (М. Кон. Куöv., 21). ‘Работа **надолго** задержится’.

*Адымилэсь тушмонъяськемзэ тодэмед потэ ке, соин ёош учкелэ шайтан пиялае. Со тйледлы урод лэсьтыны медэ ке, кылдэм вужераз **часталы** урод тус пычалоз* (УД, № 022–023, 2008). ‘Если хочется узнать о недоброжелательности человека, посмотрите вместе с ним в чертово зеркало. Если он тебе желает плохого, на возникшем отражении **на некоторое время** появится плохой образ’.

*Шудэзлы оскемысь дугдэм кышномурт али воксё бурдяськемын, сямыз но **трослы** лякытгес луэм, шуо сое адзылэмъёс* (УД, № 021, 2008). ‘Женщина, переставшая верить в свое счастье, сейчас вообще воодушевилась, и характер стал **намного** лучше, говорят выдавшие ее’.

*Тон **огдырлы**, **ясамдэлы** татчы вуэмын* (Удмурт литература, 65). ‘Ты сюда **на время, ненадолго** прибыл’.

***Огвакытлы** пась пытсаськыз, воргорон гуэ лэзькыз* (Удмурт литература, 136). ‘**На некоторое время** яма закрылась, мужчина опустился в яму’.

*Ай өвёл, мылкыды но мынам та рад дась – **гужемлы** бертйсько мон дорам!* (Вуюись, 16). ‘Ах нет, и настроение у меня на этот раз хорошее – **на лето** возвращаюсь домой!’.

2.1.3.1.3. Инессив

Значение местного падежа хорошо сохраняется в производных наречиях, подавляющая часть их – наречия места. Они образованы от основ существительных и местоимений: *азьын* ‘впереди’, *пушкын* ‘внутри’, *улын* ‘внизу’, *вылын* ‘наверху, вверху’, *палэнын* ‘в стороне, поодаль’, *паллянын* ‘на левой стороне’, *шорын* ‘в середине’, *матын* ‘близко, вблизи’, *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *кыдёкын* ‘далеко’, *пыдлон* ‘глубоко’, *вылйын* ‘наверху’, *олокытын* ‘где-то’, *котырын* ‘кругом’, *нокытын* ‘нигде’, *котькытын* ‘везде’, *огазын* ‘вместе’, *уланьнын* ‘внизу’, *вылланьнын* ‘вверху’, *берланьнын* ‘сзади’, *азьланьнын* ‘впереди’, *уллапалан* ‘внизу’, *выллапалан* ‘вверху’, *берлапалан* ‘взади’, *азьлапалан* ‘впереди’, *педпалан* ‘снаружи’, *кудпалан* ‘в какой стороне’, *нокудпалан* ‘ни в какой стороне’, *берпалан* ‘взади’, *бурпалан* ‘на правой стороне’, *азьпалан* ‘впереди’.

***Азьын** – сикын будйсь лулпу-бадьпуос* (Г. Мед. Яр., 92–93). ‘**Впереди** – в лесу растущие ольхи и ивы’.

*Укноетй занавеска пыр чильпырась югыт азьын адске: **отын** шалшал номыриз өвёл* (С. Самс. В., 165). ‘Через просвечивающую занавеску на окне на свету видно: **там** пусто’.

*Бертэмез бере, сое, **палэнын** сокема улйз шуыса, лэся, быдэс гуртэти, коркась корка пыртаса нулйзы.* (П. Черн. Мёзм., 133).

‘После того, как он вернулся, его, из-за того, видимо, что так долго жил **на стороне**, водили из дома в дом’.

Тырмоз ини тйледлы татын молитвадэс лыдзъыса сылыны! – Вотяков Иван, пычал прикладэныз шуккыса, соосты берыктйз (Ив. Дяд. Бк., 62). ‘Довольно уже вам **здесь** стоять, читая молитвы! – повернул их Иван Вотяков, ударив прикладом ружья’.

Кытын ке матын гинэ адыми куараос кылйськызы, собере, уй чалмытэз гудырак сэзъялтыса, нош ик кужмо мотор улзиз. (Г. Пер. Нз., 118). ‘Где-то совсем **рядом** слышались голоса людей, потом, нарушив тишину, снова громко завелся мотор’.

Кыдэкин ке но, матын кадь кылйське юрттэм пурьыс куреглэн-кыкылэн эйожмыт силемез: «ку-ку! ку-ку!» (В. Шир. Лс., 350). ‘Хоть и **далеко**, как будто **близко** слышится грустное кукование бездомной серой кукушки: «ку-ку! ку-ку!»’.

Соин ик чакламын вал кытын ке пыдлон выль завод лэсьтыны (УД, № 025, 2008). ‘Поэтому и решено было построить новый завод где-то в глубинке (букв. **внутри**)’.

Вылйын эйыт пал инбамын чебер ворекъяса уло кык яркыт эйуса кизилиос (Ев. Самс. Арк., 293). ‘**Вверху**, в западной стороне неба, красиво сверкают две ярко горящие звезды’.

2.1.3.1.4. Элатив

Форма исходного падежа активно используется для образования наречий с местным значением: *улысь* ‘снизу’, *вылысь* ‘сверху’, *урдсысь* ‘сбоку’, *артысь* ‘рядом’, *татысь* ‘отсюда’, *отысь* ‘оттуда’, *вылысь* ‘заново; снова’, *пушкысь* ‘изнутри’, *мышкысь* ‘сзади’, *огкылысь* ‘дружно; сообща’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’, *кужмысь* ‘насильно’, *пыдлось* ‘изнутри’, *огпумысь* ‘сразу, разом, заодно’, *улысь* ‘снизу’, *вылйысь* ‘сверху’, *отйысь* ‘оттуда’, *кытйысь* ‘откуда’, *коткытысь* ‘хоть откуда’, *кыдэкысь* ‘издалека’, *олокытысь* ‘откуда-то’, *нокытысь* ‘ниоткуда’, *ненокытысь* ‘ниоткуда’, *коткытысь* ‘хоть откуда’, *выльысь* ‘снова’, *уланьысь* ‘снизу’, *вылланьысь* ‘сверху’, *азьланьысь* ‘спереди’, *палэнысь* ‘со стороны’, *уллапалась* ‘снизу’, *выллапалась* ‘сверху’, *берлапалась* ‘сзади’, *азьлапалась* ‘спереди’, *педпалась* ‘снаружи’, *кудпалась* ‘с какой стороны’, *нокудпалась* ‘ни с какой стороны’, *берпалась* ‘сзади’, *бурпалась* ‘справа’, *азьпалась* ‘спереди’.

Кошкы татысь, дун но, нянь но ужамедлы уг сёты!.. – Герей, мыжыксэ кырмыса, Педор доры лыктэ (М. Кон. Л., 123). ‘Уйди прочь (букв. **отсюда**), ни денег, ни хлеба за свою работу не получишь!.. – сжав кулаки, Герей идет к Федору’.

Мур ошмес дорысь пичи возь арысь аре тырттэм кыллиз, ноку но ййназ турын өм эсутылэ отысь (М. Петр. Ш., 173). ‘Маленький луг у глубокого родника из года в год оставался пустым, никогда там (букв. ‘оттуда’) не собирали много сена’.

Чечегов но огдырлы дугдйз вераськемысь, нош собере дыбыртыны кутскиз уката но сюлмысь. (А. Увар. ПМкм., 337). ‘Чечегов на время прервал разговор, но после начал говорить еще **сердечнее**’.

Сокем ик өз витъы кадъ солзэс кылзэ Лавров, выльысь ачиз кутскиз (С. Самс. В., 143). ‘Лавров очень-то и не ждал его ответа, **снова** сам начал [говорить]’.

Сюлмысьтыз мае ке куужмысь ишкалтэм кадъ келяз, мышсэ кема учкыса сьлйз укноетй (С. Самс. В., 127). ‘Провожала [она], будто что-то **силой** вырвала из своего сердца, долго в окно смотрела вслед’.

Микол пьдлось шокчыса лулзиз, пересь синъёсысьтыз синкылиез бычыраз (М. Кон. Л., 122). ‘Николай тяжело (букв. ‘**изнутри**’) вздохнул, из его старых глаз покатались слезы’.

Нырысь ог-огзы шоры пумтэм шумпотйсь синъёсын учкозы-а яке огпумысь зыгырскозы но озыы пал кыл вератэк сьлозы, собере гинэ капчи шокчозы, мынектозы но, кизэс кутыса, сюлэм тыр люкаськем веранъёс-сэс мадьыны ульчае потозы... (М. Вор. Тв., 189). ‘Вначале посмотрят друг на друга бесконечно радостными глазами или **сразу** обнимутся и так постоят, не говоря ни слова, только потом легко вздохнут, улыбнутся и, взявшись за руки, выйдут на улицу рассказать, что накопилось в сердце...’.

Примечателен тот факт, в коми языке с помощью элативного суффикса от числительных образованы наречия типа *кыкысь* ‘два раза’, *витысь* ‘пять раз’, *дасысь* ‘десять раз’ и т. д. (см. подробнее об этом: [Fuchs 1913: 6–22]).

2.1.3.1.5. Иллатив

Форма вступительного (входного) падежа используется для образования наречий с местным значением: *вылэ* ‘наверх’, *улэ* ‘вниз’, *валче* ‘вместе’, *кыдёке* ‘далеко’, *палэнэ* ‘в сторону’, *пыдло* ‘вглубь; глубоко’, *артэ* ‘рядом’, *татчы* ‘сюда’, *отчы* ‘туда’, *олокытчы* ‘куда-то’, *нокытчы* ‘никуда’, *ненокытчы* ‘никуда’, *котькытчы* ‘хоть куда’, *улие* ‘вниз’, *вылие* ‘вверх’, *отйе* ‘туда’, *уллапала* ‘вниз’, *выллапала* ‘вверх’, *берлапала* ‘назад’, *азьлапала* ‘вперед’, *педпала* ‘наружу’, *кудпала* ‘в какую сторону’, *нокудпала* ‘ни в какую сторону’, *берпала* ‘назад’, *бурпала* ‘направо’, *азьпала* ‘вперед’.

Вылэ учке, чагыр инлэсь пыдэссэ адёо кожа, лэся (М. Петр. Вп., 145). ‘**Вверх** смотрит, видимо, думает, что увидит дно голубого неба’.

Мар ке сюлэмшуген, чынзэ пьидло пушказ кыскыса, ныртүз бугыр поттэ (М. Петр. Вп., 149). ‘С какам-то беспокойством, втянув глубоко в себя (букв. ‘внутри’) табачный дым, выпускает его клубами через нос’.

Разведчиктэс вырйыл сьорысь пичи шур дуре вуизы ни, немец нош ялан блиндаж вадьсын сьлэ на: палэнэ вамыштыны уг дйсьты со, сюлмыз маке шодэ кадь; мыштүз лыктыса, гульымтүз кырмозы яке бышкалтозы кадь потэ солы (М. Петр. Вк., 155). ‘Разведчики уже добрались до маленькой речки за холмом, а немец все еще стоит рядом с блиндажом: он не решается отойти **в сторону**, как-будто сердце что-то чует; ему кажется, будто подойдут сзади, схватят за горло или воткнут нож’.

Деми шодонтэм понна, солы, кьидёке котыр лэсьтыса, бадзым сюрестй кошконо луиз (Удмурт литература, 119). ‘Чтобы Демьян не почувствовал, ей пришлось уйти по большой дороге окольными путями (букв. ‘далеко сделав круг’)’.

Лариса эшез доры пырыса гинэ вуттүз но, солэн аяз, чиясь ботинкаосэ валче шарк шуккыса, военной аядми «на смирно» султүз (Удмурт литература, 76). ‘Только успела Лариса зайти к подружке, перед ней, ударив сверкающими ботинками [**вместе**], «на смирно» встал военный человек’.

Лэзиське улие, мон сьоры уиське, шобьыртыны турттэ мугорме (Вуюсь, 14). ‘Спускается **вниз**, гонится за мной, хочет накрыть мое тело’.

2.1.3.1.6. Аппроксиматив

Форма направительного падежа используется для образования наречий со значением направления: *азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’, *выллань* ‘вверх, наверх’, *уллань* ‘вниз’, *талань* ‘в этом направлении, в эту сторону’, *солань* ‘в том направлении, в ту сторону’, *мыдлань* ‘наоборот’, *сьорлань* ‘в обратную сторону, назад’, *йыруллань* ‘вниз головой’, *олань-талань* ‘туда-сюда’, *солань-талань* ‘туда-сюда’, *кудлань* ‘в какую сторону’, *нокудлань* ‘ни в какую сторону’, *котькудлань* ‘в любую сторону’, *йыруллань* ‘вниз головой’, *олань* ‘в ту сторону’, *солань* ‘в ту сторону’, *азьлань-берлань* ‘взад-вперед’, *бурлань* ‘направо’, *мукетлань* ‘в другую сторону’.

Ма соослэн син шоразы учкыса улуд, зйбломьытоно но тйни, – Вотяков Иван гын шляпазэ ик сьорлань донгыса вера (Ив. Дяд. Бк., 61). ‘Что им в глаза смотреть, усмирить и все’ – отодвинув **назад** свою войлочную шляпу, говорит Иван Вотяков.

Адзи, кызы пумитаз тонэ Саноед, **берлань** тэтчыны ой ке вуысал, тонэ ки йылам пыртоно луысал ни (М. Вор. Тв., 204). ‘Я видел, как встретил тебя твой Саша, если бы не успела отпрыгнуть **назад**, на руках бы тебя пришлось заносить’.

Всеволодыч шодтэк шорысь дугдюз но, Сеняз сак луыны косыса, кизэ **вылланы** жсутиз (Иг. Гавр. Й., 221). ‘Всеволодыч неожиданно остановился и, попросив Сене быть внимательным, поднял руку **вверх**’.

Ог жыны километр орчыса, вырйыл сьорысь чын адзиськыны кутскиз. Инбамез возьям пилемьёс сое музейем вылэ **улланы** зйбо (С. Ших. М., 255). ‘Через полкилометра из-за возвышенности стал виднеться дым. Заслонившие небо тучи сжимают его **вниз** к земле’.

Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – шуыса, могасть Ондреез **азьланы** чортыса нуизы (Ал. Мир. Гд., 55). ‘Сказав «Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять», – повели **вперед** остановившегося Андрея’.

Мон, оло, йыромисько, Эдгар Яковлевич, **мыдланы** верасько? (В. Смир. В., 342). ‘Я, может быть, заблуждаюсь, Эдгар Яковлевич, **неверно** говорю?’.

Пыд улаз музейем, ву вылын пыж сямен, **соланы-таланы** выре, нош лопаткаен сюез сэрпалтэ ке, пельдйиняз кин ке мыжге кадь (Иг. Гавр. Й., 223). ‘Земля под ногами качается из стороны в сторону (букв. ‘**туда-сюда**’), словно лодка на воде, а когда [он] землю лопатой бросает, будто кто-то по виску ударяет’.

Нуналлы быдэ куать иськемез **мыдланы-азьланы** лёганы капчи-а? (Иг. Гавр. Й., 227). ‘Легко ли каждый день шагать **туда-обратно** шесть километров?’.

2.1.3.1.7. Эгрессив

Наречия сохраняют основное значение падежной формы – значение отдалительности: *улысен* ‘снизу’, *вылысен* ‘сверху’, *шорысен* ‘с середины’, *татысен* ‘отсюда, с этого места’, *отысен* ‘оттуда, с того места’, *сьорысен* ‘из-за’, *пушкысен* ‘из, изнутри’, *мышкысен* ‘сзади, с тыла’, *палэнысен* ‘со стороны, извне’, *матысен* ‘с близкого расстояния’, *кыдэкысен* ‘издалека’, *педлапаласен* ‘снаружи’, *уллапаласен* ‘снизу’, *выллапаласен* ‘сверху’, *берлапаласен* ‘сзади’, *азьлапаласен* ‘спереди’, *педпаласен* ‘снаружи’, *кудпаласен* ‘с какой стороны’, *нокудпаласен* ‘ни с какой стороны’, *берпаласен* ‘сзади’, *бурпаласен* ‘справа’, *азьпаласен* ‘спереди’, *педлосен* ‘со двора’, *улыисен* ‘снизу’, *вылыисен* ‘сверху’, *отыисен* ‘оттуда’, *кытыисен* ‘откуда’, *котыкытыисен* ‘хоть откуда’,

урдэскысен ‘сбоку’, кытысен ‘откуда’, олокытысен ‘откуда-то’, нокытысен ‘ниоткуда’, ненокытысен ‘ниоткуда’, котькытысен ‘хоть откуда’, улланьысен ‘снизу’, вылланьысен ‘сверху’.

Вылысен гинэ учкиськод таре: нош туннэ кудзэ бырьёно паре? (Вуюись, 9). ‘Теперь только **свысока** смотришь: а сегодня которую вы брать себе в пару?’.

Вуко съорысь гурт **татысен** быдэсак адзиське, сопал пумысьтыз коркаос гинэ нёжалэ ышо (М. Петр. Вк., 159). ‘Расположенная за мельницей деревня отсюда **полностью** видна, лишь дома, стоящие на том конце, скрываются в низине’.

Пырем муртлэсь ваземзэ возматэк, со **кыдёкысен** кизэ мыче ини (Т. Арх. Опп., 185). ‘Не ожидая приветствия вошедшего человека, он уже **издалека** протягивает руку’.

Солы кеськем интые, син кустетй уробо улаз сач! выдйз: **палэнысен** уго шуг валаны, кутскоз но со кызэд татчы но усёз (М. Вор. Тв., 207). ‘Вместо того, чтобы крикнуть ей, он стремительно лег под телегу: **со стороны** же трудно понять, возьмет да и сюда свалится эта ель’.

Умой вылымтэ духовой музыкаез **матысен** кылзыны: трубаослэн кужмо куаразы, барабанлэн дыбыртэмез, туй табаослэн резак жингырамзы пелез ик вандо (Иг. Гавр. Вп., 50). ‘Нехорошо, оказывается, слушать духовую музыку **на близком расстоянии**: громкий звук труб, стук барабанов, резкий звон лагунных тарелок режет уши’.

Озыы ик луиз: **вылйысен** чашийзы – райисполкомлэн председателез пыр Егоровлэн начальникезлы, нош таиз – факт! – аслыз Пашалы йёттйз (С. Самс. В., 168). ‘Так и случилось: **сверху** передали – через председателя райисполкома начальнику Егорова, а этот – факт! – назвал самого Егорова’.

Рига вокзал дорысь базаре дунъёсыз учкыны мынйзы вал – **отысен** удмурт кенакъёсыз концерт сётыны куризы (УД, № 021, 2008). ‘Пошли смотреть цены на рынке у Рижского вокзала – там (букв. ‘**оттуда**’) удмуртских женщин попросили дать концерт’.

2.1.3.1.8. Пролатив

Как и наречия, образованные от форм других местных падежей, пролативные наречия имеют местное значение с сохранением основного падежного значения – переходности: *вылэти* ‘поверху, высоко’, *улэти* ‘понизу, низко’, *тати* ‘здесь, по этому месту’, *оти* ‘там, по тому месту’, *палэнэти* ‘стороной’, *матэти* ‘близко, на близком расстоянии’, *пушкыти* ‘по внутренней стороне’, *урдсэти* ‘стороной’, *ули* ‘низко’, *выли* ‘высоко’, *улиетий* ‘понизу’, *вылиетий* ‘поверху’, *кыдёкетий*

‘далеко’, *уланетий* ‘понизу’, *педлапалтий* ‘снаружи’, *уллапалтий* ‘понизу’, *выллапалтий* ‘поверху’, *педпалтий* ‘снаружи’, *кудпалтий* ‘с какой стороны’, *бурпалтий* ‘с правой стороны’, *азьпалтий* ‘спереди’, *ултий* ‘понизу’, *вылтий* ‘поверху’, *кытий* ‘где’, *олокытий* ‘где-то’, *нокытий* ‘нигде’, *ненокытий* ‘нигде’, *котькытий* ‘везде’.

Мон но тонэн чойс чужмуртъясыд доры мынысал, пие, нош ма карод, етйн сэстонмес быдтоно, отий соослы салам вера ни, празднике одно ик асьсэос мед лыктозы (М. Вор. Тв., 195). ‘И я бы с тобой к твоим родственникам поехала, сынок, но что поделаешь, надо закончить трепать лен, **там** им привет передавай, пусть обязательно приедут на праздник’.

Вылэтий лоба, иське? (М. Лям. Б., 183). ‘**Высоко** летает, значит?’.

Со олокытий-мартий бакчае потйз, шур уллане бызьыса кошкыз: татий Санолэн коркаез доры сюрес матын (М. Вор. Тв., 203). ‘Она **неизвестно как** вышла в огород, быстро спустилась вниз по реке: **здесь** дорога к дому Саши короча’.

Самолётъяс берпумзэ выж доры лэзиськыку, со тыбыр вылаз берытскыз но улийетий ортчись самолет шоры винтовкаеныз мертаськыны кутскыз (С. Ших. Огыб., 275). ‘Во время последнего понижения самолетов к мосту он повернулся на спину и стал целиться винтовкой в низколетающий (букв. ‘**понизу**’) самолет’.

Лулзиськод но кошкод палэнтй, мылкыддэ ворсалод тунгонэн... (Н. Байт. Ккул, 311). ‘Вздохнешь и пройдешь **сторонай**, свою душу запрешь на замок...’.

Педлотий кин ке ортчиз, ѓс куара зукыртйз, коргидын валъёс дыбыртйзы но учыни но зор шапыкъёс озьы ик капчиен гинэ ас гурзэс чукнаез пумитаса пазьгылйзы (Ев. Самс. Арк., 287). ‘**По улице** кто-то прошел, скрипнула дверь, в конюшне постучали [копытами] лошади, соловей и капли дождя также разносили свои звуки, встречая утро’.

Матэтий гинэ кыче ке бадъым тылбурдо шитыртывса лобзиз (В. Шир. Мк., 345). ‘Совсем **близко**, шумя крыльями, пролетела какая-то большая птица’.

Котыръя, кытий ке кыдёкетй нуллэ но отчы ик вуттэ (В. Смир. В., 333). ‘Кружит, где-то **далеко** водит, а потом на то же место доставляет’.

2.1.3.1.9. Терминатив

Предельные наречия обозначают пространственный или временной предел действия: *вылйозь* ‘доверху’, *улийозь* ‘донизу’, *татчыозь* ‘до этого места; до сих пор’, *отчыозь* ‘до того места; до тех пор’, *туннэозь*

‘до сегодняшнего дня’, *џуказеозь* ‘до завтрашнего дня’, *улиёзь* ‘дони-зу’, *уланёзь* ‘до низовья’, *вылланёзь* ‘доверху’, *отийозь* ‘до того места’, *кытийозь* ‘до куда’, *котькытийозь* ‘хоть докуда’, *кыдѣкозь* ‘вдаль’, *педлапалозь* ‘до наружной стороны’, *уллапалозь* ‘до нижней стороны’, *выллапалозь* ‘до верхней стороны’, *педпалозь* ‘до наружной стороны’, *бурпалозь* ‘до правой стороны’, *кытчюзь* ‘до какого места’, *котькытчюзь* ‘хоть до какого места’.

Но отьсь эпической образъёс: беспризорник Деми, лек сямо Олёшка, серемес Омель — ванъзы соос лыдзисъесты туннэозь ас бордазы паймымон кужымен кыско, малпасъкыто (Удмурт литература, 89). ‘А оттуда эпические образы: беспризорник Деми, Алешка со злым характером, смешной Омель – все они до сих пор (букв. ‘до сегодняшнего дня’) необъяснимой силой притягивают к себе читателей, заставляют задумываться’.

Мон татчыозь уг тодйськы на вылэм Шекспирез... Шекспирез тодытэк, кыче писатель луод! (Удмурт литература, 90). ‘Я до сих пор не знал, оказывается, Шекспира... Не зная Шекспира, какой из тебя писатель!’.

Дугдэ, эн дыртэ, Парамон Степанович, отчыозь вуомы на (С. Самс. В., 192). ‘Постойте, не торопитесь, Парамон Степанович, туда (букв. *дотуда*) еще дойдем’.

2.1.3.1.10. Адвербиализация деепричастий

Наряду с адвербиализацией падежных форм, в класс наречий переходят и деепричастия.

Об употреблении деепричастий в роли наречий в удмуртском языке первым указал П. Н. Перевошиков в книге «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» [Перевошиков 1959: 36–38]. Данная точка зрения была поддержана В. М. Вахрушевым в «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 308].

Являясь сложной грамматической категорией, деепричастия⁷ имеют, наряду с глагольными признаками, отражающими коренные свойства деепричастий всех разрядов, и такие признаки, которые сближают их с наречиями [Исанбаев 1961: 250]. Деепричастия, как и наречия, могут выступать в качестве прилагольного определения. Обозначая

⁷ Статус деепричастий в пермских и марийских языках рассмотрели Е. А. Цыпанов и Л. А. Андреева [см. подр.: Цыпанов Е. [А.], Андреева Л. [А.] О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // LU. 2010. № 2 (XLVI). С. 102–111].

действия, эти глагольные образования вместе с тем могут выражать, в зависимости от условий употребления, признаки других действий. Более того, они могут ослабляться в своем глагольном значении, т. е. в значении слова, выражающего действие, и, соответственно, усиливаться в наречном значении. Не случайно, в некоторых работах статус деепричастий отмечался как особый вид наречий [Бубрих 1949: 135; Суханова 1951: 25; СКЯ 1955: 243; КПЯ 1962: 281].

В качестве иллюстраций П. Н. Перевошиков [1962: 36–37] приводит следующие примеры (выделение наше):

*Паськыт възьёс шортй пичи шур **чутыръяськыса** бызе.* ‘По середине широких лугов **извиваясь** течет маленькая речка’.

*Машинаос, тушмонлы бырон нуыса, **дугдылытэк** кыстйськызы шунды пуксён пала.* ‘Машины, неся смерть врагу, **бесперерывно** тянулись на запад’.

*Зорен небзём сюрес кузя Ондрей клуб пала **дыртытэк** вамышья.* ‘По размякшей от дождя дороге **неторопливо** шагает в сторону клуба Андрей’.

***Бертыку** ём эсегатске, нокытчы но ём пыралэ.* ‘**Возвращаясь**, мы не задерживались, никуда не заходили’.

*Шелетьёс кыдёке палдыло **кораськыку**.* ‘Щепки далеко отскакивают **во время рубки** (при занятии рубкой)’.

*Со **кынмытозь** сылйз капка азын.* ‘Так долго стоял он перед воротами, **что замерз**’.

***Пересьмытозь** улйз Эркемей Педор ёрмыса.* ‘**До старости** Федор Артемьевич жил в нужде’.

*Шахтёръёс вазен туж урод улйзы, **жуммытозь** ужаллязы машинаостэк.* ‘Шахтеры прежде жили очень плохо, работали **до изнурения** без машин’.

***Синмаськымон** ужало Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев но мукетъёсыз.* ‘**Замечательно** работают Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев и другие’.

*Кытын ке гур сьёрын **акыльтымон** чыкыртэ зоз.* ‘Где-то за печью **надоедливо** чирикает кузнечик’.

Примеры, выявленные нами из источников:

*Кужмо бызьыса но **шокпотыса** пыро урядник но стражник* (Удмурт литература, 168). ‘**Задыхаясь** на ходу, вбегают урядник и стражник’.

*Кыкна киосме зёпам тырыса, **дыртытэк** гинэ лёгаськисько ульчатй, асме възьматыса, олань-талань ветлйсько* (УД, № 020, 2008). ‘Засунув обе руки в карман, **неторопливо** [я] прогуливаюсь по улице, хожу взад и вперед, показывая себя’.

Лумбыт ведь, час сямен, коть бы те што, дугдылытэк ужаз (Удмурт литература, 110). ‘Ведь целый день, как часы, хоть бы что, он **без передышки** работал’.

В приведенных предложениях наблюдаются деепричастия разных разрядов, разных форм. Но, как отмечает П. Н. Перевошиков, все они объединяются общей чертой – близостью к наречиям. Несмотря на то, что они имеют глагольную основу и деепричастные формы, воспринимаются почти как наречия, выражающие тот или иной признак действия: эти слова, как и наречия, показывают, как совершаются действия. Такому восприятию способствуют конкретные условия. Лексическое содержание каждого из слов определено значениями, которые заключены в переходных глаголах *чутырьяськыны* ‘извиваться’, *дугдылыны* ‘останавливаться’, *дыртыны* ‘спешить’, *бертыны* ‘возвращаться’, *кораськыны* ‘заниматься рубкой’, *кынмыны* ‘мерзнуть’, *пересьмыны* ‘стареть’, *жуммыны* ‘изнуряться’, *синмаськыны* ‘увлечься’ и т. д. Благодаря этому, обсуждаемые глагольные образования выступают не как полновесные деепричастия, сохраняющие в себе одно из основных свойств глагола, свойство управления винительным падежом имен, а как слова, близкие к наречиям.

При этих глагольных образованиях отсутствуют зависимые слова, они определены одиночно. Это обстоятельство тоже определяет их не как настоящие деепричастия, а как слова, находящиеся на грани перехода в наречия [Перевошиков 1959: 37].

Переход деепричастий в наречия происходит также и в других языках. В частности, данное обстоятельство в коми языке отмечает Г. В. Федюнева: «Разряд адвербиализованных деепричастий наиболее труден для идентификации, поскольку коми деепричастие “наречеобразно” по своей сущности. Его часто называют “отглагольным наречием”. Единственным критерием их разграничения служит контекст, утрата наречием глагольных свойств деепричастия (залоговую и видовую отнесенность, способность к глагольному управлению): *пырмунигмоз казтышитны* ‘вспомнить мимоходом’, *пӧттӧдз сернитны* ‘досыта наговориться’, *дугдывтӧг висьны* ‘беспрестанно болеть’.

Адвербиализованные деепричастия иногда полностью утрачивают связь со своим разрядом, образуя специфический структурный разряд наречий. Их морфемная структура подвергается трансформации, опроцается» [Федюнева 1996: 33–34].

2.1.3.2. Конверсия

Наряду с наречиями, имеющими свои специфические формы, в удмуртском языке наблюдаются отдельные группы таких наречий,

которые морфологически не отграничены от других частей речи. В данном случае речь идет о конверсии.

Конверсия – это морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором основа или словоформа слова одной части речи образуется от слова другой части речи без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является семантический сдвиг и грамматическая оформленность слова. Исходное слово и производное слово в процессе конверсии семантически взаимосвязаны друг с другом, хотя имеют различные категориальные значения [Дуйсенбина 2010: 5] Например, *шуньт* – имя существительное ‘тепло, теплота’ (*гурлэн шуньтэз* ‘тепло печки’); имя прилагательное ‘теплый’ (*шуньт сйзыл* ‘теплая осень’); наречие ‘тепло’ (*шуньт пумитаз* ‘он тепло встретил’); *шулдыр* – имя существительное ‘веселье, радость’ (*шулдырез өз вала* ‘веселья он не понял’); имя прилагательное ‘веселый, радостный’ (*шулдыр кырзан* ‘веселая песня’); наречие ‘весело, радостно’ (*шулдыр пумитазы* ‘они весело встретили’); *секьт* – имя существительное ‘тяжесть’ (*секьтэз өз шоды* ‘тяжести он не почувствовал’); имя прилагательное ‘тяжелый’ (*секьт уж* ‘тяжелая работа’); наречие ‘тяжело’ (*секьт ортчиз* ‘тяжело прошло’); *кезьыт* имя существительное ‘холод’ (*кезьыт вуиз ни* ‘холод уже пришел’); имя прилагательное ‘холодный’ (*кезьыт омыр* ‘холодный воздух’); наречие ‘холодно’ (*кезьыт пумитаз* ‘он холодно встретил’); *чүкна* – имя существительное ‘утро’ (*чүкнаез возьмай* ‘ждал утра’); имя прилагательное ‘утренний’ (*чүкна шунды* ‘утреннее солнце’); наречие ‘утром’ (*чүкна школае мынй* ‘утром я пошел в школу’). Приведенные примеры являются категориально недифференцированными словами, так как это разные части речи с разными лексическими значениями, хотя вещественные значения корней у них совпадают.

В удмуртском языке категориальная недифференцированность наблюдается среди следующих частей речи (лишь с участием наречия):

1. Категориальная недифференцированность между существительными, прилагательными и наречиями.

Ботинкаосын кутчам пыдъёсыз кынмо, ымнырзэ кезьыт чепылля, мыдлань-азьлань ветлыса, чылкак жадиз (Иг. Гавр. Вп., 98). ‘Обутые в ботинки ноги мерзнут, лицо щиплет мороз, пройдив взад-вперед, он очень устал’.

Дйськут урод, кӧт сюма, кезьыт тӧл быдэс мугорме сйсья (Иг. Гавр. Вп., 463). ‘Одежда плохая, хочется есть, холодный ветер продувает все [мое] тело насквозь’.

Сыће ини мынам шудэ-буре: кезьыт учко ке, столэмы кынме (Молот 1982, № 6, 24) ‘Таково уж мое счастье: когда смотрят **холодно**, сердце стынет’.

В первом примере слово **кезьыт** является **существительным**, во втором – **прилагательным**, в третьем – **наречием**.

К этой группе можно отнести следующие слова: *пось* ‘жара; жаркий; жарко’; *шуныт* ‘теплота; теплый; тепло’; *югыт* ‘свет; светлый; светло’; *пеймыт* ‘темнота; темный; темно’; *секыт* ‘тяжесть; тяжелый; тяжело’; *кот* ‘сырость; сырой; сыро’; *куанер* ‘бедняк; бедный; бедно’; *кös* ‘сухость; сухой; сухо’ и др. Нужно отметить, что существительные, составляющие лексико-грамматическую недифференцированность с прилагательными и наречиями, обозначают главным образом абстрактные понятия, чаще качество, свойство.

Категориальную недифференцированность между тремя вышеназванными частями речи составляют и слова со значением времени: *гужем* ‘лето; летний; летом’; *тулыс* ‘весна; весенний; весной’; *сийзыл* ‘осень; осенний; осенью’; *чукна* ‘утро; утренний; утром’; *жыт* ‘вечер; вечерний; вечером’ и др.

Ма кызы, пе, январь толэзь шорын пось гужеме ву ай (УД, 2008, № 22–23). ‘Как это, дескать, окажусь в январе месяце в жарком **лете**’.

Кылем гужем каникульёс дыръя, гуртысь песьянаез дорын улыкуз, со но трос пол чорыгалляз (Н. Бел. П., 263). ‘В прошлые **летние** каникулы, когда он жил в деревне у бабушки, он тоже много раз рыбачил’.

Гужем нод луэ, уробоед выёз (К. Митр. Сз., 19). ‘**Летом** грязно, телега [твоя] застрянет’.

Татын сю иськемъёсын кытйсько луо бусьюс. Араз 320 нунал зор-кот уг усъы, котырак лек венё будосъёс. Со понна тулыс выжыкылын кадь чебер – котыр музъемез шобырто яркыт буёло тюльпанъёс (УД, 2008, № 26–27) ‘Здесь на сотни километров растянулась пустыня. 320 дней в году не выпадает осадков, кругом – кактусы. Поэтому для нее **весна** как в сказке красива – всю землю вокруг покрывают разноцветные тюльпаны’.

Жужыт пужымъёс, тулыс шунды шорын нуныяськыса, каньылля шонасько но, котыр бергаса сямен, бере кылё (Иг. Гавр. Вп., 6). ‘Высокие сосны, нежась на **весеннем** солнце, тихонько покачиваются и, словно кружась, остаются позади’.

Малтамезъя нош ик öз луы: 1919 аре тулыс Колчаклэн армиез берлань чигнаны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 278). ‘Опять не получилось так, как он думал: в 1919 году, **весной**, армия Колчака начала отступать’.

Пьесаос, кылсярысь, таёеьс вал: И. Гавриловлэн – «Жингрес сийзыл» но «Тöды лымы», С. Самсоновлэн – «Луысал ке берыктыны»

но мукетъёсыз (УД, 2008, № 22–23). ‘Пьесы, например, были такие: «Звонкая **осень**» и «Белый снег» И. Гаврилова, «Если было бы зможно вернуть» С. Самсонова и другие’.

Пеймыт сійзыл уе юбоос йылын, ас котыраз гинэ пиитийсь тыльёс шорын, торк-торк вамышигыяь Лизалэн тодьбы кышето йырыз тури-пари шонаське (С. Самс. В., 235). ‘Темной **осенней** ночью на свету от столбовых фонарей мелькает голова в белом платке быстро шагающей Лизы’.

Иларий поп гинэ та шедьтэм визьзэ уг аналты, туэ сійзыл ик школа усьтыны дасяське (К. Митр. Сз., 69). ‘Только поп Иларий от своей затеи не отказывается, нынешней **осенью** же собирается открыть школу’.

2. Категориальная недифференцированность между прилагательными и наречиями.

В удмуртском языке среди прилагательных и наречий встречаются такие слова, которые не имеют различительных грамматических форм. Эти слова и являются грамматически недифференцированными.

Умой юртын улэмед уг поты шат? (Г. Крас. Кмк., 12). ‘В **хорошем** доме разве не хочешь жить?’.

Кызьы учко та «шаплы удмурт егитъёс» шоры бигерьёс но зучъёс? (УД, 2008, № 28). ‘Как смотрят на эту **активную** удмуртскую молодежь» татары и русские?’.

*Ма со пружинаё матрац ук, учкы али **умой**, – кыныз матрацез зйбылэ* (М. Кон. Куёв., 11). ‘Так это же пружинный матрац, посмотрика **хорошо**, – [своими] руками надавливает на матрац’.

*Куас сiores вылын сьлйсь судьяослы жингыртыса, кылдэм валамтэосты **шаплы** шараязы* (УД, 2008, № 25). ‘Позвонив судьям, стоящим на лыжне, **быстро** разрешили возникшие недоразумения’.

Как видно из примеров, слова **умой** и **шаплы** являются в первом случае прилагательными, во втором – наречиями.

Лексико-грамматическую недифференцированность с наречиями составляют и некоторые прилагательные, образованные от существительных при помощи суффикса *-о*: *кужмо* ‘сильный; сильно’, *шудо* ‘счастливый; счастливо’, *дуно* ‘дорогой; дорого’, *сюлмо* ‘сердечный; сердечно’ и др.

*Тйни соку паллян палазы **кужмо** гуретэм кылйськиз* (Г. Пер. Нз., 116). ‘Вот тогда с левой стороны [их] послышался **сильный** рокот’.

*Ми берын сьлйсь куатетй батарея чидантэм **кужмо** ыбылыны кутскиз* (М. Кон. Куёв., 90). ‘Шестая батарея, стоящая за нами, начала стрелять невыносимо **сильно**’.

Прилагательные и наречия признака действия, как выразители логических понятий, имеют много сходного: они выражают признак:

прилагательные – признак предмета, а наречия – признак действия. Таким образом, их морфологическое совпадение оправдано даже логически. Отличительных грамматических форм ни наречия, ни прилагательные не имеют. По-видимому, когда-то прилагательные и данный разряд наречий были одной частью речи и выражали признак вообще. В связи с развитием языка эти слова дифференцировались на прилагательные и наречия.

3. Категориальная недифференцированность между наречием, прилагательным и послелогом.

К этой группе функциональных омонимов следует отнести следующие слова: *азьло* ‘раньше, прежде; прежний, предыдущий; до, перед’, *азьвыл* ‘раньше, прежде; прежний, предыдущий; до, перед’, *берло* ‘потом, после, затем; последний, поздний’. Корни этих слов *азь-* и *бер-* восходят к прафинно-угорскому периоду, где они были именами. Из имен с течением времени образовались прилагательные, наречия, а затем и послелого (см. подробнее об этом: [ОФУЯ 1974: 214–215]).

Наречие:

Таос азьло ик тодмо вылэм ук (М. Кон. Куо́в., 12). ‘Они же и **раньше** уже были знакомы’.

Огзэ гинэ валаз: солдат отпуске бертэмын, азьвыл со МТС-ын Сергейен чойш ужам... (С. Самс. Мвс., 60). ‘Только одно он понял: солдат приехал на побывку, **раньше** он работал вместе с Сергеем в МТС’.

Со вакытэ ми дорын улӓз армиысь агаелэн кышноез куинь пиналыныз (жаляса верано, агае фронтэ быриз, берло сирота кылем пинальёсты нылпи юртэ сётӓзы) (УД, № 020, 2008). ‘В то время у нас жила жена служившего в армии старшего брата с тремя детьми (к сожалению, мой старший брат погиб на фронте, **потом** оставшихся сиротами детей отдали в детский дом)’.

Прилагательное:

Тани пияшед нош ик азьло эшӓсыныз, тани со концертэз усӓтэ, эктӓсезлы но, кырӓсезлы но сцена вылэ сюрес сётэ (С. Самс. Мвс., 61). ‘Вот паренек снова с **прежними** друзьями, вот он открывает концерт, дает дорогу на сцену и танцорам, и певцам’.

Улон шудэз, кизилиез тӓпак медаз кысы шуыса, азьвыл картэзлэн чӓжы-выжыосызлы очкарыса герӓсӓкиз Пильыпеныз (К. Лом. Пк., 230). ‘Чтобы ее жизненное счастье, ее звезда совсем не погасла, она сошла с Пильыпом назло родственникам **бывшего** мужа’.

Пусыыны кулэ, Россилэн палэназ егитӓс гинэ уг потало, берло кык ар кустын 50–60 аресӓем адямиос но мукет кунӓёсы вуылыны кутскизы

(УД, № 021, 2008). ‘Следует отметить, за пределы России выезжает не только молодежь, за **последние** два года и 50–60-летние граждане начали выезжать в другие страны’.

Послелог:

*Быръёнъёс дорозь куинь нунал **азьло** калык пöлын ивор вöлмытйллям депутатэ бырийськыны пумит луэме сярэсь* (УД, № 031, 2008). ‘За три дня **до** выборов среди людей распространили слух о моем отказе балотироваться в депутаты’.

*Кык толзэз талэсь **азьвыл** гинэ УдГУ-ысь журфакась нырысетй курсын дышетскисьёс мынэсьтым юазы: ас ужады кыёе быдэсмон-тэм малпанды вань?* (УД, № 024, 2008). ‘Лишь за два месяца **до** этого учащиеся первого курса журфака УдГУ спросили у меня: какие поставленные в вашей работе цели Вами еще не достигнуты?’.

*Солэсь **берло** тae адзи* (Тш.). ‘**После** того я это увидел’.

4. Категориальная недифференцированность между наречием и послелогом.

Наиболее распространенными словами данной группы являются лексемы, выражающие пространственные отношения. Это застывшие формы местных падежей, этимологически они также восходят к именам. В качестве послелогов данные слова стоят обычно после существительного и в предложении рассматриваются совместно с существительным, в качестве наречия в предложении они являются обстоятельством места.

Наречие:

*Вылэтй, туж **вылэтй*** – кизилиослэн вайкала сюресъестйзы – лобе Ильмаринен, собере шуак улланы ваське Похъялаысь азбар шоры, Сариолаысь мунчое нуись сюрес вöзы (Удмурт литература, 28). ‘**Высоко**, очень **высоко** – по старой звездной дороге – летит Ильмаринен, потом резко опускается вниз в середину двора Похъялы, на обочину дороги, ведущей из Сариолы в баню’.

Вылэ, пумтэм-йылтэм паськыт лызыр инме учкыку, шудо-буро пилемъсыд чын инзы кадъ чияло (Удмурт литература, 149). ‘Когда смотришь **вверх** на бесконечно широкое синее небо, счастливые тучи блестят, словно чистый жемчуг’.

Сьöрлось вуэмъёс кин маркеръёсын, кин горд помадаосын плакатъёс суредало – оло, озьы Путин синйылтоз? (**Дорын** дасямъёссэ охрана фойее кельтйтйз) (УД, № 024, 2008). ‘Прибывшие с других мест рисуют плакаты, [то маркером, кто красной помадой – может, так заметит Путин? ([Ранее] приготовленные **дома** [плакаты] охрана оставить велела в фойе)’.

Вылын со, туж вылын, пурысь быж кельтыса лобемезъя гинэ адзиське (В. Смир. В., 339). '**Высоко** он, очень **высоко**, при полете видно лишь по оставленному серому следу (букв. 'хвосту')'.

Послелог:

Нюлэскы но тон огнад уд мыны, бусые но уд поты, шур дуре, возь вылэ но уд васькы (Удмурт литература, 77). 'И в лес ты одна не пойдешь, и в поле не выйдешь, к реке, **на луг** не спустишься'.

Николай Васильев ныллэн атаез дорын синкылияськыса куриз: сёт нылдэ мыным кышнолы (УД, № 024, 2008). 'Николай Васильев со слезами на глазах просил **отца** девушки: отдай мне свою дочь в жены'.

Дунне вылын адямиос кылдэмлэсь азьло улйллям, пе, бадзымесь зэрпальёс (куд-ог интыосын соосты алангасарьёс шуо) (Удмурт литература, 21). '**На** земле до рождения людей, говорят, жили большие зэрпалы (в некоторых местах их называют алангасарами)'.

5. Наречия и союзные слова.

В роли подчинительных союзов могут выступать местоименные наречия, так называемые союзные слова. В их состав входят наречия *кызьы* (*кызьы ке*) 'как', *кытын* 'где', *кытй* 'где', *кытысь*, *кытысен* 'откуда', *кытчы* 'куда', *кытчозь* 'докуда', *кудлань* 'куда, в какую сторону'.

Кызьы *армие рядовой колхозникен кошикыз, озьы ик рядовой солдат ик ке бертысал?* (Г. Крас. Кмк., 7) '**Как** ушел в армию рядовым колхозником, так же рядовым солдатом если бы вернулся?'.

Э, вераны вунэтьсьеко вал: адямиос, конечно, юаллясьеко Онтонлэсь, кытын вал но, малы татчозь но кычье иворед ой вал? (Г. Крас. Ок., 34). 'Э, забыл было сказать: люди, конечно, спрашивают у Антона, **где** был и почему до сих пор не было никаких новостей?'.

Ваньзэ вераз, дыр, соослы: кытй чигнаммес но, кытчы юнматскыны дасяськеммес но (Н. Вас. Кта., 87). 'Все рассказал, наверное, им: **где** будем отступать, и **где** хотим укрепиться'.

Таким образом, категориально недифференцированные слова могут выступать в значении разных частей речи без изменения своей основы. Определяющим моментом является синтаксическое положение слов. Недифференцированные слова выступают в роли наречий, когда они обозначают качество действия и сочетаются с глаголом (чаще всего) или отглагольным именем, в предложении выполняют функцию обстоятельства.

2.1.4. Заимствованные наречия

Удмуртский язык, входящий в пермскую ветвь финно-угорских языков, подвергался прежде всего воздействию языков соседних народов:

возможности заимствовать иноязычную лексику преимущественно в условиях непосредственного контакта способствовало географическое положение Приуралья. Поэтому в словарном составе удмуртского языка исследователи находят целые пласты слов иноязычного происхождения: индоевропейские, индоиранские, древнетюркские, болгарские, татарские, русские [Тараканов 1981: 3]. Большинство слов, как показывают примеры, заимствовались из русского и тюркских языков.

Как отмечает И. В. Тараканов [1992: 71], в результате длительных взаимоотношений с русскими в удмуртский язык, кроме отдельных слов, стали переходить целые русские словосочетания, фразеологизмы, синтаксические конструкции и предложения, построенные по типу русского языка. Среди большинства русских заимствований немалое место занимают и наречия. Некоторые из них:

*Соуз **неважно*** (М. Кельд. Б., 78). ‘Это **неважно**’.

*Начар ке но, тон йёсожомид, соуз **важно**, – шуиз Гирыш* (М. Кельд. Б., 78). ‘Хоть и бедный, ты огорчился, это **важно**, – сказал Гирыш’.

Здорово сйсьяськоды... (Г. Мед. Яр., 90). ‘**Здорово** грабите...’.

Семьяен-семьяен сисько вал (Г. Мед. Вд., 112). ‘**Семьями** кушали’.

*Кудйз вераське, со, пе, **добровольно** кошкем сопал дуннее, – шуиз Карим* (С. Ших. М., 270). ‘Некоторые говорят, он, дескать, **добровольно** ушел на тот свет, – сказал Карим’.

***Обязательно** гожъяно* (Ев. Самс. Сан., 300). ‘**Обязательно** нужно написать’.

*Городын но **тэк** улыны маза өвёл* (Иг. Гавр. Вп., 508). ‘И в городе без дела (букв. ‘**так**’) сидеть некогда’.

Начало удмуртско-тюркских языковых контактов относится к III–V вв. нашей эры, а с приходом болгар в Волго-Камье (VII в. н. э.) они оказались непрерывными. В результате исторически сложившихся политических, экономических и культурных связей с тюркоязычными народами удмуртский язык испытал сильное влияние со стороны своих соседей. Оно сказалось на всех уровнях структуры удмуртского языка: фонетике, морфологии и синтаксисе. Влиянию со стороны тюркских языков особенно заметно подвергалась лексика, являющаяся наиболее восприимчивой к иноязычным воздействиям [Тараканов 1981: 28]. В числе тюркизмов в удмуртском языке встречаются наречия: *али* ‘сейчас’, *каллен* ‘тихо, медленно’, *сак* ‘внимательно’, *копак* ‘полностью, совсем, всё’, *ятыр* ‘много, излишек’, *шара* ‘вслух’ и др.

*Азьло вераме кызы гожтэмын, **али** но озьы ик луоз – ша! – ваньзэ озьы валэктэм мактал, пыдлось шокчиз но пыдес вылаз гырпумьяськиз, мыкырскиз со* (С. Самс. В., 196). ‘Как ранее записано мною сказанное,

сейчас будет так же – ша! – как будто все это он пытался объяснить, глубоко вздохнул и, облокотившись на колени, наклонился’.

Жадем муртэ исаны умой өвөл ке но, дйсьтонмы тырмыса, артисткалэн öсаз каллен гинэ йыгаським ик (УД, № 134–135, 2008). ‘Хотя и плохо беспокоить уставшего человека, все же, набравшись смелости, [мы] **тихонько** постучали в дверь артистки’.

Сыл ай, мар со сыңе? – пельёссэ сак пуктыса, бур пала учкиз командирзы (Г. Пер. Нз., 109). ‘Постой-ка, что это такое? – наострив уши (букв. ‘поставив **внимательно** уши’), направо посмотрел командир’.

Хо, со мынам... тани кытын! – копак мугорыныз назьылтйськыса, кырмем мыжык шораз возматйз Кирла (Г. Крас. Кмк., 11). ‘Ха, она у меня... вот здесь! – потянувшись всем (букв. ‘**целиком**’) телом, Кирилл показал на свой сжатый кулак’.

Нош туалала егитйёс курытсэ ятыр юо (УД, № 020, 2008). ‘А современная молодежь слишком **много** спиртного пьет’.

Куд-ог дырья ымдурйёсыз асьсэос лэр-лэр куалекъяны кутско но шара черектэ: «Укмыс сю манетэн вузас...» (М. Кон. Куöv., 137). ‘Иногда его губы сами по себе начинают дрожать и [он] начинает кричать **вслух**: «Продал за девяносто рублей...»’.

2.2. Некоторые морфологические признаки наречий

Неизменяемость является одним из основных морфологических признаков наречий. Принято считать, что слово становится наречием, когда оно выходит из системы словоизменения, теряет всякий вид словоизменительных форм. Но следует отметить, что этот критерий для ряда языков, в том числе и удмуртского, не всегда и не в одинаковой мере приемлем. По словам А. А. Боровкова, понятие неизменяемости устанавливается из сопоставления наречий с соответствующими формами существительного и их реального значения, т. е. устанавливается, предметно ли значение в каждом данном случае или не предметно, поскольку в форме наречий находятся преимущественно косвенные падежи существительных с послелогами или без них [Боровков 1936: 92]. Кроме употребления падежных формантов (см. п. 2.1.3.1.), некоторые удмуртские наречия могут:

1. Изменяться по лицам:

Нушин сöрыны косиз, – кытйяз ымзэ ик усътэ но берен ворса (М. Кон. Куöv., 22). ‘Нушин заставил сломать, – **иногда** [он] рот открывает и обратно закрывает’.

Отйяз нош ик толон кадь луиз: кырзан, зыгырьяськон (М. Кон. Куöv., 58). ‘**Потом** снова стало как вчера: песни, обнимания’.

Яке сое, – Михайлова пöлызэ улэ зымытэ, – яке со татчыяд пуксыса ворттоз, – Радинлэн пельпумаз возьматэ (М. Кон. Куöv., 61). ‘Или его, – Михайлова клонит большой палец книзу, – или он сюда [тебе] сядет и будет ездить, – показывает на плечи Радина’.

Ма, шуисько, кытчяяд чильымдэ понод на, йырыд öвöl ни ук (М. Кон. Куöv., 72). ‘Что, говорю, куда [ты] трубку положишь, головы-то у тебя уже нет’.

Сиес бен кытчяз-о понод? – Гондырлэн пиез тракторлэсь чыртызэ нокытысьмыз уг шедьты (М. Кон. Куöv., 88). ‘А хомут куда [ему] оденешь? – сын Гондыра нигде [у него] не находит шею трактора’.

Тини соку татчыям пуля йötйиз, – Радин пыдзэ возьматэ (М. Кон. Куöv., 124). ‘Вот тогда сюда [мне] пуля попала, – Радин показывает ногу’.

Кытыназ со адямилэн улэ – йжушаз-а, йыраз-а? (К. Митрей, 76). ‘В каком месте (букв. ‘где’) он в человеке живет – в брюшине, в голове?’.

Способность данных наречий принимать после себя личные суффиксы объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что, скорее всего начальные формы *кытчы* ‘куда’, *кытын* ‘где’, *отчы* ‘туда’, *татчы* ‘сюда’, *нокытысь* ‘ниоткуда’ перешли в разряд наречий из разряда местоимений и на данном этапе находятся в разряде так называемых «местоименных наречий».

2. Принимать формы входного падежа+выделительно-указательный суффикс: *йсытазе-я-з* ‘вечером того же дня’, *йукна-я-з* ‘утром следующего же дня’, *йуказе-я-з* ‘на завтрашний же день’. Данная особенность, по-видимому, объясняется тем, что все названные слова могут употребляться и в качестве другой части речи – существительного (*йсытазе* ‘вечер’, *йукна* ‘утро’, *йуказе* ‘утро’), вследствие чего данная особенность могла закрепиться и к наречиям.

Йытазез ини пумтэм-йылтэм калык оgezэ оgez пышез сямен кутса (М. Кон. Куöv., 128). ‘Уже вечером народ друг друга бьет, словно коноплю молотит’.

Йукнаяз Азинлэн штабаз вуи (М. Кон. Куöv., 123). ‘Утром следующего дня я прибыл в штаб Азина’.

Ваньмыз тупаса мынэ кадь: Санька гожтэм, берло экзаменъёссы кызь куинь число бырозы, дыр, шуыса, йуказезез ик поездэ пуксё шуэм (Г. Крас. Кч, 23). ‘Все как-будто идет по порядку: Санька написал, что последние экзамены, наверно, закончатся двадцать третьего числа, на следующий же день в поезд сядет, сказал’.

3. Принимать суффикс винительного падежа (Наречия меры и количества): *унозэ* ‘многое’, *троссэ* ‘многое’, *öжытсэ* ‘малость’. Скорее

всего, данная группа слов перешла в разряд наречий из разряда числительных.

*Табере со бубизлэн ѿбабьам букваосыз пӧльсы **унозэ** вала ини* (К. Митр. Сз., 88). 'Теперь он из начерченных отцом букв **многие** понимает'.

*Тодй мон табере **троссэ**: тыныд но капчи вылымтэ та дуннеын* (К. Кул. С., 254). 'Я теперь **многое** узнал: и тебе было нелегко на этом свете'.

Ӧжытсэ кыктой ветлоно луоз угось, Оксанаез татын огназ мӧзмыса улоз (Г. Крас. Ок., 37). 'Самое малое, придется ездить не **меньше** двух дней, Оксана здесь одна будет скучать'.

2.3. Степени сравнения наречий

Некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения. Степени сравнения образуют как первообразные, так и простые производные наречия, одиночноформленные.

Степеням сравнения финно-угорских языков посвящена специальная работа Д. Р. Фокоша-Фукса «Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («Сравнительная и превосходная степени в финно-угорских языках») [Fuchs 1949], работа Ало Рауна «Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («К сравнительной и превосходной степеням в финно-угорских языках») [Raun 1951]. Функции суффикса сравнительной степени освещаются в работа Пааво Равилы «Über das finnisch-ugrische Komparativsuffix» («О финно-угорском суффиксе сравнения») [Ravila 1937].

В финно-угорском языке-основе, по словам К. Е. Майтинской [ОФУЯ 1974: 279–281; Майтинская 1979: 138–148], еще не определен морфологический способ выражения степеней сравнения. Соответствующие значения выражались разными вспомогательными средствами: синтаксическими или использованием суффиксов разного назначения, которые помимо основной функции служили и для выражения значений сравнительной и превосходной степеней.

После распада финно-угорской общности в языковых ветвях и отдельных языках появились разные морфологические (синтетические и аналитические) способы выражения указанных значений. Однако точному или даже сравнительно точному учету эти способы не поддаются, поскольку по ряду финно-угорских языков не выявлена степень грамматикализованности того или иного средства выражения значений степеней сравнения. Если в каком-либо языке возможно использование двух или трех способов, часто неясно, какой из них достаточно обобщен для включения в парадигму.

В современных финно-угорских языках грамматическое значение сравнительной степени выражается двумя основными способами: без применения специального суффикса или при помощи такого суффикса. В большинстве финно-угорских языков употребляются оба способа, но чаще всего – только один из них. Бессуффиксальный способ следует считать более древним, чем второй способ.

При суффиксальном способе прилагательное / наречие получает какой-нибудь более или менее грамматикализованный суффикс сравнительной степени. В финно-угорских языках встречаются суффиксы разного происхождения: они либо преобразовались из формантов усилительно-подчеркивающего значения, либо происходят от усилительно-подчеркивающих наречий и частиц типа рус. *очень, весьма*; иногда выявляются суффиксы, заимствованные из других языков. При суффиксальном способе имя (или местоимение), выражающее то, с чем сравнивается, получает падежный суффикс. И в данном случае большей частью используются форманты падежей отдалительной семантики (аблатива, элатива), ср. ф. *hän on minua nuorempi* ‘он моложе меня’ (*minua* – партитивная форма, восходящая к аблативной), в современном венгерском литературном языке употребляется адессивная форма, но раньше использовалась аблативная.

К. Е. Майтинская в книге «Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков» приводит следующие разновидности образования суффиксальных признаков сравнительной степени: 1) переосмысление словообразовательных суффиксов разного назначения в суффиксальные признаки сравнительной степени; 2) переход слов-частиц в суффиксальные признаки сравнительной степени; 3) заимствование суффиксальных элементов соответствующего значения из других языков [Майтинская 1979: 140].

Для переосмысления в признаки сравнительной степени активно использовались словообразовательные суффиксы разной семантики; об этом свидетельствует прежде всего полисемия формантов сравнительной степени в большинстве современных финно-угорских языков. Так, по наблюдениям А. Рауна в марийском, пермских и обско-угорских языках признаки сравнительной степени (помимо значения сравнения) могут выражать уменьшительное, ограничительное, эмоционально-подчеркивающее и усилительное значения. По мнению К. Е. Майтинской [1979: 140–141], перечисленные А. Рауном значения сводятся к двум основным: 1) усилительно-подчеркивающему и 2) уменьшительно-ограничительному; именно словообразовательные суффиксы с такими значениями наиболее часто переосмысливались в признаки сравнительной степени.

Процесс соответствующих семантических преобразований объясняется вполне естественно. С одной стороны, суффиксы усилительно-подчеркивающего значения весьма пригодны для развития значения сравнительной степени, поскольку форма сравнительной степени обозначает, собственно, и усиление качества, свойства по сравнению с качеством, свойством, обозначаемым формой положительной степени; ср. русские формы сравнительной степени *красивее* или *более красивый* с формой положительной степени *красивый*. С другой стороны, в ряде случаев со значением сравнительной степени может ассоциироваться представление и об уменьшении чего-то в объеме, протяженности, размере и т. д., и подобное значение близко также к семантике словообразовательных суффиксов уменьшительно-ограничительного значения; ср. рус. *узкий коридор, более узкий коридор, узенький коридор; короткое время, более короткое время, коротковатое время*. Поэтому не случайно во многих языках признак сравнительной степени выражает и умеративное (ограничительное) значение; ср. венг. *kis szoba* ‘маленькая комната’ – *ez a szoba kisebb annál* ‘эта комната меньше той’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в своем основном значении) – *egy kisebb szoba* ‘небольшая комната’, ‘не очень маленькая комната’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в умеративном значении); ср. также материалы по удмуртскому языку, в котором признаки сравнительной степени *-gem, -ges* продолжают выражать и умеративное значение тех словообразовательных суффиксов, к которым указанные признаки восходят; в марийском признак сравнительной степени *-rak / -rāk* выражает как умеративное, так и уменьшительное значение [Майтинская 1979: 140–141].

В пермских языках употребляется несколько признаков сравнительной степени; из них удм. *-gem* и *-ges*, восходящие к словообразовательным суффиксам ограничительного (умеративного) значения, присоединяются к форме положительной степени прилагательного или наречия: *юш лым язь лымлэсь чеськытгем* ‘уха из окуня повкуснее уха из язя’, *километр иськемлэсь вакчигес* ‘километр покороче версты’, *юш лым язь лымлэсь чеськытгем кошке* ‘уха из окуня естся повкуснее уха из язя’, *вакчигес ванды* ‘покороче отрежь’.

Происхождение признаков сравнительной степени *-gem* и *-ges* от суффиксов словообразовательного назначения подтверждается прежде всего тем, что *-gem, -ges* и в функции формантов сравнительной степени продолжают выражать оттенок умеративности (повкуснее, покороче), т. е. прилагательные в форме сравнительной степени на *-gem, -ges* указывают, что по качественному признаку одни предметы отличаются

от других лишь незначительно; при сравнении без модеративного значения обычно употребляются конструкции с использованием прилагательного в форме положительной степени, ср. выражения типа: *лым-лэсь ческым* ‘вкуснее ухи’, *иськемлэсь вакчи* ‘короче версты’. Чисто ограничительное значение суффиксов *-gem*, *-ges* отчетливо выступает, например в северозападных говорах удмуртского языка; ср. *so gordgem bubojka baštem* ‘она купила красноватый платок’, *līzges čuškon tupa tīnīm* ‘мне нравится синеватый платок’; словообразовательный суффикс *-gem* (соответствующий удмуртскому *-gem*) прослеживается и в коми диалектах; ср. *napīdgem* ‘сыроватый’, *ižīdgem* ‘довольно большой’, *gīrgem* ‘крупноватый’. И, наконец, широкое применение формантов *-gem*, *-ges* не только при именах и наречиях, но и при местоимениях, глаголах и даже послелогах также свидетельствует об исконно словообразовательном характере этих морфем; ср. удм. *mīges ažlanīn luīškom* ‘чаще всего мы (именно мы) оказываемся в передовых’, *tajzegem agronommes gažaškom* ‘именно этого агронома больше уважаем’, *užagem val, tres koñdon šotīšsalzī* ‘работал бы (букв. ‘более работал бы’), больше денег получил бы’, *kuspazī tupanīges soos kutskizī* ‘между собой они стали жить лучше’. Естественно, что вне сферы имен форманты *-gem*, *-ges* могут употребляться как в модеративном (ограничительном), так и в аугментативном (увеличительно-выделительном) значении, и это показывает, что *-gem*, *-ges*, как и большинство словообразовательных суффиксов, выражали разные семантические оттенки [Майтинская 1979: 143–144].

Элемент *-g-* в составе *-gem*, *-ges* идентичен пермскому именно-му словообразовательному *-g-*, компоненты *-m* и *-s* также возводятся к словообразовательным именным суффиксам *-m* и *-s*. Однако признаки *-gem* и *-ges* произошли в результате переосмысления уже «готовых» сложных словообразовательных суффиксов, переход которых в суффиксы формообразования (сравнительной степени) подтверждается тем, что в последнем качестве *-gem*, *-ges* могут следовать за другими формообразующими (словоизменительными) суффиксами: ср. *korkaos tatīn vīl’ešgem* (или *vīl’ešges*) ‘дома здесь более новые’ (*vīl’* ‘новый’, *-eš-* – признак мн. числа) [Майтинская 1979: 144].

А. И. Емельянов в своей работе «Грамматика вотяцкого языка» при анализе суффиксов сравнительной степени *-ges* и *-gem*, относит «окончание» *-s* первого суффикса к посессивному суффиксу, «окончание» *-m* второго суффикса – к суффиксу отглагольного имени на *-m*. Он пишет: «Первый принадлежит к посессивным образованиям и значит “имеющий что-л.”, второй – к отглагольным и значит “наделенный чем-л.”».

Общее у того и другого суффикса, это звук – g, несомненно суффикс уменьшительных имен.

Функции обоих суффиксов почти одинаковы. Общий суффикс -g- в том и другом случае дает имени значение уменьшительное» [Емельянов 1927: 115–116].

В настоящее время в современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная, б) сравнительная и в) превосходная [ЖГОУЯ 2008: 857].

Положительная степень наречий – это базовая форма, которая чаще всего констатирует данное количество или качество: *йёсог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.

Йырзэ йёсог гинэ йёсутйз миндэр вылысь, учкиз – соку ик ури-бери султйз кёлон интыысьтыз, бызиз бабаез доры, зыгырскиз (Удмурт литература, 66). ‘Голову **быстро** поднял с подушки, осмотрелся – сразу быстро встал с кровати, побежал к бабушке, обнял [ее]’.

Та мадёс Соловьёвлэн но, Гавриловлэн но сюлэмазы мур пычам (Удмурт литература, 166). ‘Этот рассказ и Соловьёву, и Гаврилову **глубоко** в сердце запал’.

Мазэ веранэз, сьёче адямиез шер шедьтод (Удмурт литература, 114). ‘Что и говорить, такого человека **редко** найдешь’.

Сравнительная степень наречий обозначается посредством аффиксов -гес, -гем. В зависимости от семантики наречия суффикс (-гес, -гем) осознается с общим значением «более» или «меньше», т. е. наречие с этим суффиксом обозначает признак действия или качества в большей или меньшей мере, чем он начинен в наречиях несравнительной степени, например:

1) определительные наречия: *йёсог* ‘быстро’ – *йёсоггес* ‘побыстрее’, *мур* ‘глубоко’ – *мургес* ‘глубже’, *шер* ‘редко’ – *шергес* ‘реже’, *шуген* ‘с трудом’ – *шугенгес* досл. ‘более трудно’, *трос* ‘много’ – *тросгес* ‘больше’, *чаляк* ‘быстро’ – *чалякгес* ‘быстрее’, *сак* ‘внимательно’ – *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.

2) обстоятельственные наречия: *кыдёкын* ‘далеко’ – *кыдёкынгес* ‘дальше’, *али* ‘сейчас’ – *алигес* ‘недавно’, *палэнын* ‘в стороне’ – *палэнынгес* ‘более в стороне’, *матэ* ‘ближе’ – *матэгес* ‘поближе’, *бёрысь* ‘позже’ – *бёрысьгес* ‘позже’, *кыдёке* ‘дальше’ – *кыдёкегес* ‘подальше’, *вазь* ‘рано’ – *вазьгес* ‘раньше’ и др.

Здравствуйте, мое почтение, Михаил Федорович! – карнанлэсь но юнгес губырскыса, ньыль пол бёрсе йыбыртъя (М. Кон. Куöv., 68). ‘Здравствуйте, мое почтение, Михаил Федорович! – загнувшись **сильнее** коромысла, кланяется четыре раза подряд’.

Больницаын врачъёс Кирла сярись но **өжытгес** басьто (Г. Крас. Кмк., 13). ‘Врачи в больнице **меньше** Кирилла [денег] получают’.

Гур вылын кыллись гын сапег но солэсь **умойгес** кылэ, дыр (Г. Крас. Кмк., 15). ‘И на печи лежащий валенок **лучше** него, наверно, слышит’.

Сюлэм но огшоры дыръялэсь **čemгес** жугыны кутскем бен тйни, – шуэ Лина, – мон серекъяй гинэ (М. Кон. Куёв., 11). ‘И сердце **чаще** стало стучать, чем в обычные времена, – говорит Лина, – я пошутила только’.

Инкуазен герзаськем но уж дурын кышкытлыклэсь утиськон куронъёсты чакламтэен, кылдйсь кышкыт учыръёс кылем арын **өжытгес** вал (УД, 026–027, 2008). ‘Несчастных случаев, связанных с природой и несоблюдением мер безопасности на производстве, в прошлом году было **меньше**’.

Соин ик азъвыл коркаос вёзы вьльёсыз **жсоггес** пуктйсько (УД, № 026–027, 2008). ‘Поэтому и новые дома рядом со старыми строятся **быстрее**’.

Кыкетй пиналзы вордскиз ке, соос квартира дунзэс 25 процентлы **ичигес** тырыны быгатозы (УД, № 026–027, 2008) ‘Когда родится второй ребенок, они смогут платить за квартиру на 25 процентов **меньше**’.

Туэысен та ласянь **канчигес** луиз (УД, № 025, 2008). ‘С этого года в этом плане стало **легче**’.

Гур вылын кыллись гын сапег но солэсь **умойгес** кылэ, дыр (Г. Крас. Кмк., 15). ‘И на печи лежащий валенок **лучше** него, наверно, слышит’.

Волинэн пумиськемез бадзым пайда сётйз: Сергей пьесазэ нуналмысь нуналэ **мургес** но **мургес** валаз, уноез персонажъёс улэп адымиос кадъ адскыны кутскизы (Иг. Гавр. Вп., 273). ‘Встреча с Волиным дала [ему] большую пользу: Сергей свою пьесу изо дня в день стал понимать все **глубже** и **глубже**, многие персонажи стали выглядеть как живые’.

Сергей арня нуналъёсы но гуртаз нумен **шергес** бертылыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 28). ‘Сергей и по воскресеньям стал реже ездить домой’.

Мугорыз шоры учконо ке, арлыдызлэсь **тросгес** сётод (Г. Крас. Вю., 13). ‘Если посмотреть на его телосложение, [ему] дашь больше [лет] его возраста’.

В пермских языках признак удм. *-žik* к. *-žik* / *-žik* сравнительной степени формировался переходом слова-частицы. В коми языках данный признак является общераспространенным, характерным как для литературных языков, так и для диалектов, причем в коми-зырянском чаще употребляется вариант *-žik*, в коми-пермяцком – вариант *-žik*. В удмуртском *-džik* (*-žik*) используется только в диалектах [Тепляшина 1964: 141,

143–144; 1970: 169; Бушмакин 1965: 24; Кельмаков 1998: 129] (в литературном языке употребляются суффиксы *-get, -ges*): *трӧс* ‘много’ – *трӧсӧсьык* ‘больше’, *чебер* ‘красивый; красиво’ – *чеберӧсьык* ‘красивее’, *бур* ‘хорошо’ – *бурӧсьык* ‘лучше’, *ӧсӧг* ‘быстро’ – *ӧсӧгӧсьык* ‘быстрее’, *матын* ‘близко’ – *матынӧсьык* ‘ближе’, *чем* ‘часто’ – *чемӧсьык* ‘чаще’ и др. По наблюдениям Т. И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах *-ӧсьык* может употребляться самостоятельно, ср. *со ӧсӧгӧсьык ужда* и *со ӧсьык ӧсӧг ужда* ‘он работает быстрее’ [Тепляшина 1970: 184].

Признак *-ӓйк* происходит от усилительной частицы (наречия); ср. к. *ӧз дӓйк* ‘не очень’, удм. *дӓйк* ‘аккуратно’, ‘как следует’.

А. Раун сомневается в наречном происхождении данного признака, утверждая, что *дӓйк* как наречие встречается очень редко; поэтому он предполагает, что последнее появилось путем отделения компаративного признака от основы прилагательного. Однако наречное происхождение *-ӓйк* подтверждается рядом доказательств. Прежде всего данное слово встречается не только в коми языке; в качестве самостоятельной частицы в значении ‘же’, ‘ведь’ *-ӓйк* употребляется и в удмуртских говорах. Как отдельная частица *-ӓйк* может как следовать за подчеркиваемым словом, так и предшествовать ему.

Общий процесс превращения наречия *ӓйк* в суффикс сравнительной степени протекал, по словам Б. А. Серебренникова [1963: 161–162], следующим образом.

Первоначально в пермских языках сравнительная степень выражалась синтаксическим путем. Предмет, с которым сравнивался по качеству другой предмет, ставился в аблативе. Этот способ выражения сравнительной степени до сих пор сохраняется в языке коми, ср., например, *Puys kerkays̄ žužyud* ‘Дерево выше дома’. Этот способ, вне всякого сомнения, является первичным, поскольку он широко представлен в других финно-угорских языках. Однако эта конструкция сама по себе является маловыразительной, т. к. прилагательное остается без изменения. В целях создания контраста в коми языке прилагательное стало усиливаться наречием *ӓйк*, в результате чего возник новый способ выражения типа *puys kerkays̄ žužyudӓйк* ‘дерево по сравнению с домом очень высокое (или довольно высокое)’. Частое употребления такого способа привело к тому, что наречие превратилось в суффикс, и прилагательное, снабженное этим суффиксом, получило новый семантический оттенок – «обладающий большей степенью данного качества».

Происхождение суффикса *-ӓйк* из наречия *ӓйк*, некогда означавшего ‘очень’, может быть весьма вероятным. В свою очередь наречие *ӓйк*

может иметь и другие этимологические связи, ср., например, мар. *šoka* ‘густой (о волосах)’, к.-з. *šōk-ud* ‘частый’, ‘густой’.

Сравнительная степень в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, может быть выражена и аналитическим способом, т. е. без присоединения специального сравнительного суффикса – сочетанием наречия или послелога с именем существительным или местоимением в разделительном падеже, например:

Вокзалэз бомбить каремзылэсь азьвыл потыны вуоно (Удмурт литература, 79). ‘Нужно успеть выйти до (букв. ‘пораньше’) того, как начнут бомбить вокзал’.

Картэзлы осконэз Ларисалэн войналэсь азьвыл ик кыляны одъяз (Удмурт литература, 86). ‘Вера Ларисы в мужа начала теряться уже до войны’.

Шултэм куараезлэсь берло ачиз куалектэ (Удмурт литература, 92). ‘Потом от своего свиста сам же вздрагивает’.

Өвёл, лучше ачим, чыртъям из думыса, Вятка пьдсы васько. Солэсь капчи номыр но уз лубы ни (Удмурт литература, 106). ‘Нет, лучше я сам, привязав к шее камень, опущусь на дно Вятки. Легче этого уже ничего не будет’.

Тодо-а татын солэсь азьвыл беспризорник луэмзэ? (Удмурт литература, 113). ‘Знают ли здесь, что он до этого был беспризорником?’.

Кутоно, марысь-мар луэмлэсь азьло кутоно но берлань келяно (Удмурт литература, 119). ‘Надо взять, пока что-нибудь не случилось, надо взять и обратно отправить’.

Юн кариськыны тыршыса, Омель, Демилэсь азьло гуртэ вуон понна, ёогрес султйз но чырткем бызьыса кошкиз (Удмурт литература, 119). ‘Собравшись с духом, Емельян, чтобы попасть в деревню раньше Демьяна, резко встал и быстро побежал’.

Для развития форм **превосходной степени** наречий характерно заимствование «готовых» частиц, которые уже в языке-передатчике использовались как компоненты форм или конструкций превосходной степени.

Русская аналитическая форма превосходной степени типа *самый широкий*, *самый красивый* и т. д. оказала большое влияние на зарождение аналитических конструкций превосходной степени ряда финно-угорских языков. Последними перенята не только модель русской конструкции, но и заимствована с разными фонетическими изменениями и частица *самый*.

Удмуртским языком рус. *самый* заимствовано в виде *satoj* [Майтинская 1979: 160–161].

Таким образом, превосходная степень в удмуртском языке передается лишь аналитическим способом: *самой* + наречие в положительной форме.

Самой азыпалан Шевелёв сюрес возматыса мынэ (Иг. Гавр. Вп., 649). ‘**Впереди всех**, показывая дорогу, идет Шевелев’.

Мамалы самой матын – Подшивалын – уло Ира но Лина (УД, № 130–131, 2007). ‘**Всех ближе** к матери – в [селе] Подшивалово – живут Ира и Лина’.

Табере, уть, кылзы воксё мукет пала берыктійськемын, соос гинэ та водопровод сярись самой трос тодйез шуо... (Г. Крас. Кмк., 6). ‘Теперь, посмотри, разговор в другое русло поменяли, только они, говорят, об этом водопроводе **больше всех** знают...’.

Сьод куакаос самой бербушато шаермес – куддыр воксё но октябрь кутсконын (УД, № 132, 2007). ‘**Позже всех** наши края покидают грачи – иногда даже только в начале октября’.

2.4. Степени качества наречий

До последнего времени степени качества в удмуртском языке не выделялись. Первые попытки обозначить категорию степеней качества были предприняты И. В. Таракановым в 1975 году в работе «Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка», где автор оперирует термином «так называемые слова степени» и приводит следующие примеры: *акамат айбат* ‘очень хороший’, *артык чебер* ‘очень красивый’, *тямасыз дюжыт* ‘слишком высоко’ и др. [Тараканов 1975: 180]. В дальнейшем эту тему подробно исследовал Д. А. Ефремов. Он справедливо отмечает: «У имени прилагательного отдельно от степеней сравнения выделяются степени качества (не имеющие отношения к словообразованию) и мы полностью солидарны с теми исследователями [Kel'makov, Saarinen 1994: 111–114; Тараканов 1996а, 1996б; Кельмаков 1998: 130–133]» [Ефремов 2009: 61].

Степень качества – это лексико-грамматическая категория, обозначающая субъективную оценку степени интенсивности проявления признака. Различные степени качества указывают на интенсивность проявления признака, но без сравнения с качеством другого предмета. При выражении степени качества говорящий дает также и свою субъективно-эмоциональную оценку, причем оценка говорящим является во многих случаях определяющей [Лудыкова, Федунева 2003: 38].

В удмуртском языке на данном этапе выделяется три степени качества наречий: а) позитивная, б) уменьшительная (модератив) и в) усиленная (интенсив) [КГОУЯ 2008: 857].

Позитивная степень наречий, как и положительная степень степеней сравнения наречий, выражается базовой формой: *мур малпаськыны* 'глубоко думать', *шуак кошкыны* 'неожиданно уйти', *чебер эсутскыны* 'красиво подняться' и др.

Эн люкеты солы, атаед мур малпаське: ужез солэн сыче (Уль. Бадр. Млч., 38). 'Не мешай ему, твой отец **глубоко** размышляет: работа у него такая'.

Вылтырыз сьод пильыс кадь чиля, чыртыез атаслэн кадь чебер эсутскемын (Иг. Гавр. Вп., 43–44). 'Его тело словно черный бархат блестит, шея, словно у петуха, [**красиво**] приподнята вверх'.

Виль ужын шуак кошкыны умой оз поты (С. Самс. В., 153). 'На новой работе **неожиданно** отлучиться неприлично'.

Уменьшительная степень (модератив) – образуется посредством аффиксов *-алэс* (*-ялэс*), *-мыт*, *-пыр(ьем)*: *эжоэжмыт вазиз* 'с грустью (букв. 'грустновато') сказал'; *буртчин дэремез лызалэс ворежья* 'ее шелковое платье переливается голубоватым цветом'; *ваньмыз соослы льольпыр адске* 'всё им видится в розовом цвете' и др.

Кин ке чукна эжоэжмыт лулзе, ческыт вөтсэ жалаяса, кин ке капчияк шокче, кышкыт уйвөтэзлэсь мөзмыса... (УД, № 075–076, 2008). 'Кто-то утром **грустно** вздохнет, жалея сладкий сон, кто-то с легкостью выдыхает, освободившись от страшного сна...'

Жоэжмыт кесяськыса ик, со мукет пала кошкыз (С. Ших. Тув., 5). '**Грустно** прокричав, она ушла в другую сторону'.

Отын, мур-мур музьем пушкын, пеймытын эгыр чанак та сирень выллем лызалэс ништылэ, – пальышаса тодаз вае вань улоназ тужгес но секыт но со дыре ик дано ужез быдэсьям адыми – шахтёр Гимм Токтаров (УД, № 104, 2007). 'Там, **глубоко-глубоко** под землей, в темноте уголь светится **голубоватым** цветом, точно как эта сирень, – улыбаясь, вспоминает человек, выполнявший труднейшую, но в то же время почетную работу – шахтер Гимм Токтаров'.

Следует отметить, что употребление примеров на *-алэс* (*-ялэс*) и *-пыр(ьем)* в качестве наречий крайне редко. Зачастую они встречаются в роли прилагательного.

В модеративном значении может выступать и аффикс *-гес* (*-гем*), который при выполнении своей основной функции является показателем сравнительной степени прилагательного (наречия), например:

Ялан оэпөртэм супьлтэ: «Ижевске вуйд ке, монэ эн вунэты, жоэжгес квартира утча но гоэжэт ысты» (Иг. Гавр. Вп., 107). 'Постоянно одно и то же твердит: «Когда приедешь в Ижевск, меня не забывай, **быстрее** найди квартиру и отправь письмо'.

Öвөл, өвөл, мынам татї гинэ чушалтонэ кылиз на, – аяз ошкись дэрэм сөзыэ пьдес куспаз пачкатыса, **шугенгес** ужа Катя (С. Самс. В., 149). ‘Нет, нет, мне здесь лишь осталось протереть, – зажав меж коленями свисавший подол платья, **тяжеловато** работает Катя’.

Пияш **сакгес** учкиз нюк шоры но, син шораз йөтїз мырдэм тод-мамон нюк пьдсысь куакьёс сьөрысь їсутїськись чын юбо (Удмурт литература, 47). ‘Мальчик **внимательнее** посмотрел на овраг, и в глаза ему бросился еле заметный, поднимающийся со дна оврага из-за ку-стов столб дыма’.

Кыдёкынгес пужьмо нюлэс (Иг. Гавр. Вп., 6). ‘**Чуть** подальше сос-новый бор’.

Кайгыронэзлэн мугез таёе: **алигес** гинэ со шедьылїз їсомыт По-хьёла шаере; отысь мозмытскон но дораз бертон понна, кылзэ сөтїз, ас интыяз татчы дано батырез Ильмариненэз ыстоз шуыса (Удмурт литература, 25). ‘Причина его печали следующая: **совсем недавно** он побывал в темной стране Похьёла; ради того, чтобы освободиться от-туда и вернуться на родину, он дал слово, что на свое место сюда от-правит славного богатыря Ильмаринена’.

Нюлэслэсь но гуртлэсь **палэнынгес**, шурлы кыдёкын ик өвөл, адзьське кебит (Удмурт литература, 44). ‘**Чуть в стороне** от леса и деревни, недалеко от речки, виднеется кузница’.

Нырысь тїни мыным со медаль нокыёе өз йөты ке но, **бөрысьгес** Москваысь университетэ экзаменьёс сөтытэк пырыны но, Москваы-сен секыт нуналгёсы коньдон шедьтылыны но юрттїз: стипендия азын коньдонэн укыргес ик ёрмыт луылыку, ми, школа понна медаль басьтэмгёс, медальёсмес огвакытлы ломбардэ келляны дышимы (Уд-мурт литература, 127). ‘Хотя вначале эта медаль мне никак и не по-надобилась, **позже** она помогла мне без экзаменов поступить в мос-ковский университет, помогла и в тяжелые московские дни находить деньги: испытывая большую нужду в деньгах перед стипендией, мы, получившие медали в школе, научились оставлять свои медали под за-лог в ломбарде’.

Усилительная степень (интенсив) наречий образуется двумя спо-собами:

1) синтетически, посредством редупликации основы прилагатель-ного, например: *зеч-зеч малпаны* ‘хорошенько подумать’, *умой-умой валаны* ‘хорошо понять’, *юг-юг гөртыны* ‘покрыться белым инеем’ и др. Повторы, как один из способов деривации, применяются в боль-шинстве языков мира, но для финно-угорских языков они особенно характерны и являются одним из типологических признаков. Как от-

мечает коми лингвист М. С. Федина, они несут самые разнообразные семантические функции (выражают идею собирательности, множественности, длительности, разделительности, неопределенности, употребляются для выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту), но их важнейшей функцией является выражение усиления качества, признака, действия и высокой интенсивности их проявления [Федина 2000: 295].

Ваньзэ жеч-жеч малпаз но аслэсьтыз янгышсэ валаз: кужмысь яратыны уд кос (Иг. Гавр. Вп., 172). ‘Он все **хорошенько** обдумал и понял свою ошибку: насильно мил не будешь (букв. ‘любить не заставишь’)’.

Кытчы мынэмзэ Сергей ачиз но умой-умой öз вала (Иг. Гавр. Вп., 580). ‘Куда идет, Сергей сам **толком** не понял’.

Отын но татын нимазы сылйсь беризьёс юг-юг гöртэмын, кызь-ёслэн вайёссы бордын лымы ошкылэмын (Иг. Гавр. Вп., 580–581). ‘Там и здесь в одиночку стоящие липы покрыты **белым-пребелым** инеем, с ветвей елей свешивается снег’.

Зэмзэ но, Дубов ас вордскемзэ, кин луэмзэ умой-умой уг тоды (М. Кон. Куöv., 13). ‘И вправду, Дубов о своем рождении, кто он – **хорошо** не знает’.

2) аналитически – сочетанием наречий *туж* ‘очень’, *укур* ‘очень, слишком’, *ортчыт* ‘очень, слишком’, *юн* ‘очень’, *дурыстэм* ‘слишком’, *сокем* ‘настолько’, *лекос* ‘очень’ с другими наречиями положительной степени, например: *йёсог* ‘быстро’ – *туж йёсог* ‘очень быстро’, *мур* ‘глубоко’ – *уката мур* ‘очень глубоко’, *шер* ‘редко’ – *юн шер* ‘очень редко’ и др.

Кин ке со юалоз: коркаосты укыр йёсог пукто, ар-кык ортчыса, сылмыны-пограны уз кутске-а? (Удмурт дунне, № 026–027, 2008). ‘Кто-либо спросит: дома [ваши] **очень быстро** строят, не начнут ли они рушиться через год-два?’.

Милям вашкала выжсыямы паймоно кадь вал песьтаймы: дурыстэм зол яратоз вал мунчоез, ужез но öз луы кадь солэсь мусоез (А. Увар. ПМкм., 338). ‘У нас в древнем роду был удивительный дед: очень (букв. ‘**чрезвычайно**’) **сильно** любил баню, не было для него занятия лучше’.

«*Укур чебер кырза*», – *шуыло соос* (Иг. Гавр. Вп., 569). ‘«**Очень красиво** поет», – говорит они’.

Сюбег, укыр сюбег возьматйськом асьмеос улонзэ! – *зырдыт кутскиз со* (Иг. Гавр. Вп., 565). ‘Узко, **очень узко** показываем мы жизнь! – горячо начал он’.

*Кин со сюрес кузя **сокем юн** ворттыса лыктэ?* (К. Митр. Сз., 60). ‘Кто это по дороге **так сильно** скачет [на лошади]?’.

*Таёе ужжумлы поп **верантэм юн** паймиз* (К. Митр. Сз., 74). ‘Такому делу поп **несказанно сильно** удивился’.

*Вось луэмеzlэсь чидатскыса, быгатйз ишкалтыны пукычй ньёлэз, малпаз: «Ярам ай, **туж мур** мертчымтэ»* (Удмурт литература, 60). ‘Перетерпев боль, [он] смог выдернуть стрелу лука, подумал: «Хорошо, что не вонзилась **очень глубоко**»’.

*Мон **туж уно** черкьёс пуктылйй* (К. Митр. Сз., 26). ‘Я **очень много** церковей построил’.

Таким образом, большое многообразие структурных разновидностей словообразования наречий и тот факт, что большинство наречий, за исключением небольшого числа так называемых первообразных, создано на базе других частей речи, позволяют судить о широкой интенсивности процесса развития и усовершенствования данной категории слов. Такая морфологическая разноструктурность и этимологическая близость наречия с другими частями речи говорит не только о слабой дифференциации их между собой, но и свидетельствует о результатах их взаимообогащения, взаимовлияния.

ГЛАВА 3. СИНТАКСИС НАРЕЧИЙ

К работам, которые в той или иной мере затрагивают вопросы синтаксиса наречий удмуртского языка, можно отнести следующие труды: «Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения» [ГСУЯ 1970], «Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения» [ГСУЯ 1974], «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» [Перевощиков, 1959], «Глагольные словосочетания» [Перевощиков, 1980].

Основная синтаксическая особенность наречия – быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств:

1. Обстоятельства **времени**, например:

Толон *лэытазе пароходъёс туж зол кесяськылйзы: ваче мырысь-кемзылэсь кышказы, дыр* (Иг. Гавр. Вп., 600). '**Вчера** вечером пароходы очень сильно гудели: наверно, боялись столкновения'.

Чукна *югыт луон азын профессор гуртаз кошкыз, нош Толяэн койка дорысьтыз Воронцов лумбыт оз кошки* (Иг. Гавр. Вп., 603). '**Утром**, перед рассветом, профессор ушел домой, а Воронцов целый день не отходил от койки Толи'.

Туннэ *нырысьсэ со атай сямен учке, ымнырысьтыз маке туж тодмозэ но кулзэз шедьтыны турттэ кадь* (Иг. Гавр. Вп., 604–605). '**Сегодня** он впервые смотрит по-отцовски, будто пытается увидеть на лице что-то знакомое и нужное'.

Законъя **али** *солы куинь свидетельёс кулэ, пе, тон озьы-озьы, ужжатэк од улы, ми тодйськом шуыса* (Г. Крас. Кмк., 15). 'По закону ему **сейчас** нужно три свидетеля, дескать ты, так и так, без работы не жил, мы знаем'.

Атасэзлэсь чоръямзэ кылзон понна, вазь *ик султэ но кыштырак ураме потэ* (Н. Самс. Чач., 181). 'Чтобы услышать пение своего петуха, **рано** встает и быстро выходит на улицу'.

2. Обстоятельства **места**, например:

Азыпалан номыр уг адзиськы – бус уката нап вёлскем (Иг. Гавр. Вп., 600). ‘**Впереди** ничего не видно – туман еще гуще растирался’.

Кылскы, тон... передвижник, – вожез потиэ Сергейлэн, – лейтенант кылйз ке куарадэ, берлань берыктоз но ваньзэ ик выльысь лэсьтыны косоз (Иг. Гавр. Вп., 601). ‘Послушай, ты... передвижник, – рассердился Сергей, – если лейтенант услышит тебя, **обратно** воротит и все заново заставит делать’.

Кулинарной школаез быдтыса, Ижевскын ужай, собере татчы ыстйзы (Иг. Гавр. Й., 232). ‘Закончив кулинарную школу, [я] работала в Ижевске, потом направили **сюда**’.

Татысен со уката но паймымонгес мае ке адзем: корка йсуа, адымиос тылпуэз котыртыса сыло но учко, кызьы улоно юртэз тылпу син азязы юдэ но сие (К. Кул. С., 249). ‘**Здесь** он увидел что-то еще более странное: дом горит, люди стоят, окружив пожар, и смотрят, как огонь расщепляет и съедает жилое помещение’.

Юртэз вёл-вёл, ваньдылы отын инты сюроз – кёня ке чидалэ на, дуноосы, война быриз ке, сыче корка пуктом, сыче корка пырон ортчытом! (Р. Вал. Уп., 50). ‘Дом просторный, вам всем **там** найдется место – немного потерпите еще, мои родные, когда война закончится, такой дом построим, такое новоселье проведем!’.

3. Обстоятельства **цели**, например:

Юлтоше сумкасьтым ватэм тетрадьёсме юри поттэ но дышетйсьлы возматэ (УД, № 018–019, 2008). ‘Мой товарищ **нарочно** вытаскивает спрятанные в моем портфеле тетради и показывает учителю’.

Сояз дуннее мынэм берам но, нумыръёс сиыса быдтытозь, монэ вунэтонтэм сэсты вал, калык кутоз, йсыныё карозы, ваньмыз чик юнме быроз (Удмурт литература, 109). ‘И после того, как уйду на тот свет, пока черви меня не съедят, обругал бы меня сильно, народ не даст, прервет, все бесследно (**зря**) пропадет’.

Интыяды ик ваньмытом ведь, – огишоры гинэ, вожзэ поттытэк, шуиз винтовкаен пиосмурт (Удмурт литература, 138). ‘На месте же пристрелим ведь, – **спокойно**, без чувства злобы, сказал человек с винтовкой’.

Огаз сйзьыл нуналэ мон со похоронноез сётыны юромом дорад пыри вал, Окыль (К. Лом. ВэнО., 228). ‘В один осенний день я **нарочно** зашел, было, к тебе занести ту похоронку, Акулина’.

Мар-ось мынам ваньбуре-няне-а мултэс, токма шорысь мурт нылпиез сюдыса возьыны? (Р. Вал. Уп., 52). ‘У меня что состояние (букв.

‘богатство, хлеб’) что ли лишнее, **ни с того, ни с чего** содержать чужого ребенка?’.

4. Обстоятельства **образа или способа действия**, например:

*Нырулыса но мылзы потытэк нукись артистѳс доры но ыркыт тёл вуиз кадь – ваньзы ик **сак** кариськизы* (Иг. Гавр. Вп., 607). ‘Словно свежий ветер подул на дремлющих и без настроения сидящих артистов – все насторожились (букв. ‘**сделались внимательнее**’)’.

*Тйни со кышномурт сярись Сергей пьеса гожсто шуыса малпа вал но, «Югыт сюрес» драмазэ ярантэм шуыса палэнтэмзы бере, мылкы-дыз **чылкак** куашказ* (Иг. Гавр. Вп., 608). ‘Вот об этой женщине Сергей думал написать пьесу, но после того, как его драму «Светлый путь» отстранили как непригодную, его настроение **совсем** испортилось’.

*Катя **чалмыт** кылзйз но Сергей шоры лушкемен учкылйз* (Иг. Гавр. Вп., 609). ‘Катя **молча** слушала и **тайком** посматривала на Сергея’.

*Мунчо азе мыныса, со [кочыш] тубатэти **каньылэн** сиге тубиз* (П. Черн. Тп., 142). ‘Пройдя в предбанник, она [кошка] **с легкостью** поднялась по лестнице на чердак’.

*Ярам коть, подполковник Шевкунов **кужмысь** косйз, кузь сюрес вылын, пе, олома но луыны быгатэ* (Г. Пер. Нз., 119). ‘Хорошо хоть подполковник Шевкунов **насильно** приказал, на длинной дороге, мол, неизвестно что может случиться’.

5. Обстоятельства **меры и степени**, например:

*Ижевске **сокем** өз дырты, **макем** дыртйз вордскем гуртаз Бадзымишуре* (Иг. Гавр. Вп., 98). ‘**Так** не торопился он в Ижевск, как (букв. ‘**до такой степени**’) торопился в родную деревню Бадзымшур’.

*Соуз но умой өвёл: Варалэн партнёрез Волин мугорын чиед, Вараен артэ султэ ке, **уқыр** пинал адзиське* (Иг. Гавр. Вп., 611–612). ‘Нехорошо и то, что партнер Вари Волин худощавый, когда становится рядом с Варей, выглядит **слишком** молодо’.

*Спектаклез учкыны лыктэмѳс трос вал ини, Катя соос пёлтй **туж** йсог кошкыз но, сцена сьоры потыса, артистической комнатае пыриз* (Иг. Гавр. Вп., 614). ‘Пришедших на спектакль зрителей было уже много, Катя **очень** быстро пробралась сквозь них, и пройдя за сцену, зашла в артистическую комнату’.

*Нош трамвайысен Федяз пичи дырысеныз ботъыртыны уг лэзё: адыми, пе, олокыче мылкыдоез но вань, кудйз жадемын, дыр, кудйз висе, муртлэсь вераськемзэ **чик** но кылзэмзы уз поты* (П. Черн. Снн., 124). ‘А в трамвае Феде с детства не разрешают болтать: люди, мол, разные бывают, одни уставшие, наверно, другие болеют, разговоры чужих **вообще** не хотят слушать’.

Солэн мугорыз мамык валесэ **уката** пыдло выйиз, бамъёсыз огдырлы чыжектйзы (К. Лом. ВэнО., 226). ‘Ее тело **еще** глубже утонуло в пуховой постели, ее щеки раскраснелись’.

6. Обстоятельства **меры и количества**, например:

Огнол, Межевая ураметй кошкыкуз, Катя адъиз картэныз чюш улэм квартиразэ (Иг. Гавр. Вп., 613). ‘Однажды (букв. ‘**один раз**’), проходя по Межевой улице, Катя увидела квартиру, в которой жила вместе с мужем’.

Катялы та рользэ **тырмыт** репетировать карыны өз тупа, одйг прогонэз но өз ортчы, генеральнойын но өз шуд (Иг. Гавр. Вп., 614). ‘Кате не удалось эту роль **достаточно** репетировать, ни одного прогона не прошла, и в генеральной не сыграла’.

Вот тауз пёртмаськоз уни! – вера Ондрей агай, кузпалэз пала **ёжытак** мыкырскыса (Иг. Гавр. Вп., 617). ‘Ну этот уже начнет скомо-рошничать! – говорит дядя Андрей, **немного** склонившись к жене’.

Возьятэ вуттыны кутскиз Муканов: тыныд, пе, Васильев, **сомында** Почётной грамотаос, премиос сётъямы... Хо-хо! (Г. Крас. Кмк., 8). ‘Муканов стыдить начал: тебе, говорит, Васильев, **столько** Почетных грамот, премий давали... Ох-ох!’.

Вера ай, пересь тятя, – ме́чак юасько, – кызьы тон дунне вылын **тамында** улйськод? (Ег. Загр. Гз., 151). ‘Скажи-ка, бабушка, – напрямую спрашиваю, – как ты на земле **столько** живешь?’.

Кроме обстоятельственной функции, наречие в предложении редко может выступать в роли сказуемого, например:

Нырысетй каналысь Антон Верницкий, НТВ-ысь Владимир Кондратьев, «Комсомольская правдаысь» Александр Гамов – журналистикаысь кизилиос ваньзы **татын** (УД, № 024, 2008). ‘Антон Верницкий с Первого канала, Владимир Кондратьев с НТВ, Александр Гамов из «Комсомольской правды» – все звезды журналистики **здесь**’.

Кылзйськызы пиосыз, армие ветлэмзы бере, огзы но доре өз кариське ни: Семон Ижын улэ, чугун сюрес вылын ужасько, пе, Иван кытын ке **кыдёкын**, Петыр кытй ке бен пал районын колхозын ик ужа (Н. Самс. Канк., 187–188). ‘Послушались его сыновья, после армии ни один дома не остался: Семен живет в Ижевске, говорит, на железной дороге работает, Иван где-то **далеко**, Петр работает в колхозе же где-то в другом районе’.

Ужмы **прос**, малпанъёс – эшишо но (УД, № 026–027, 2008). ‘У нас работы **много**, мыслей – еще больше’.

Нюлэс **матын ёвёл**, куамын иськемысь выписать каризы, Онтонэз отчы делянка принимать карыны ыстйзы (Г. Крас. Ок., 37). ‘Лес

не близко, выписали за тридцать километров, Антона отправили туда принимать делянку’.

Наречия в удмуртском языке, как и другие части речи, подчиняются определенным синтаксическим законам, вступая в синтаксическую связь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. В предложении наречие как знаменательная часть речи обязательно сочетается с другими словами. В отличие от других знаменательных частей речи, морфологическая неизменяемость наречий создает особый характер синтаксической связи их с глаголами – примыкание.

Посредством примыкания наречия могут сочетаться со всеми формами глагола. Спрягаемые и неспрягаемые формы глаголов могут сочетаться с наречиями качества, количества, места, времени и цели. По наблюдениям П. Н. Перовщикова, наиболее распространенными из них являются словосочетания глаголов с наречиями качества. В этих словосочетаниях наречия примыкают к глаголам и предшествуют им по месту расположения в предложении [Перовщиков 1980: 109].

Словосочетания глаголов с наречиями качества (определительные наречия) выражают определительно-обстоятельственные отношения. Глагол в них называет действие, а наречие выражает действие, обозначая способ или образ его проявления.

Район ласянь ветійсьёс кудйз лачмытэн валэктэ, кудйз йёскадь вераськыны уг вуылы (К. Митр. В., 34). ‘Проверяющие из района некоторые **основательно объясняют**, некоторые толком разговаривать не успевают’.

Кужмысь-кужмысь басьтыны турттійськиз но, табере огшоры-а сётыса лэжд ни, – Жумья туж куалектыса, Сергеезлы вераса, липет улын пукись муртэз суйтйз кыска (Ал. Мир. Гд., 54). ‘Любыми способами (букв. ‘**так насильно**’) старались **купить**, и теперь так просто отдадим, что-ли, – Зумья, сильно испугавшись, говорит Сергею и тянет за руку сидящего под навесом человека’.

Жёк съорысь султэм бераз, трубказэ аратйз но, чынзэ вьюшкае пелляса, сопыр кыске, нумен мур-мур лулскылэ, ялан кызэ (Иг. Гавр. Вп., 687). ‘После того, как он встал из-за стола, закурил трубку, пуская дым через вьюшку, **жадно затягивается**, иногда **глубоко вздыхает**, постоянно кашляет’.

Словосочетания глаголов с наречиями количества. К глагольным словосочетаниям с наречиями качества по некоторым признакам близки словосочетания глаголов с количественными наречиями. Количественные наречия составляют особую группу внутри качественных наречий. Эти словосочетания также являются продуктивными. В них

наречия количества примыкают к стержневому слову и располагаются перед ним. Глагольные словосочетания с количественными наречиями, как и словосочетания с наречиями качества, выражают определительно-обстоятельственные отношения. Однако эти отношения являются здесь обобщением несколько иных смысловых связей. Глагол в таких словосочетаниях называет действие, а наречие – количественную характеристику этого действия (длительность, повторяемость, интенсивность, степень проявления действия и т. д.).

*Ачид ке өд шедьты, колхоз **прос уз сёты**, пие* (Г. Крас. Вю., 13). ‘Если сам не найдешь, колхоз **много не даст**, сынок’.

*Коркан пеймыт, укно нерге гинэ **өжыт пиштэ*** (Удмурт литература, 141). ‘В доме темно, только небольшое (букв. ‘что-то наподобие’) окно **немного светит**’.

Огнол кылй: Коньы Толя, пе, кузьмадёс-дауркыл (повесть-легенда) гожтэм – вашкала Бухараысь вузчиослэн удмуртьёс доры Иднакарозь вуылэмзы сярись (Удмурт литература, 42). ‘**Однажды слышал**, будто Коньы Толя [Анатолий Леонтьев] написал повесть-легенду – о прибытии торговцев из древней Бухары к удмуртам в Иднакар’.

Сочетания глаголов с наречиями места. Глаголы сочетаются с разными наречиями места. По группам этих наречий можно классифицировать и словосочетания с названной частью речи.

В **первую** группу входят сочетания глаголов с наречиями места на *-ысь (-сь)*, соотносительными по своей форме с исходным падежом имен, например:

*Со ачиз старшой вал, час талэсь азьвыл гинэ **вуиз отысь**, нош али сюресэз сураз но пырак нюкетй васькиз* (Иг. Гавр. Вп., 664). ‘Он сам старшим был, час тому назад только **оттуда прибыл**, а сейчас дорогу перепутал и спустился прямо по оврагу’.

*Кин гинэ **татысь** кытчы ке **кошкиз** яке кошкыны гинэ дасяськиз, тон соку ик мыным вералод* (Иг. Гавр. Вп., 672). ‘Кто **отсюда** куда-нибудь **уйдет** или захочет уйти, ты тогда же мне доложишь’.

*Ми Семен шумпотыса, **пыдлось лулзим*** (Иг. Гавр. Шп., 213). ‘Мы с Семеном, обрадовавшись, глубоко (букв. ‘**из глубины**’) **вздохнули**’.

Глагольные словосочетания с наречиями на *-ысь* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в них отвлеченно называет место, откуда исходит движение, действие, обозначенное глаголом. С наречиями на *-ысь* обычно сочетаются глаголы движения, реже – глаголы действия.

Во **вторую** группу входят сочетания глаголов с такими наречиями на *-ысен*, которые по своей форме соотносительны с отдалительным падежом имен, например:

Кыдөкысен гинэ кылйське тэлылэн куашетэмез, каньылля дулзылэмез; олокытын, азвесез кисьтэм сямен, мур жонгыртэ... (К. Герд, М., 13). 'Лишь **издалека слышится** шум леса, его легкое дыхание; где-то глубоко звенит, будто пересыпают серебро...'

Татысен соос Москва пала вьль наступление дасяны чаклазы (Иг. Гавр. Вп., 647). 'Здесь (букв. 'отсюда') они **запланировали начать** новое наступление в сторону Москвы'.

Камашев палэнысен эскере сое, аратэм цигаркаез бугыр чындэ (Иг. Гавр. Вп., 648). 'Камашев **проверяет** ее **со стороны**, его зажженная сигарка дымит густыми клубами дыма'.

Между глагольными словосочетаниями первой и второй группы наблюдаются некоторые элементы общности. Словосочетания глаголов с наречиями на *-ысь*, как и с наречиями на *-ысен* выражают обстоятельственные отношения на основе следующих смысловых связей. Глагол в них обозначает движение или действие отвлеченного значения (восприятие), а наречие показывает направленность движения, действия. В словосочетаниях с наречиями на *-ысен*, как и с наречиями на *-ысь*, стержневыми словами чаще являются глаголы движения и восприятия.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ысь* выражают движение, действие и место, откуда оно исходит. А словосочетания глаголов с наречиями на *-ысен* обозначают движение, действие и откуда оно исходит, с какого пункта начинается.

В **третью** группу входят сочетания глаголов с наречиями на *-ын* (-н), которые по своей форме соотносительны с местным падежом имен, например:

Котькытын кылйсько капкаослэн, ыбесъёслэн зукыртэм куараос (Уль. Бадр. Млч., 31). '**Везде слышится** скрип ворот и калиток'.

Кыдөкын бомбить карыло: музейм зуркак вырзылэ (Иг. Гавр. Вп., 636). '**Вдалеке бомбят**: земля содрогается'.

Отын гранатаос пуштыло, пулемёт дыбыртэ (Иг. Гавр. Вп., 641). '**Там** гранаты **взрываются**, пулемет стрекочет'.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ын* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих конструкциях отвлеченно называет место, где совершается действие, обозначенное глаголом.

В **четвертую** группу входят сочетания глаголов с такими наречиями на *-ы* (варианты *-э*, *-е*, *-о*, *-а*), которые по функции и по своей форме соотносительны с входным падежом имен, например:

Писательёс сяна, татчы лыктйллям журналистьёс, артистьёс, литкружокёслэн членъёссы но студентъёс (Иг. Гавр. Вп., 624). 'Кроме

писателей, **сюда** пришли журналисты, артисты, члены литкружка и студенты’.

Одйг талантэн гинэ кыдёке уд мын, улонэз жеч тодэм кулэ... (Иг. Гавр. Вп., 634). ‘С одним талантом **далеко не уйдешь**, жизнь надо знать хорошо’.

*Моторъёс вузо, гусеницаос съод сюез бугыртыса чабьясько, нош, азылань мынэм интые, уката но **пыдло месо*** (Иг. Гавр. Вп., 648). ‘Моторы ревут, гусеницы скребут, взрыхляя черную землю, но, вместо того, чтобы продвигаться вперед, **зарываются глубоко** в землю’.

Словосочетания с наречиями на *-ы, -э (-е)* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих построениях отвлеченно называет место, куда направлено действие, движение, обозначенное глаголом.

В большинстве случаев с наречиями на *-ы* сочетаются глаголы движения и восприятия и совсем редко глаголы физического действия.

В **пятую** группу входят сочетания глаголов с наречиями на *-этий (-етий), -тий*, соотносительными по функциям и по своей форме с переходным падежом имен, например:

Вылэтий лобаз но кошкиз (Иг. Гавр. Вп., 636). ‘Он **поверху** полетал и улетел’.

Матэтий ик ортчыло пуляос (Иг. Гавр. Вп., 666). ‘Совсем **близко** пролетают пули’.

*Али соос пушказы дорын, нош ыбылэмьсь дугдйзы ке, **отий** но **татий ветлыны кутскозы*** (Иг. Гавр. Вп., 668). ‘Сейчас они около своей пушки, но когда перестанут стрелять, и **там** и **здесь начнут ходить**’.

Сфера употребления рассматриваемых словосочетаний несколько похожа на уже рассмотренные выше глагольные словосочетания с наречиями других групп. Они выражают обстоятельственные отношения. Наречие в них отвлеченно называет место, по которому происходит движение, обозначенное глаголом. В качестве стержневого слова в абсолютном большинстве случаев в них выступают глаголы движения.

В **шестую** группу входят сочетания глаголов с наречиями на *-лань*, соотносительными по функции и своей форме с именами в направлении падеже, например:

Верам кылэзэ Наталья берлань медаз басьты шуыса дыртэ (К. Митр. В., 34). ‘Торопится, **чтобы** Наталья **не взяла обратно** свои сказанные слова’.

Лудын! – Данто кизэ, вылэ ёсутыса, азылань мычиз (Иг. Гавр. Вп., 630). ‘На поле! – подняв руку вверх, Данто **указал вперед**’.

*Матвеев, ёсёк съёрысьтыз султыса, **комнатаетий солань-талань ветлыны кутскиз*** (Иг. Гавр. Вп., 635). ‘Матвеев, встав из-за стола,

начал ходить по комнате взад-вперед (букв. ‘в ту сторону-в эту сторону’).

Словосочетания глаголов с наречиями на *-лань* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих словосочетаниях отвлеченно называет направление, куда направлено действие, движение, обозначенное глаголом. Наречия типа *солань-талань* ‘туда-сюда’, *мыдлань-азьлань* ‘взад-вперед’ и др. привносят в основное значение семантический оттенок образа действия, обозначенного стержневым глаголом словосочетания.

В **седьмую** группу входят сочетания глаголов с наречиями, образованными с послелогом *ласянь*, например:

Отын, Сергейлэн участказ, уг тодо на, дыр, фашистьёс соосты мышласянь атаковать карыны быгатозы шуыса (Иг. Гавр. Вп., 666). ‘Там, на участке Сергея, не знают еще, наверно, что фашисты **смогут атаковать** их с тыла (с тыльной стороны)’.

Сергей кызьпуос съёры дугдйз но урдэласянь эскерыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 712). ‘Сергей остановился за березами и **начал рассматривать** сбоку’.

Колхозэз пушласянь куашкатыны каньылгес луоз (М. Кельд. Б., 74). ‘Колхоз **изнутри** развалить будет легче’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ласянь* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих конструкциях обозначает, откуда, с какого направления (с какой стороны) происходит действие, движение или восприятие, названное глаголом. С наречиями на *-ласянь*, по сравнению с наречиями на *-лань*, сочетается более широкий круг глаголов. Сюда входят не только глаголы движения и восприятия, но и глаголы другого рода действия.

Словосочетания глаголов с наречиями времени. Словосочетания, образованные по схеме «наречие времени + глагол», можно разделить на две группы:

1. Наречия первой группы, употребляясь с глаголами, выражают определенное время:

Нош жьсытазе, занятиос бере, сое, аслаз землянкаяз отчаса, нимысьтыз пыжиз (Иг. Гавр. Вп., 699). ‘А **вечером**, после занятий, пригласив его в свою землянку, отдельно **отчитал**’.

*Кылзы ай, Камашев, соку, толалтэ, Бобровкаын дыръямы... – вераз Катя, – кызьы-озы асьме мышкы немецъёс **пырыны быгатйзы?*** (Иг. Гавр. Вп., 680). ‘Послушай-ка, Камашев, тогда, **зимой**, когда мы были в Бобровке... – сказала Катя, – каким образом (букв. ‘как-так’) нам в тыл **смогли проникнуть** немцы?’

Уйин Пилат, Прохорез чортуса, кытчы ке кошкиз (Иг. Гавр. Вп., 688). ‘**Ночью** Пилат, позвав Прохора, куда-то **ушел**’.

Толон обкоме ѳтчазы (Иг. Гавр. Вп., 690). ‘**Вчера** в обком **вызывали**’.

2. Наречия времени второй группы в сочетании с глаголами могут показывать разные временные отношения:

а) длительность времени действия:

Гужембыт ужаськод-ужаськод но сѣтаки нянед вылѣзь мырдэм гинэ тырме, – *Павол, ѳсѳк сѳѳрын пукыса, Сергейлы пумит вераз* (Ал. Мир. Куж., 46). ‘**Все лето работаешь-работаешь**, но все равно хлеба до нового урожая еле хватает, – Павел, сидя за столом, возразил Сергею’.

Пилат лумбыт ѳѳже кияз тѳрен, ымаз трубкаен азбаретѳ порья: мае ке сое кока, лусѣе, азбарысь лымыез мыче, пу пильылэ, скаллы турын куштэ (Иг. Гавр. Вп., 691). ‘Пилат **целый день ходит** по двору с топором в руках, с трубкой во рту: что-то прибывает, стругает, чистит снег во дворе, дрова колет, корове сено подает’.

Сюресбыт Сергей лыдѳиз, шахматэн шудѳиз (Иг. Гавр. Вп., 709). ‘**Всю дорогу** Сергей **читал**, играл в шахматы’.

Котькуд трактористлэн нимаз бусыез вал, сѣтэм планзэс нунальскын одно ик быдѣстоно (УД, № 125, 2008). ‘У каждого тракториста было отдельное поле, заданный план **нужно** было обязательно **выполнить в течение дня**’.

Тазы ке турназы, одѳг арняскын турын люканэз но быдтозы, собере колхозникѣслы асьсэлы турнаны нунал сѣтозы, дыр (Ев. Самс. Сан., 302). ‘Если так будут косить, **за неделю завершат** заготовку сена, потом, наверно, колхозникам выделяют [один] день, чтоб косить себе’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-быт* и *-скын* выражают обстоятельственные отношения. Как наречия на *-быт*, так и наречия на *-скын* в этих словосочетаниях называют время действия, обозначенного глаголом. Но это время выражается разными оттенками. В глагольных словосочетаниях с наречиями на *-быт* говорится, что действие происходит во весь тот период, который обозначен наречием. А в глагольных словосочетаниях с наречиями на *-скын* указывается лишь на то, что действие происходит в такой-то период, но не подчеркивается, что оно совершается во весь или не во весь этот период.

б) время действия до определенного периода:

Сое но уг вунэты: 1930 арын Прохор Камашев тулысозь сюдѳиз но колодча сѳѳрысь пичи коркан сиесѣсын но мукет тѳрлыкѣсын ватыса возиз Пилатэз (Иг. Гавр. Вп., 687). ‘И этого он не забывает: в 1930 году

Прохор Камашев до весны содержал Пилата, спрятав его в маленький домик за колодцем, в котором держал сбрую и другие инструменты’.

Чукнаозь ӧз быгатэ умме усыны артистъёс но (Иг. Гавр. Вп., 729). ‘И артисты не смогли заснуть до утра’.

Мон татчыозь уг тодйськы на вылэм... (Удмурт литература, 90). ‘Я до сих пор, оказывается, не знал...’.

Наречие на *-озь* называет отрезок времени, до которого совершается (совершилось или будет совершаться) действие, обозначенное стержневым глаголом словосочетания.

в) время как начало действия, с каких пор протекает действие, например:

Кемалась ик ӧвӧл пленэ шедем зуч солдатъёсын Германье мынйсь поездэз партизанъёс кырмызы (Удмурт литература, 83). ‘Совсем недавно партизаны захватили поезд, в котором везли в Германию взятых в плен русских солдат’.

Вераме потэ созэ но: туэысен шаерысьтымьы предприятиясты кышкытлыкльсь утиськон ласянь уката но зол чаклалозы (УД, № 026–027, 2008). ‘Хочу отметить и то: с этого года еще сильнее будут контролировать предприятия нашей республики в отношении безопасности от несчастных случаев’.

Президентэ бырийзы, малпасько, осконзэс быдэстй – тямьс ар чӧже мон чукысен уезь ляльчи сямен тырши (УД, № 024, 2008). ‘Выбрали в президенты, думаю, я оправдал их доверие – на протяжении восьми лет я с утра до ночи работал, словно батрак’.

Словосочетания глаголов с причинно-целевыми наречиями.

Куддыръя сыче строгой, одйг серем кыл вераны уд дйсьты, нош куддыръя юмме шорысь лӧптэ, чылкак клоун но тйни (Иг. Гавр. Вп., 461). ‘Иногда такой строгий, пошутить (букв. ‘ни одного смешного слова сказать’) не посмеешь, а иногда ни с того, ни с чего (букв. ‘напрасно’) радуется, вылитый клоун и все тут’.

Т. Архипов лыдзисьсызлы нырысь ик юромом уг вера, малы Лариса аслэсьтымз картсэ – «горд партизанэз» – гестапо ки улэ сётэ (Удмурт литература, 84). ‘Т. Архипов своим читателям нарочно вначале не говорит, почему Лариса своего мужа – «красного партизана» – отдает в руки гестапо’.

Удмурт Республикаысь Кун Кенешлэн аппаратэныз кивалтйсь Виктор Жидков нимысьтымз пусйиз тужгес но арлыдо, озьы ик самой егит депутатъёсты (УД, № 026–027, 2008). ‘Руководитель аппарата Государственного Совета Удмуртской Республики Виктор Жидков отдельно отметил самых пожилых, а также самых молодых депутатов’.

По мнению П. Н. Перевощикова, причинно-целевые наречия не имеют семантической определенности, их значения уточняются в контексте, т. е. другими лексемами словосочетания и всего высказывания. Так, наречия *юри* и *юромо* могут быть употреблены в совершенно противоположных значениях: «напрасно, зря» и «нарочно, специально». Кроме того, в одном и том же значении могут использоваться несколько наречий. Так, для выражения понятия «напрасно, зря» может быть употреблено в речи любое из следующих наречий: *юри*, *юромо*, *юнме*, *юнме шорысь*, *токма*, *токма шорысь*, *дауре*. С этим связано в известной мере еще одно явление – это почти полное отсутствие в удмуртском языке наречий, выражающих чисто причинные отношения. Как правило, отношения цели выражаются теми же наречиями, которыми обозначаются отношения причины.

Сфера употребления глагольных словосочетаний с причинно-целевыми наречиями сравнительно узкая. Описываемые словосочетания выражают обстоятельственные отношения. Наречие называет причину, цель действия, обозначенные глаголом [Перевощиков 1980: 123].

Словосочетания деепричастий с наречием. Деепричастия в удмуртском языке могут вступать в сочетание с наречиями качества, количества, места, времени и цели. В этих словосочетаниях деепричастие называет действие, а наречие может выражать качественную характеристику действия, может указывать на количество, место, время и цель действия. Организующим словом в рассматриваемых словосочетаниях является деепричастие, а наречие примыкает к нему в качестве зависимого члена словосочетания.

Шудо лу, Наталь, та әсӧк сӧрын, – шуиз но сӧрытак потыса кошкиз (К. Митр. В., 34). ‘Будь счастлива, Наталья, за этим столом, – сказал и **быстро** ушел’.

Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – шуыса, могоась Ондрез азьянь чортыса нуизы (Ал. Мир. Гд., 55). ‘Сказав «Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять», – **повели вперед** остановившегося Андрея’.

Кенос әсӧз пуньяз но лампа доры матӧ кариськыса лыдӟиз (Иг. Гавр. Вп., 20). ‘Она закрыла двери амбара и прочитала, **приблизившись** к лампе’.

Дурыстэм трос юэмьсьтыз, ана дурын чӱкнаозь лошьяськыса изиз (Г. Мед. Л., 116). ‘Из-за того, что он выпил чрезмерно много, **проспал до утра провалявшись**, у полосы пахотной земли’.

Тазы малпаса, Катялэн сюлмыз капчигес луиз (Иг. Гавр. Вп., 9). ‘**Подумав так**, на сердце Кати стало легче’.

Ондрей пегзыны өз вуы, сое кутйзы но кема юалляськыса өз улэ, Уча пала нуыса кошкызы (Иг. Гавр. Вп., 10). ‘Андрей не успел убежать, его поймали и **долго не допрашивали**, увели в сторону [села] Уча’.

*Нош одйг нуналэ Катялэн улонэз пияла кадь тэшказ но берло **быдэ-сак сёриськыса** кошкыз: дядиез но нэнэез сое картлы сётыны вераськызы* (Иг. Гавр. Вп., 11). ‘Но в один день жизнь Кати треснула, как стекло, и потом, **полностью** разбилась: отец и мать решили выдать ее замуж’.

*Уродлы углэсьтйськы, тыныд но нэнэедлы **зеч малпаса турттйсько*** (Иг. Гавр. Вп., 12). ‘**Плохого не делаю**, стараюсь сделать с добром тебе и твоей матери’.

*Мон но тани **туж куректыса** бызи, мылпотонтэм азе сётйзы* (Иг. Гавр. Вп., 12). ‘Я вот тоже **очень горюя** вышла замуж, в нежеланное место отдали’.

*Дирижёр кизэ **вылэ жэутыса** шоналтйз, сцена выльсь артистжёс кужмо куараен кырзаны кутскызы, чылкак черкын кадь* (Иг. Гавр. Вп., 51). ‘Дирижер взмахнул, **подняв** руку **вверх**, стоявшие на сцене артисты, начали петь звонким голосом, словно в церкви’.

Макем шумпотыса кутозы книгазэ атаез, анаез но пичи сузэрэз (Иг. Гавр. Вп., 13). ‘С большой радостью (букв. ‘**очень обрадовавшись**’) возьмут [в руки] его книгу отец, мать и маленькая сестра’.

*Вася, синжёссэ **сак карыса, ваньзэ эскере, кинэ ке утча*** (Иг. Гавр. Вп., 14). ‘Вася внимательно (букв. ‘**наострив** глаза’) все осматривает, кого-то ищет’.

Озыи кесяськыса, пинальжес тузон пурзётмыса бызизы (Иг. Гавр. Вп., 15). ‘**Так крича**, бежали ребята, поднимая клубы пыли’.

*Сюлэмшугзэ ватон понна, тыраз аракыен чашаез кутйз но шуак юиз, ымнырзэ **юри шымыртыса**, нырулкышетэныз чушылыны кутскыз* (Иг. Гавр. Вп., 17). ‘Чтобы скрыть свои переживания, она схватила наполненную вином чашку и быстро выпила, **нарочно сморщив** лицо, стала вытирать его платком’.

*Уноез **парен-парен кунулскыса** ветло* (Иг. Гавр. Вп., 22). ‘Многие **парами ходят** под ручку’.

Ожыт улыса, корказь ос усътйськыз (Иг. Гавр. Вп., 24). ‘**Немного погоды**, открылась дверь в сенях’.

Кыдёкысен учкыса, со бусы нап турын кадь чильыр-вальыр тулкымъяське, матаз лыктйськод но – урод, туж урод (Иг. Гавр. Вп., 39–40). ‘**Посмотрев издалека**, это поле, переливаясь колышется, словно густая трава, подходишь ближе – скудная, очень скудная трава’.

По наблюдениям П. Н. Перевощикова, в удмуртском языке из всех разрядов наречий чаще всего употребляются в словосочетаниях

с деепричастиями наречия качества и количества. Широкая распространенность сочетаний деепричастий с данными наречиями объясняется семантикой деепричастий, нуждающихся в таких определениях, которые могут выражать характеристику любого действия. Второе место по употреблению занимают словосочетания деепричастий с наречиями места и времени. Словосочетания деепричастий с наречиями цели употребляются крайне редко, вследствие того, что названная категория наречий представлена ограниченной группой слов.

Деепричастие выступает в словосочетании с наречием той или иной семантической группы в прямой зависимости от того, в каком смысловом уточнении нуждается [Перевошиков 1959: 157–158].

Словосочетания причастий с наречием. Являясь образованием гибридного характера, причастие сохраняет признаки вместе с основной глагола, от которого оно образовано, и признаки прилагательного. Как отмечает Л. И. Калинина, способность причастия подчинять себе зависимые слова и образовывать конструкции зависит от валентных свойств финитного глагола. Поэтому в принципе структурно-семантические типы причастных конструкций и глагольных словосочетаний одинаковы [Калинина 2001: 67].

Наречия, как правило, всегда употребляются с причастием лишь в причастных конструкциях. Как и в словосочетаниях с деепричастиями, организующим словом в словосочетаниях является причастие, а наречие примыкает к нему в качестве зависимого члена словосочетания:

Солэн корказ, одйг тичи висэтаз дэмен люкаськем беразы, пурьыстам Лепуш пыдлось лулзыса вераз (М. Кельд. Б., 72). ‘В его доме, после того как они **все собрались** в одной маленькой комнате, поседевший Лепуш глубоко вздохнув, сказал’.

Вить минутем собрание бырем бере, соос Шахмаевен чошен гинэ кылызы но, Майоров ке́чевыл сынам йырсиэз маялтыса шуиз (С. Ших. Тув., 74). ‘После завершения пятиминутного собрания они остались вдвоем с Шахмаевым и проведя [руками] по **зачесанным наискосок** волосам, Майоров сказал’.

Солэсь юн жугиськись сюлэмзэ йсутыса вормонтэм изэн кадь пачкати́з егит кузпалэныз люкиськон – кык толэзь но улыса о́з вуттэ ук соос (С. Ших. Тув., 76). ‘Его **сильно быющее** сердце, словно невыносимо тяжелым камнем, придавила разлука с молодой женой – ведь и два месяца не успели они прожить [вместе]’.

Озыы малтаськыса пуконьяз, кыдёкын вераськем куараез кылйз (М. Кельд. Б., 76) ‘При таких раздумьях вдалеке [он] услышал разговоры’.

Олокытй-мар кымалтйз но мышлань куасам киосаз наручник борзас (С. Самс. В., 218). ‘Неизвестно как повалил [его] и защелкнул наручники на **загнутых назад** руках’.

Мон номырзэ уг валаськы... – кйшкемаса сямен, Иван дорысь, азь-пала урдэм киоссэ сзэьяса, берлань чигнаны кутскиз Зотов (С. Самс. В., 135). ‘Я ничего не понимаю... – словно испугавшись, размахивая **выставленными вперед** руками, Зотов начал пятиться назад от Ивана’.

Со катанчи азын юри лэсьтэм котырес интыын крезьчиос пуко (Иг. Гавр. Вп., 50). ‘В этом круглом, **специальном сделанном** месте, у занавеса, сидят гусяры’.

Ваньзэ сое согыса, куакъёс пйлын йашетыны кутске ялан куэжмо-ьясь тёл (С. Ших. Тув., 8). ‘Заглушая все это, в кустах начинает шуметь **постоянно усиливающийся** ветер’.

Словосочетания прилагательного с наречием. Сочетаясь с прилагательным, наречие может дополнять признак предмета, выраженный прилагательным, и выступать как усилитель этого признака, например:

*Судья, аяз кыллись делоез бур кыныз матэ кыскыса, йырзэ пал-лян пала **бжыт кырыж** кариз но суд улэ шедем муртьёслэсь маке-со юалляськыса лыдзыны кутскиз обвинительной заключениез...* (Ал. Мир. Куж., 52). ‘Судья, приблизив к себе правой рукой лежащее перед ним дело, **немного** наклонил голову влево и, кое-что поспрашивав у подсудимых, принялся читать обвинительный приговор...’.

Катя сокем визьтэм өвёл, ассэ ачиз уз быдты (Иг. Гавр. Вп., 43). ‘Катя не **настолько глупа**, сама с собой не покончит’.

Только гуосыз татын укыр бадзымесь но муресь (С. Ших. Тув., 4). ‘Только траншеи здесь **слишком большие** и глубокие’.

*Силезие, Одер шур дуре, вуыса, сюресмес пытсаз гитлеровецьёс-лэн «Одерский четырёхугольник» шуыса нимаськысь **туж зол** юнмат-скем интызы* (С. Ших. Тув., 36). ‘Прибыв в Силезию, к реке Одер, нам путь преградила **очень сильно** укрепленная гитлеровская позиция, называемая «Одерский четырёхугольник»’.

*Соос тушмонъёслы **уката кышкыт** адзиськыны кутскизы* (С. Ших. Тув., 45). ‘Они стали казаться для врагов **еще страшнее**’.

Словосочетания наречия с наречием. Очень часто наречия сочетаются с другими наречиями. Например, два наречия времени могут стоять рядом и выражать признак одного действия. При этом первое из них имеет более общее, более широкое значение, а второе указывает на конкретный отрезок времени и уточняет первое, например:

*Толон... **жыт**... кутскизы коркась поттаны* (С. Ших. Тув., 7). ‘**Вчера... вечером...** начали из домов [людей] выводить’.

Урамын чалмытскем бере, монэ со сюдйиз, нош бер уйин ми пересь чехен партизанъёс доры гурезе потйм (С. Ших. Тув., 41). ‘После того, как на улице все успокоилось, она меня накормила, а **поздно ночью** мы со старым чехом отправились в горы к партизанам’.

Параска туннэ чукна куамын курегнуз бичам, эк, шу! (Г. Крас. Вю., 18). ‘Прасковья **сегодня утром** собрала тридцать штук яиц, эк, ма!’.

В других случаях при помощи сочетания двух наречий образуется их усилительная степень, образованная аналитическим способом, например:

Пыргытэм но пазям техника, усъылэм шййёс уката трос кылемын Гжатск-Вязьма куспын (С. Ших. Тув., 3). ‘**Больше всего** разгромленной и разбросанной техники, тел погибших осталось в районе Гжатска и Вязьмы’.

Табере пьесаде уд адзы ни, – Катя уката куэжмо серекьяны одъяз (Иг. Гавр. Вп., 90). ‘Теперь свою пьесу уже не увидишь, – Катя начала смеяться **еще сильнее**’.

Партизанской отряд интыяськемын вал гурезь йылын туж вылын, кыче ке пещераын (С. Ших. Тув., 41). ‘Партизанский отряд был расположен **очень высоко** на горе, в какой-то пещере’.

Партизанъёс быдтэмын малпаса, фашистъёс гурезь ултй ортчись шоссез бомбежка бере ик сузяллям но, отий фронт пала туж эркын ветлыны одъяллям продовольствиен но боеприпасъёсын машинаос (С. Ших. Тув., 43). ‘Решив, что партизаны уничтожены, фашисты очистили шоссе, проходящее в подножья горы, заваленное после бомбежки, и по нему **очень свободно** стали двигаться в сторону фронта машины с продовольствием и боеприсами’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наречие – несклоняемая и неспрягаемая самостоятельная часть речи, которая обозначает признак действия или признак другого признака, по образованию соотносится со многими самостоятельными разрядами слов, а в предложении является обстоятельством, примыкая обычно к глаголу, реже к прилагательному и наречию.

Анализ удмуртских наречий по значению, образованию, роли в предложении, обзор их особенностей в этом языке позволяет сделать следующие выводы:

1. В удмуртском языке наречие – это самостоятельная часть речи, которая представляет собой разряд слов, четко различаемых по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам. Эти признаки взаимосвязаны, их совокупность определяет принадлежность слова к категории наречий. В том или ином слове один из этих признаков может быть выражен в большей степени, другой – в меньшей, но только все три признака, вместе взятые, определяют наречное слово.

2. Являясь одной из самых молодых частей речи, наречие имеет глубокую историю. Формирование категории наречия наметилось уже в финно-угорском языке-основе. Современные финно-угорские и самодийские языки сохранили следы этого периода, когда отдельные обстоятельства выражались бессуффиксными формами имен; ср. к. *та-лун* ‘сегодня’, *та-во* ‘в этом году’, в. *minden nap* ‘каждый день’, ‘ежедневно’, х. *tam lun* ‘нынешним летом’.

Путь развития этой категории слов от древнейших времен до современности – это путь количественного и качественного пополнения их состава, путь приобретения новых значений и расширения сферы старых.

3. Внутри категории наречия, как и в большинстве других языков, как родственных, так и неродственных, существуют два основных типа, резко отличающихся друг от друга по значению: обстоятельственные и определительные.

Каждый из основных семантико-функциональных разрядов наречий включает в себя несколько подразрядов. Наиболее устоявшееся разделение имеют обстоятельственные наречия. В их составе традиционно отмечаются группы наречий места (*кыдэ́кын* 'далеко', *татын* 'здесь', *педло* 'на улицу', *улласянь* 'снизу', *вылэ* 'наверх', *татысен* 'с этого места' и др.), времени (*али* 'сейчас', *толбыт* 'целую зиму', *толалтэозь* 'до зимы', *туннэысен* 'с сегодняшнего дня', *уйин* 'ночью', *толон* 'вчера', *куке* 'когда-то', *кемалась* 'давно' и др.) и причинно-целевые наречия (*юмме*, *токма* 'зря, напрасно', *юри* 'нарочно', *огшо-ры* 'просто так', *нимысьтыз* 'специально', *малы* 'почему', *малы ке* 'почему-то' и др.). Причем группа наречий причины и цели является самой малочисленной. К определительным наречиям в удмуртском языке относятся наречия образа или способа действия: *озьы* 'так', *шуак* 'вдруг', *мыльсь-кыдысь* 'усердно, энергично', *чаляк* 'быстро', *куж-мысь* 'насильно', *нятас* 'попутно', *уртче* 'вместе, совместно' и др.; наречия степени: *ортчыт* 'слишком', *укыр* 'очень', *уката* 'очень', *дурьстэм* 'чрезмерно, через край', *сокем* 'настолько, так', *туж* 'очень', *лекос* 'очень, слишком' и др.; наречия меры и количества: *далай* 'порядочно, давненько', *чарак* 'порядочно', *оглол* 'однажды', *кыктой* 'в течение двух дней', *дасой* 'в течение десяти дней', *тырмыт* 'достаточно, полно' и др. В качестве четвертой подгруппы в составе определительных наречий отмечаются наречно-изобразительные и звукоподражательные слова (*пинал бугыль-бугыль луэм ни* 'ребенок уже стал пухлым', *бугырак нянь лётэмьин* 'тесто очень пышное', *быз-быз сиськи* 'плотно поел', *быльк-быльк синмыз петлань потэмьин* 'глаза вылезли наружу', *домбыль аядями* 'толстый человек', *бульыр-бульыр ошмес потэ* 'бурча бьет родник', *вучь-вучь бөрдйиз* 'плакал всхлипывая', *ток-ток сюлэм йыгаське* 'тук-тук! бьется сердце', *гудыр-гудыр кариз* 'прогремел', *домбыр-домбыр гитараен шудэ* 'бренчит на гитаре', *кучьк-вучьк бөрдэ* 'плачет всхлипывая', *чикыр-чикыр пинь зукыртэ* 'зубы скрежещут' и др.), до сих пор не имеющие определенного грамматического статуса в системе частей речи, как в удмуртском, так и во многих других языках.

Разделение наречий на семантические группы не влечет за собой жесткого определения их границ. Существуют активные переходы между разрядами внутри семантических классов. Одно и то же слово может совмещать в себе различные значения, наиболее ярко проявляя какое-то одно в определенном контексте.

4. Категория состояния, в отличие от наречий, в удмуртском языке выражает различные состояния субъекта или предмета. Основными

семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории служит то, что они выступают в роли сказуемого в безличных предложениях и служат для выражения состояний (а не процессов); при этом, в отличие от глагола, они лишены изменений по наклонениям и временам.

5. Наиболее яркое отражение категория наречия в удмуртском языке находит в анализе способов и форм их словообразования. Словообразование наречий современного удмуртского языка – это пестрая картина количественного пополнения состава этой категории за счет других частей речи. Многообразие словообразовательных приемов в стабилизации наречий еще раз подтверждает факт непрерывного развития и усовершенствования этой части речи.

6. Наиболее устоявшимися основными типами наречного словообразования в удмуртском языке являются следующие:

1) морфологический. Аффиксальный способ образования наречий является наиболее продуктивным и играет активную роль в становлении наречия как части речи. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам различных частей речи, коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносят их в разряд наречий, то есть словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по определенным грамматическим классам.

Основными аффиксами образования наречий удмуртского языка являются суффиксы *-быт*, *-ой (-ёй)*, *-скын (-кын)*, *-ак (-як)*, *-эн (-ен)* и префиксы *коть-*, *оло-*, *но-*.

2) синтаксический. Синтаксический способ образования наречий в удмуртском языке включает:

а) образование наречий путем повторения или удвоения основ (*кытй-кытй* ‘кое-где, местами; иногда’, *вылэтй-вылэтй* ‘высоко’, *мырдэм-мырдэм* ‘еле-еле’, *жйог-жйог* ‘очень быстро’, *кыдёке-кыдёке* ‘очень далеко’, *кырыж-мерыж* ‘криво-косо’, *ури-бери* ‘поспешно, спешно, очень быстро’, *чукин-бекин* ‘вразвалку’, *кымин-гопин* ‘вразвалку’, *кесэген-кесэген* ‘отрезками, кусками, частями’, *толэзен-толэзен* ‘месяцами’, *кырымен-кырымен* ‘по горсточке, горсточкаме’, *солань-талань* ‘туда-сюда’, *отын-татын* ‘там и сям, кое-где’, *отысь-татысь* ‘оттуда-отсюда’, *куке-соку* ‘когда-то тогда’, *берлань-азьлань* ‘взад-вперед’, *кузен-вакчиен* ‘неровно, неодинаково (по длине)’, *уен-нуналэн* ‘днем и ночью’, *жйытэн-жйукен* ‘по утрам и вечерам’, *лулысь-сюлмысь* ‘усердно, от всего сердца’, *гжжысь-пжжысь* ‘энергично, настойчиво’, *мылысь-кыдысь* ‘охотно, с желанием’ и др);

б) образование наречий через основослияние (*собере* ‘затем, потом, после, впоследствии’, *табере* ‘теперь, сейчас’, *огазе* ‘в одно место,

воедино', *огвадес* 'иногда, временами', *огвакыт* 'иногда, временами', *огвалысь* 'заодно; оптом, сразу', *оггужем* 'за лето; однажды летом', *огдыр* 'одновременно, в одно время', *куддыр* 'иногда, порой, временами', *кудпалан* 'где, в какой стороне, в каком направлении', *уллапалась* 'снизу, с нижней стороны', *выллапалась* 'сверху, с верхней стороны', *берпалась* 'с задней стороны', *азьпалась* 'спереди; впереди', *кыкнапалась* 'с двух сторон', *кытысь ке* 'откуда-то', *кызыь ке* 'как-то', *куке* 'когда-то' и др.);

в) образование наречий из словосочетаний (*вительмтэ шорысь* 'неожиданно', *шодьмтэ шорысь* 'неожиданно', *эсытлы быдэ* 'ежевечерне, каждый вечер', *нуналлы быдэ* 'ежедневно, каждый день', *арлы быдэ* 'ежегодно, каждый год', *эуч сямен* 'по-русски', *удмурт сямен* 'по-удмуртски', *уйшор уйин* 'ночь в полночь', *толон валлян* 'позавчера', *нуналысь нуналэ* 'изо дня в день', *бёрсысь бёрсы* 'друг за другом', *минутысь минутэ* 'ежеминутно', *вылысьтыз вылаз* 'друг за другом' и др.);

3) морфолого-синтаксический. В удмуртском языке большая группа наречий возникла путем лексикализации отдельных форм словоизменительной парадигмы имен в результате семантического выпадения из словоизменительного ряда одной из форм. Обычно адвербиализации подвергаются формы местных падежей (инессив: *азьын* 'впереди', *пушкын* 'внутри', *улын* 'внизу'; элатив: *улысь* 'снизу', *вылысь* 'сверху', *урдсысь* 'сбоку'; иллатив: *вылэ* 'наверх', *улэ* 'вниз', *ваче* 'вдвоем наедине'; аппроксиматив: *азьлань* 'вперед', *берлань* 'назад', *выллань* 'вверх, наверх'; эгрессив: *улысен* 'снизу', *вылысен* 'сверху', *шорысен* 'с середины'; пролатив: *вылэти* 'поверху, высоко', *улэти* 'понизу, низко', *тати* 'здесь, по этому месту'; терминатив: *вылйозь* 'доверху', *улйозь* 'донизу', *татчыозь* 'до этого места; до сих пор'), а также некоторых объектных (инструменталь: *пыдын*, *пудэн* 'пешком', *мышкин* 'спиной; задом', *уйин* 'ночью' и др).

Вторым способом транспозиции является конверсия. Такие слова, принадлежность которых к определенной части речи устанавливается только в предложении, где они облекаются в соответствующие словоизменительные формы и вступают в связь с другими словами, называются категориально недифференцированными словами. Определяющим моментом при этом является синтаксическое положение слов (например, *шуныт* – имя существительное 'тепло, теплота' (*гурлэн шунытэз* 'тепло печки') – имя прилагательное 'теплый' (*шуныт сйзьыл* 'теплая осень') – наречие 'тепло' (*шуныт пумитаз* '[он] тепло встретил'); *шулдыр* – имя существительное 'веселье, радость' (*шулдырез өз вала* '[он] счастья не понял') – имя прилагательное 'веселый, радостный' (*шулдыр кырзан* 'веселая песня') – наречие 'весело, радостно' (*шулдыр*

пумитазы ‘[они] весело встретили’); *секыт* – имя существительное ‘тяжесть’ (*секытэз оз шодды* ‘[он] тяжести не почувствовал’) – имя прилагательное ‘тяжелый’ (*секыт уж* ‘тяжелая работа’) – наречие ‘тяжело’ (*секыт ортчиз* ‘тяжело прошло’); *кезьыт* – имя существительное ‘холод’ (*кезьыт вуиз ни* ‘холод уже пришел’) – имя прилагательное ‘холодный’ (*кезьыт омыр* ‘холодный воздух’) – наречие ‘холодно’ (*кезьыт пумитаз* ‘он холодно встретил’); *цукна* – имя существительное ‘утро’ (*цукнаез возьмай* ‘я ждал утра’) – имя прилагательное ‘утренний’ (*цукна шунды* ‘утренний ветер’) – наречие ‘утром’ (*цукна школае мыни* ‘утром я пошел в школу’)). В удмуртском языке категориальная недифференцированность наблюдается среди следующих частей речи: а) существительные, прилагательные, наречия; б) прилагательные и наречия; в) наречия, прилагательные, послелогои; г) наречия, послелогои.

7. В современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная (*жсог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.); б) сравнительная (*жсоггес* ‘побыстрее’, *мургес* ‘глубже’, *шергес* ‘реже’, *шугенгес* досл. ‘более трудно’, *тросгес* ‘больше’, *чалягес* ‘быстрее’, *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.) и в) превосходная (*самой азьпалан* ‘впереди всех’, *самой матын* ‘ближе всех’, *самой бер* ‘позже всех’ и др.).

8. В удмуртском языке выделяются три степени качества наречий: а) позитивная (*мур малпаськыны* ‘глубоко думать’, *шуак кошкыны* ‘неожиданно уйти’, *чебер жсутскыны* ‘красиво подняться’ и др.); б) уменьшительная (модератив) (*жсожмыт вазиз* ‘[он] с грустью (буков. ‘грустновато’) сказал’; *буртчин дэремез лызалэс ворекъя* ‘[её] шёлковое платье переливается голубоватым цветом’; *ваньмыз соослы льольпыр адске* ‘им всё видится в розоватом цвете’ и др.) и в) усилительная (интенсив) (*жеч-жеч малпаны* ‘хорошенько подумать’, *умой-умой валаны* ‘как следует понять’, *юг-юг гортныны* ‘покрыться белым-белым инеем’ и др.; *туж жсог* ‘очень быстро’, *туж мур* ‘очень глубоко’, *туж шер* ‘очень редко’ и др.).

9. Основная синтаксическая особенность наречия – быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств: времени, места, цели, образа или способа действия, степени, меры и количества. Кроме обстоятельственной функции, наречие в предложении может играть роль сказуемого. Наречия в удмуртском языке, сочетаясь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. Как правило, наречия сочетаются с глаголами (деепричастиями, причастиями), а так же с другими частями речи, с такими как прилагательные и наречия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200403604>

Алатырев В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГУ. № 105. Вып. 2. Л., 1947. С. 216–236.

Алатырев В. И. Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15.

Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1976. С. 15–36.

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: Рус. яз., 1983. С. 561–591.

Алашеева А. А. Туала удмурт кыл: Сямкыл. Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Туала удмурт кылъя но сое дышетон амальёсья кафедра. Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2003. 31 б.

Архипов Г. А. Аффиксальное образование наречий // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 55–62.

Багаев Н. К. Современный осетинский язык: Фонетика и морфология. Орджоникидзе; Северо-Осетинское кн. изд-во, 1965. 488 с.

Балашица Й. Венгерский язык. Пер. с венг. О. В. Громова, И. В. Салимона, Ю. И. Шишмолина / Ред., пред. и прим. К. Е. Майтинской. М.: Изд-во ин. лит., 1951. 376 с.

Боровков А. К. О частях речи в языках тюркской системы // Революция и письменность. М., 1936. № 2, С. 90–97.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1949. 208 с.

Бушмакин С. К. Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 23–25.

БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.: ил.

Ванюшев В. М. Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 295–301.

Вахрушев В. М. Наречие // Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П. Н. Перевощикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. С. 294–316.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1.: Труды по языкознанию / Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО РАН, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Гаврилова В. Г. Количественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. С. 36–38.

Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке / Моск. гос. ин-т ист., филос. и лит. М., 1939. 156 с.

ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка / Ин-т ист., яз. и лит. АН СССР. М.: Наука, 1981. 496 с.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: Фонетика и морфология. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1961. 432 с.

ГИЯ – Грамматика испанского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.franklang.ru/download/Gramatica_rus.zip

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: Фонетика и морфология / НИИ яз., лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Морд. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Горохов П. Д. Учебник удмурт языка: Пособие для преподавания удм. яз. Ижевск: Удкнига, 1929. 231 с.

Гочияева С. А. Наречия в карачаево-балкарском языке / Карачаево-Черкесский НИИ экон., ист., яз. и лит. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1973. 119 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П. Н. Перевощикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 250 с.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева. Ижевск: Удмуртия, 1974. 167 с.

ГСЯЯ – *Головнин И. В.* Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ, 1986. 316 с.

ГФЯ – Грамматика финского языка: Фонетика и морфология / Ин-т яз., лит. и ист. АН СССР. Карельский филиал. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 296 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. И.-О. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955. 780 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 202 с.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 607 с.

Дүйсенбина А. Т. Когнитивно-семантическая природа конверсивов в казахском и немецком языках: Автореф.... канд. филол. наук. Алматы, 2010. 25 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.

Ермаков Ф. К. Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1976. С. 83–87.

Ефремов Д. А. Имя прилагательное в удмуртском языке. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2009. 124 с.

Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 года обучения. Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. 117 с.

Имайкина М. Д. Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: Автореф.... канд. филол. наук. Тарту, 1968. 27 с.

Исанбаев Н. И. Деепричастия в марийском языке // Современный марийский язык: Морфология / Мар. НИИ яз., лит. и ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Калинина Л. И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. 182 с.

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка (= Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2). Тарту, 1997. 224 с.

КГОУЯ – *Алатырев В. И., Ефремов Д. А., Кондратьева Н. В.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь:

Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. С. 827–868.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удм. гос ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн.; Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2000. 72 с.

Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001а. 140 с.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001б. 232с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка». Ч. I / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. 445 с.

Кельмаков В. К. Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. / РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2004. 140 с.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. 420 с.

Колегова Н. А. Наречие // Современный коми язык. Ч. I.: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. С. 250–261.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. 340 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозаводский ин-т ЯЛИ. М.–Л.: Наука, 1964. С. 112–121.

Кротовъ 1785 – Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М.: Высшая школа, 1965. 76 с.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

Ломоносов М. В. – Российская грамматика Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 213 с.

Лудыкова В. М., Федюнева Г. В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. Науч. изд. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. 171 с.

Лыткин В. И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР. Ин-т языкозн. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

Майтинская К. Е. Венгерский язык Ч. I. Введение. Фонетика. Морфология / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 304 с.

Майтинская К. Е. Венгерский язык Ч. II. Грамматическое словообразование / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 227 с.

Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1979. 264 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. 254 с.

Миндиашвили М. Р. Функциональная характеристика слов-предикативов в английском языке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bankrabort.com/work/work_37195.html

Могилинъ 1786 – Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кириллова; Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Мусаев К. М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 343 с.

Некрасова Г. А. Инструменталь (Творительный падеж) в пермских языках. Сыктывкар, 1997. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 388).

Обратный словарь удмуртского языка: Ок. 46000 слов (Р. Ш. Насибуллин, В. Ю. Дудоров). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 1992. 243 с.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. 484 с.

ӨКК – Ќнія коми кыв. Морфология / Дасьтöма филологияса кандидат Г. В. Федюнева кипод улын. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. 544 с.

Перевозицков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексика, морфология) // Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1948. С. 369–446.

Перевозицков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь: Ок. 40 000 слов / Удм. НИИ ист., яз. и лит. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1956. С. 1271–1360.

Перевозицков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.

Перевозицков П. Н. Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева и Р. И. Яшиной. Ижевск, 1980. С. 38–123.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Наука, 1956. 420 с.

Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык: Учебник для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. М.: РОПО «Древо добра», 2001. 288 с.

Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. I люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 207 б.

Пономарев К. А. Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Удм. НИИ ист., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: 1976. С. 5–14.

Попов А. Н. Краткая грамматика греческого языка: Пособие для учащихся средних и высших учебных заведений. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. 199 с.

Птицын А. Грамматика шведского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/grammatik/chasti_rechi3.asp#narechie

Пылма В. А. Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке: Автореф.... канд. филол. наук. Таллин, 1967. 47 с.

Пяль Э. Учебник эстонского языка. Таллин: Эст. гос. изд-во, 1955. 310 с.

Русская грамматика – Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.

Русский язык – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. А. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая энциклопедия; Дрофа. 1997. 704 с.

Сахно Е. М. Местоимения, категориально соотносительные с обстоятельственными наречиями, в системе ономаσιологических средств выра-

жения языковых смыслов // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. Т. 1. С. 197–200.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Скобелев Н. А., Пономарев Ф. Ф. Удмуртский язык. Грамматика и правописание для школ малограмотных. Ижевск: Удмгосиздат, 1934. 112 с.

СКЯ – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

СМЯ – Современный марийский язык: Морфология / Марийский НИИ яз., лит. и ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Соколов С. В. Пышкылон (звукоподражательной) кылъёс но междометие // Вордскем кыл. 1996. № 4. С. 69–73.

Соколов С. В. Пышкылон (подражательной) кылъёс // Туала удмурт кыл: Юрттйсь (служебной) вераськон люкетъёс: Студентъёслы дышетскон пособие. Азыпечатлос / Удм. кун ун-т. Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2004. 30–34-тй б.

Соч. 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17].

СРЯ – *Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учеб. для студ. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2003. 464 с.

Суханова В. С. Деепричастные наречия в коми языке: Автореф.... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1951. 32 с.

Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 148–166.

Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1975. С. 169–190.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981. 105 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Лексикология. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.

Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Jyväskylä, 1996a. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. С. 220–223.

Тараканов И. В. Удмурт кылын прилагательной тодметлэсь макем луэм-зэ возматйсь категория // Вордскем кыл. 1996б. № 4. 67–70-тй б.

Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 216–220.

Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.

Тараканов И. В. К вопросу о классификации разрядов местоимений в пермских языках // Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 113–119.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозаводский ин-т ЯЛИ. М.-Л.: Наука, 1964. С. 136–145.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып 21: Филология. С. 156–196.

ТГСЯЯ – *Иванова И. П., Буракова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.

Трощева М. П. Наречия в современных мордовских языках. Автореф... канд. филол. наук. Тарту, 1969. 24 с.

Удмурт кыллэн кылкабтодосэз – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко дышетскон издание (А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкуйтсь ред. Н. Н. Тимерханова). – Ижевск: «Удм. ун-т» книгапоттонни, 2011. 408 б.

УРС–Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов/А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М: Рус. яз., 1983. 592 с.

Федина М. С. Повтор как способ выражения усиления и интенсивности в коми языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки) 2–5 февраля 2000 г. / Правительство Респ. Мордовия, МНИИЯЛИЭ, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева: Редкол. М. В. Мошин (отв. ред.), Н. С. Алямкин, Д. В. Цыганкин и др. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 295–297.

Федюнова Г. В. Структурные типы коми наречий // Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Узловые проблемы

современного финно-угроведения» (Йошкар-Ола, Республика Марий-Эл, 14–18 ноября 1994г.). Йошкар-Ола, 1995а. С. 401–404.

Федюнева Г. В. Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикография коми языка / Труды ин-та яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН. Вып. 58. Сыктывкар, 1995б. С. 99–122.

Федюнева Г. В. К вопросу идентификации коми наречий // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1996. Pars V: Sessiones sectionum: Lexicologia & Onomastica. S. 30–35.

Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.

Цыпанов Е. [А.], Андреева Л. [А.] О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // LU. 2010. № 2 (XLVI). С. 102–111.

Части речи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://referatiya.ru/referaty/show_referat.php?referat=22678

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

Шахматов А. А. Из «Синтаксиса русского языка» // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 29–138.

Шибанов А. А. О проблеме наречно-изобразительных и звукоподражательных слов // Тезисы докладов 29-ой итоговой студенческой научной конференции / УдГУ; Отв. ред. А. А. Грызлов. Ижевск, 2001. С. 179–180.

Шибанов А. А. Структурные типы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов // Вордскем кыл. 2003. № 5–6. С. 39–44.

Шибанов А. А. О значении изобразительных слов в удмуртском языке // Linguistica Uralica. Tallinn, 2003а. 1 (XXXIX). С. 20–23.

Шибанов А. А. Звукоподражательные глаголы в пермских языках // Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета: материалы междунар. науч.-практ. конференции (20–21 октября 2005 г., Пермь) / отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2005(2006)а. С. 206–209.

Шибанов А. А. Изобразительные слова в пермских языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь) / отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. С. 265–270.

Шибанов А. А. О функционировании некоторых наречно-изобразительных и звукоподражательных слов северного диалекта удмуртского языка // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного диалога: Материалы I Межрегиональной и VII Международной

школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / Отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2006а. С. 390–393.

Шибанов А. А. Об изученности наречно-изобразительных и звукоподражательных слов в северном наречии удмуртского языка // Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков: Материалы Международной научной конференции «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвященной 80-летию проф. Д. В. Цыганкина (г. Саранск, 25–27 окт. 2005 г.). Саранск, 2007. Финно-угристика 7. С. 329–333.

Шибанов А. А. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова в удмуртском и чувашском языках // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. научн. конф-и «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященный 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н. И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.). В 2-х ч. Ч. I. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 96–98.

Шибанов А. А. Об изученности изобразительных слов в северном наречии удмуртского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск) / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2009а. С. 58–65.

Шибанов А. А. Звукоподражательные глаголы в финно-угорских языках // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 2010. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. С. 163–164.

Шибанов А. А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 49. № 34 (215). С. 133–137.

Шкляр И. А. Пропедевтическое изучение наречия как единицы языка и речи (Первая ступень двенадцатилетней школы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mirrabot.com/work/work_50731.html

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку / АН СССР. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 63–84.

Ыйснуу Яан. Грамматика эстонского языка. Ч. II. Таллин, 1992. 252 с.

Юдакин А. П. Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков: (Становление системы падежей). М.: «ГЛАС», 1997. 391 с., схемы, илл.

Яковлев И. В. Удмурт кылрадын: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87 б.

Aminoff T. G. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Yrjö Wichmann // JSFOu. 1986. 2 (XIV). P. 1–48.

Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammensetzung im Syrjänischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. Ural-altaische Bibliothek. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1969. 170 S.

Fuchs D. R. A lokativusz-féle határozók a votjákban // NyK. – (Budapest) 1906. – 36. szám. – 207–250., 399–447. old.

Fuchs D. R. Über die adverbialen Zahlwörter im Syrjänischen // FUF. 1913. XIII. S. 6–22.

Fuchs D. R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1949. XXX. S. 147–230.

ISK – Iso suomen kielioppi / Auli Hakulinen, Maria Valkuna. Riitta Korhonen, Vesa Koivisto, Tarja Riitta Heinonen, Irja Alho; päätoimittaja Auli Hakulinen / Suomalaisen kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2005. S. 638–671.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47) / Удмурт диалектъёс (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. «Удмурт вераськетьёс» 2). Turku; Iževsk / Турку; Ижевск, 1994. 368 s.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.

Raun A. Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1951. XXX. S. 376–389.

Ravila P. Über das finnisch-ugrische Komparativsuffix // FUF. 1937. XXIV. S. 29–58.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901. V+134 S.

Wichmann Y. Etimologisches aus den permischen Sprachen // FUF. 1914. XIV. S. 81–120.

Wichmann Y. Zur permischen Grammatik // FUF. 1924. XVI. S. 146–163.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884. 255 S.

Wiedemann F. J. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. St.-Petersburg, 1865. 261 S.

Veenker W. Verzeichnis der wotjakischen Suffixe und Suffixkombinationen. Hamburg, 1976. 81 S.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ал. Мир. Куж. – *Миронов А. С.* Кескич ужзы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 43–53.

Ал. Мир. Гд. – *Миронов А. С.* Гудыръян дыръя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 53–60.

А. Оки, Онш. – *Ашальчи Оки.* Онисьлэн шудэз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 22–23.

А. Увар. ПМкм. – *Уваров А. Н.* Пересь Мадейлэн кылбураса мадемъёсыз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 331–342.

Б. Вахр. Шкк. – *Вахрушев Б.* Шокчиз кысык кӧрык // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 309–322.

В. Смир. В. – *Смирнов В. Е.* Вожвыльгьяськон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 329–343.

Вуюись – Вуюись: Альманах. (Туала егитъёслэн творческой ужъёсы). Ижкар, 2003. 112 б.

В. Шир. Мк. – *Широбоков В. Г.* Мемилэн куараез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 344–346.

В. Шир. Лс. – *Широбоков В. Г.* Лъӧмпу сяськаяське // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 347–355.

Г. Вер. – *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятской губернии (= Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XIV, вып. 3). СПб., 1889. 198 с.

Г. Дан. Гп. – *Данилов Г. Д.* Гурт пумын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 198–210.

Г. Дан. Усв. – *Данилов Г. Д.* Улмопу сяськаян вакытэ // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 210–213.

Г. Крас. Вю. – *Красильников Г. Д.* Вуж юрт: Дилогия. Ижевск, 1976. 412 с.

Г. Крас. Кмк. – *Красильников Г. Д.* Кошкисез мед кошкоз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

Г. Крас. Кч. – *Красильников Г. Д.* Куиньмой чоже // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 22–32.

Г. Крас. Ок. – *Красильников Г. Д.* Оксана // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 32–39.

Г. Мед. Яр. – *Медведев Г. С.* Ярдурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 82–94.

Г. Мед. Вд. – *Медведев Г. С.* Выль дунне // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 100–113.

Г. Мед. Л. – *Медведев Г. С.* Лулпыжет // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 113–117.

Г. Пер. Нз. – *Перевоицков Г. К.* Нимысьтыз задание // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 101–121.

Ев. Самс. Арк. – *Самсонов Е. В.* Арама кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 285–294.

Ев. Самс. Сан. – *Самсонов Е. В.* Солдатлэн анаез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 294–306.

Ег. Загр. Гэ. – *Загребин Е. А.* Горд зустари // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 144–153.

Ив. Дяд. Бк. – *Дядюков И. Т.* Бадьпуос куашето // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 61–64.

Иг. Гавр. Вп. – *Гаврилов И. Г.* Вордйськем пальёсын. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 с.

Иг. Гавр. Шп. – *Гаврилов И. Г.* Шудо пумиськон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 209–217.

Иг. Гавр. Й. – *Гаврилов И. Г.* Йыромон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 220–238.

Иг. Гавр. Г. – *Гаврилов И. Г.* Гвардеецьёс: Повесть, война вылтй гожьям дневник но гоштэттьёс / Дасяз А. А. Ермолаев. Ижевск: Удмуртия, 1993. 232 с.

К. Герд, М. – *Кузубай Герд.* Матй // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 10–19.

Кенеш – Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Кенеш».

К. Кул. С. – *Куликов К. И.* Сэдык // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 245–261.

К. Лом. ВэнО. – *Ломагин К. Е.* Вождэ эн вай, Окыль // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 224–229.

К. Лом. Пк. – *Ломагин К. Е.* Пазгыськем кизилиос // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 229–233.

К. Митр. Сз. – *Кедра Митрей.* Секыт зйбет. Ижевск: Удмуртия, 1973. 148 с.

К. Митр. В. – *Кедра Митрей.* Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.

М. Вор. Тв. – *Воронцов М. С.* Тонэ вिति // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 189–208.

М. Иван. Нмсбв. – *Иванов М.* Нош мынам сад-бакчае вань // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 323–330.

М. Кельд. Б. – *Матвей Кельдов.* Бегентыло // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 65–81.

М. Кон. Л. – *Коновалов М. А.* Лизй // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 118–140.

М. Кон. Куöv. – *Коновалов М. А.* Кизилитэм уйёс öвöl = Нет ночей без звезд: Роман, рассказы, статьи, воспоминания, письма / сост. Ж. М. Баранова, М. В. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 2005. 360 с.: вкл. (На удм. и рус. яз.).

М. Лям. Б. – *Лямин М. А.* Бертон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 178–184.

М. Петр. Вп. – *Петров М. П.* Ваче пинь // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 141–153.

М. Петр. Вк. – *Петров М. П.* Вить кышкастыэмьёс // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 154–166.

М. Петр. Ш. – *Петров М. П.* Шумпотон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 166–177.

Н. Байт. Ккул. – *Байтеряков Н. С.* Куинь кызыпуос улын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 310–314.

Н. Бел. П. – *Белогов Н. Е.* Пус // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 262–280.

Н. Вас. Кта. – *Васильев Н. В.* Кин тон, атай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 70–89.

Н. Вас. Сф. – *Васильев Н. В.* Сурсвуэн фляжка // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 89–100.

Н. Самс. Чач. – *Самсонов Н. Я.* Чоръяло атастьёс Чуньышурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 177–182.

Н. Самс. Канк. – *Самсонов Н. Я.* Капка аязд ньыль кызыпуэд // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 182–190.

Н. Самс. Бчв? – *Самсонов Н. Я.* Бурмоз-а чигем вай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 190–197.

П. Куб. Т. – *Кубашев П. Н.* Тая // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 234–244.

П. Кул. Зч. – *Куликов П. В.* Зарни чорыг: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1992. 224 с.

П. Позд. Уск. – *Поздеев П. К.* Утыны сйзем кырзан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 154–168.

П. Позд. ДОл. – *Поздеев П. К.* Даньвыр Олексан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 168–177.

П. Черн. Снн. – *Чернов П. К.* Сйзьыл нуналэ нюлэскы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 122–128.

П. Черн. Мёзм. – *Чернов П. К.* Мёзмон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 128–138.

П. Черн. Тп. – *Чернов П. К.* Тоды пидвыл // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 138–143.

Р. Вал. Ча. – *Валишин Р. Г.* Чырс арьян // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 40–48.

Р. Вал. Уп. – *Валишин Р. Г.* Узвесь пыры // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 48–57.

С. Самс. В. – *Самсонов С. А.* Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

С. Самс., Мвс. – *Самсонов С. А.* Можвайын вал со // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 58–69.

С. Ших. Тув. – *Шихарев С. Т.* Тае ум вунэтэ. Ижевск: Удмуртия. 1965. 96 с.

С. Ших. М. – *Шихарев С. Т.* Мина // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 254–270.

С. Ших. Огыб. – *Шихарев С. Т.* Огпол ыбыса // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 271–276.

Т. Арх. Опп. – *Архинов Т. А.* Одыг пол приёмын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 185–188.

УД – общественно-политическая газета «Удмурт дунне».

Удмурт литература – Удмурт литература: 6-тый класслы учебник-хрестоматия / Дасязы Г. А. Ушаков, В. Л. Шибанов. Ижевск: Удмуртия, 2003 с.: ил

Уль. Бадр. Млч. – *Бадретдинов Ульфат.* Мар луоз чуказе: Веросьёс но пьеса. Ижевск, 1991. 63 б.

Ф. Пукр. М. – *Пукроков Ф. П.* Макмыр // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Г. В. Романова. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 281–295.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) названий деревень

НК – д. Нижняя Кузьма Глазовского р-на

Пш – д. Пусошур Глазовского р-на

Тш – д. Трубашур Глазовского р-на

б) языков и диалектов

венг. – венгерский язык

вс. – верхнесысольский диалект коми языка

доперм. – допермский язык

к. – коми язык

кя. – коми-язьвинский диалект

лл. – лузско-летский диалект коми языка

мар. – марийский язык

нв. – нижевычегодский диалект коми языка

нган. – нганасанский язык

общеп. – общепермский язык

ок. – коми-пермяцкие диалекты Коми-Пермяцкого округа

саам. – саамский язык

скр. – присыктывкарский диалект коми языка

уд. – удорский диалект коми языка

удм. – удмуртский язык

ф. – финский язык

хант. – хантыйский язык

ц.-сл. – церковно-славянский язык

чув. – чувашский язык

эрз. – эрзянский язык

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Список слов, отнесенных к наречиям в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка» (1775)

<i>Кызи</i>	какъ
<i>ози</i>	такъ
<i>сотусьёмъ</i>	такъ же
<i>кэня, мында</i>	елико, сколь, коль
<i>ятырь, ятыргёмъ</i>	много, поболше
<i>поқи, поқицгёмъ</i>	меньше, поменьше
<i>ици</i>	мало, не много
<i>солэсяна</i>	особливо
<i>нимазъ</i>	поразнь
<i>тужгёмъ</i>	очень, весьма
<i>тамында</i>	только
<i>сомында</i>	столь
<i>быдэскынъ</i>	совсемъ
<i>унд</i>	много, обильно
<i>поқицгёмъ</i>	по маленьку, вкратцѣ
<i>кальёнъ и каллэнгёмъ</i>	по тихоньку, тихо
<i>весьци</i>	мѣлко
<i>лазэкъ</i>	въ вводѣ мѣлко
<i>мырдёнъ</i>	чуть, насилу, едва
<i>кема</i>	долго
<i>кемагёмъ</i>	долгонько, подолѣе
<i>дзецкёмъ</i>	полутче
<i>од или ози</i>	да, такъ
<i>зёмъ, ози, сяменикъ</i>	подлинно, всеконечно, истинно

<i>укатайкъ</i>	наипаче, паче
<i>секытъ</i>	тяжело
<i>кацѹ</i>	легко
<i>шонёръ или зёмъ</i>	правда
<i>эвэлъ</i>	нптгъ
<i>нокизѹно</i>	никакъ
<i>нимаръ сямённо</i>	ни коимъ образомъ
<i>алдауръ</i>	напрасно
<i>сомындагинеа</i>	не только ли
<i>нокызѹно номѹрно</i>	отнюдь, нимало, ничего
<i>валѹ</i>	вмѣстѣ, вообще, купно
<i>куспамъ</i>	межъ собою
<i>бырѹитѣкъ</i>	безъ разбору
<i>покцигёмъ пунѹсъ</i>	вкратцѣ
<i>одыгёнъ дырѹа</i>	на единѣ
<i>одѹккатъ</i>	равно
<i>чочкытъ</i>	равно на земли
<i>сѹгине</i>	только
<i>эсепъ картѹкъ</i>	не разсудно
<i>туннѣ</i>	днесъ, нынѣ, сево дни
<i>али</i>	теперь
<i>ужжѹ</i>	уже
<i>чуказе</i>	заутра
<i>джѹтъ</i>	поздно
<i>кунэ</i>	донелѣ, дондеже
<i>уажѹкъ дѹрѹа</i>	древле, вѣстарину, искони
<i>толѹнъ</i>	вчера
<i>азлвѹлъ</i>	прежде, первѣе
<i>отѹсъ</i>	оттолѣ, оттуда
<i>чукна</i>	рано, по утру
<i>курытъ</i>	горько
<i>татѹнъ</i>	здѣсь
<i>татѹ</i>	сюда
<i>отѹнъ</i>	тамъ
<i>мызѹнъ, азѹнъ</i>	индѣ
<i>пучказъ</i>	внутри
<i>вылѹнъ</i>	горѣ, въ верху

<i>улынь</i>	въ низу
<i>матынь</i>	близь
<i>кыдїокынъ</i>	далече
<i>азьла палынъ</i>	въ переди
<i>пунить</i>	противу
<i>мыдмыдъ палысь</i>	обоюду, отвсюду
<i>татысь</i>	отсюду
<i>кышыськѣно</i>	откуда ни будь
<i>берлапалысь</i>	со зади
<i>отцїи</i>	туды
<i>кытцїкѣно</i>	куды ни есть
<i>поть</i>	вонъ поди
<i>церѣру, тужъ цеберъ</i>	хорошо, изрядно, прїятно
<i>тодїи</i>	бѣло
<i>югыть</i>	свѣтло
<i>шудырь</i>	весело
<i>вѣжъ</i>	зелено
<i>сѣдъ</i>	черно
<i>цїѣжъ</i>	желто
<i>лызь</i>	синїо
<i>кўзь</i>	долго
<i>пеньмыть</i>	темно
<i>напъ</i>	густо
<i>пѣсь</i>	горячо
<i>кѣсь</i>	сухо
<i>котъ</i>	мокро
<i>небыть</i>	мягко
<i>цюрыть</i>	жестокѣ
<i>урѣдъ</i>	худо
<i>визмѣ</i>	разумно
<i>цѣскыть</i>	сладко
<i>мудиры</i>	мудро, мудрено
<i>буръ палѣкутъ</i>	правую сторону держи
<i>котырь, котыразъ</i>	окрестъ
<i>шарѣ</i>	явно
<i>лучкѣнъ ворутызь</i>	тайно, воровски
<i>цѣль</i>	скоро

<i>пыра́зь или пыртѣзь</i>	сквозь
<i>ше́ръ</i>	рѣдко, изрѣдка
<i>пертэмъ</i>	многообразно
<i>кѣкъ куинь</i>	сугубо, двояко
<i>ту́жъ окмѣзь</i>	довольно будетъ
<i>эжотэнъ</i>	по части, по немногу
<i>уноэнь</i>	по многу
<i>одѣкъ пѣль</i>	единою, единожды
<i>кѣкъ пѣль</i>	дважды
<i>квѣнь пѣль</i>	трижды
<i>нѣль полъ</i>	четырежды
<i>вѣть полъ</i>	пять разъ
<i>сѣуполь</i>	сто разъ, стократно
<i>сѣльбэрысь</i>	по семь, послѣ того
<i>палэнь</i>	прочь
<i>артэ</i>	рядомъ, по ряду
<i>ношина</i>	паки, еще
<i>алдауръ</i>	ложно, напрасно
<i>марлыкѣно</i>	чему не быть
<i>мѣнэ на</i>	почто, за что, чего ради
<i>сѣльмѣсь</i>	усердно
<i>ятырдѣмъ</i>	паче, больше
<i>мызѣнь сямэнъ</i>	иначе
<i>кытѣсь</i>	откуда
<i>кѣтци</i>	куда
<i>ку</i>	когда
<i>кытѣцѣзь</i>	доколѣ
<i>сѣку</i>	тогда
<i>а</i>	или, ли
<i>тужгемъ цѣбэръ</i>	весьма хорошо
<i>шеттѣкъ шорысь</i>	внезапу, нечаянно
<i>мызѣнь</i>	въ протчемъ
<i>я</i>	ну
<i>ой или обебъ</i>	ой больно

**2. Список слов, отнесенных к наречиям в книге
«Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный
и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви
священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года»**

<i>арлыбыде</i>	ежегодный и ежегодно
<i>артё</i>	вообще, общій, смѣжный
<i>асмактазь</i>	безъ ума какъ скотина
<i>аску или аскы</i>	завтра
<i>асла́мъ сямёнь</i>	побратски
<i>асъ-визмынызь</i>	наизусть
<i>бенъ кинъ кинъ</i>	аименно
<i>берёнъ</i>	назадъ
<i>берлапалась</i>	позади
<i>берысь</i>	позади
<i>буразъ</i>	направо
<i>быдестёмъ</i>	совершенно
<i>быттырызь</i>	совсем, до основания
<i>валаса</i>	совниманіемъ
<i>велись</i>	теперь, вновь
<i>вожь лыктёмъ</i>	гневно
<i>возитёкъ</i>	безстыдно
<i>всякой палась</i>	отвсюду
<i>вылызь</i>	вновь
<i>вылынъ</i>	выше
<i>выць</i>	все
<i>гинё</i>	только
<i>данакъ</i>	до основанія
<i>джог гинё</i>	вѣмигъ, поспѣшно
<i>джокыть</i>	душно
<i>дзець бырьёмъ</i>	преизбранно
<i>дзець мылкыть понна</i>	добровольно
<i>долакъ</i>	дооснованія
<i>дуг дытёкъ</i>	непрестанно, непрестанный
<i>дырызь дырья</i>	вовремя, благопретменно
<i>еждоть</i>	отчасти
<i>жалятёкъ</i>	нежалостно
<i>зекъ яскыса</i>	гордо

<i>земь</i>	нешутя
<i>земь земь</i>	конечно
<i>золъ</i>	крѣпко
<i>исаскытѣкъ</i>	безшутокъ
<i>јицигинѣ</i>	маленко, немношко
<i>јициѣнъ</i>	помалу, отчасти
<i>јицинъ жицинъ</i>	понемножку
<i>калгинѣ</i>	теперь, только
<i>калѣкъ сямѣнъ</i>	по народному обычаю
<i>каль</i>	нынѣ, теперь
<i>канилѣнъ</i>	нескоро, тихо, потихонку
<i>капциѣнъ</i>	легко, слегка
<i>каръ нуналь</i>	по(?)я дни
<i>квинл(?)</i>	натри части
<i>кемà</i>	долго
<i>кемà карысà</i>	продолжительно
<i>кемалàсь нì</i>	давно уже
<i>кемалàсь эвыль</i>	недавно
<i>кем</i>	умѣренно
<i>киувацѣ</i>	немалое время, въ скоромъ времени
<i>котрãть</i>	отосюду
<i>котѣрь</i>	около, кругомъ
<i>ку</i>	когда
<i>куднялã</i>	доколѣ
<i>кудъ дырѣя</i>	временемъ
<i>кузмасà</i>	даромъ
<i>кукенò</i>	когданибудь, нѣкогда
<i>кулытѣкъ</i>	безсмертно
<i>кыдìòкынгѣмъ</i>	далѣе
<i>кыдìòкысѣнъ</i>	издалека
<i>кыдìòкысѣ</i>	издали
<i>кызи</i>	какъ
<i>кызи ози</i>	какъ такъ
<i>кызыкенò или кызыкѣ кызыкѣ</i>	какънибудь
<i>кызыпòль</i>	двадцатью
<i>кыйкан-сямѣнъ</i>	звѣрски
<i>кыкѣпòль</i>	дважды

<i>кыстысь кенó</i>	откуданибудь
<i>кытынь</i>	гдѣ
<i>кытынъкѣ</i>	негдѣ, ежели гдѣ
<i>кытынъкѣно</i>	гдѣнибудь
<i>кытысь</i>	откуда
<i>кыци</i>	куда
<i>кытциóзь</i>	докоторыхъ мѣсть, до колѣ
<i>кышино сямѣнь</i>	женски, поженски
<i>лекóсь йици</i>	мало очень
<i>лучкѣмъ</i>	украдкою
<i>лэсянá</i>	опричь, кромѣ
<i>люкасá люкасá</i>	кучами, грудно
<i>лякыть кыллэмъ вуремъ</i>	краснорѣчиво
<i>макѣ дырья</i>	въ нѣкоторое время
<i>манергѣ</i>	какимъ образомъ
<i>марькенó</i>	чтонибудь
<i>матысь</i>	изблизы, изблиски
<i>могасá</i>	медленно
<i>могатѣкъ</i>	немедленно
<i>музонъ</i>	впрочем
<i>мукѣтъ азѣ</i>	инуда
<i>мукѣтъ азинъ</i>	инде
<i>мукѣтъ интиазисъ</i>	изъ инова мѣста
<i>мукѣтъ пала</i>	въ иную сторону
<i>мукѣтъ сямѣнь</i>	иначе, инымъ образомъ
<i>мукѣтѣкъ</i>	ненаочно
<i>мыль-кыдámъ</i>	пожеланию
<i>мырдѣнь</i>	насилу, чуть едва
<i>мырдѣнь мырдѣнь</i>	едва не
<i>мырдѣнь ни</i>	насилу, еще, едва еще
<i>мырдѣяса</i>	насилно
<i>ниль полъ</i>	четырежды
<i>нимáзь</i>	порознь, особливо, особно
<i>нимынъ нимынъ</i>	аимянно, поименамъ
<i>нокытыннó</i>	нигдѣ
<i>ношнá</i>	ещежь
<i>ношнабѣнь</i>	но еще

<i>ношнѧно</i>	еще, и
<i>огьпѧль и оградѧ</i>	однажды
<i>огья́</i>	заодно
<i>одыгѧнѧ</i>	поодному
<i>ози́</i>	такъ
<i>ози́ кызи́</i>	такъ, какъ
<i>озьтѧзѧ</i>	всячески
<i>окмѧзѧ</i>	довольно
<i>оллѧ</i>	иногда
<i>оллокеня́ полѧ</i>	нѣсколько разѧ
<i>оллѧ керѧкъ</i>	можетъ быть
<i>оллѧ кудѧ дырья́</i>	въ нѣкое время
<i>орци́тъ</i>	чрезмѣрно, лютой, жестокой
<i>орциѧнѧ сямень</i>	мимоходомъ
<i>осконѧ</i>	вѣрно
<i>отыни́къ</i>	тамъгде
<i>отынѧ</i>	тамъ
<i>отынѧнѧ тотыннѧ</i>	итакъ и сякъ, то такъ, то иначе
<i>отѧсь</i>	оттуда
<i>отцы́</i>	туда
<i>отцы́ику</i>	тудаже
<i>пастанѧ</i>	вездѧ
<i>педлася́нѧ</i>	снаружи, извне
<i>педлѧ</i>	вонѧ
<i>педлѧнѧ</i>	надворѧ
<i>поки́иинѧ</i>	помалу
<i>праказѧ</i>	вѣчно
<i>приданкатѧкъ</i>	безприданова
<i>пумѧзѧ</i>	наконецъ
<i>пумитѧзѧ</i>	навстрѣчу
<i>пумья́мѧ</i>	вконецъ
<i>пунемѧнѧ</i>	взаимно
<i>пучка́зѧ</i>	внутрь
<i>синкыртыштыса́</i>	въ мигъ
<i>соберѧ</i>	потомъ
<i>соинѧзѧ</i>	въ томъ самомъ
<i>со куспы́нѧ</i>	между тѣмъ

<i>суратѣкъ</i>	безпримѣсу
<i>сюлмаскитѣкъ</i>	безсомнѣния
<i>сямѣнь</i>	известно, наподобіе, вправду, подлинно
<i>сямь</i>	правда, такъ
<i>сямó сямó</i>	воистину, всекончно
<i>тадырѣ озь</i>	доселѣ
<i>тадырѣя</i>	понынѣ
<i>тазь</i>	такъ
<i>тапаланѣ</i>	посю сторону
<i>тапалтї</i>	поздѣшнюю сторону
<i>татї</i>	сюда чрезъ сіе мѣсто
<i>татизѣ</i>	отнынѣ
<i>татѣнѣ</i>	здѣсь
<i>татѣсь</i>	отсюду
<i>татцї</i>	сюда
<i>татцї озь</i>	до сихъ мѣсть
<i>текъ токма</i>	всуге
<i>толалтѣ</i>	зимою
<i>толонѣ</i>	вчера
<i>трдѣсь</i>	довольно, изобильно
<i>тужѣ</i>	весьма, очень
<i>тужѣ їррѣ курѣ</i>	(?)дно
<i>тужѣ лесїон</i>	наипаче
<i>туннѣ</i>	сего дня
<i>тусѣтѣмѣ</i>	некрасно, некрасиво
<i>тынѣ</i>	вотъ
<i>тямысь пѣль</i>	осмью
<i>увазьналѣ</i>	третьега дня предѣ. днемъ
<i>увалянѣ</i>	прежде
<i>уваменакѣ</i>	на крестѣ, поперекѣ, напротивѣ
<i>увацѣнѣ</i>	напротивѣ, противѣ
<i>уйбытѣ или уйбытакѣ</i>	чрезъ всю ночь
<i>улланѣ</i>	ниже
<i>уссѣ</i>	послѣ завтра
<i>утитѣкъ</i>	безразбору
<i>уцѣраса</i>	послучаю

<i>цякàкъ</i>	равно как, точно
<i>чаль</i>	тотчасъ
<i>ч(?)акъ</i>	спѣшно, скоро весьма
<i>чемь, чемь</i>	часто очень
<i>шонера̀мь</i>	исправно
<i>шониртѣмь</i>	неправо
<i>шуда̀зъ</i>	напользу
<i>шуда̀мь</i>	впользу
<i>шумьпотыса̀</i>	съ охотою
<i>эжотъэзъ</i>	мало ли
<i>яла̀мь</i>	всегда
<i>ялла̀мь кадъ</i>	всегда почти
<i>ятыргѣмь</i>	побольше
<i>ятырь поль</i>	множественно

**3. Список слов, отнесенных к наречиям в книге
«Краткой отяцкія грамматики опытъ» М. Могилина (1786)**

<i>огнязь</i>	такъже, одинако
<i>кеня́</i>	сколь
<i>сомында́</i>	столь, толь
<i>яты́ръ</i>	много
<i>ятыр-гёмъ</i>	поболше
<i>унó, тужь</i>	очюнь, весма
<i>дурустёмъ или дуръстемъ</i>	чрезвычайно
<i>ици, ежіо́тъ</i>	мало
<i>ежетьгёмъ</i>	маленко
<i>мыдъ-мыдланъ</i>	особливо, раздѣлно
<i>вылды́</i>	иногда
<i>огазё, чочь</i>	вмѣстѣ, совокупно
<i>іёнѣикъ</i>	совсѣмъ
<i>канилёнь, каньялёнь</i>	тихо
<i>векци́</i>	мѣлко
<i>мырдёнь, мырдёникъ</i>	чуть, едва насилиу
<i>кема́, далаикъ</i>	долго
<i>кемагёмъ</i>	долгонко
<i>дзець</i>	хорошо
<i>яралóзь</i>	изрядно
<i>шонёръ озъ</i>	право такъ
<i>шонерь-вацягъ</i>	всеконечно
<i>сойзь-увáнь</i>	сирѣчь, то-есть
<i>нимáзь</i>	имянно
<i>таза́</i>	щастливо
<i>узъ</i>	может быть
<i>эвель, эй, эзъ</i>	нѣтъ
<i>ейлó, угъ, умъ, узъ</i>	нѣтъ никакъ
<i>пракъ</i>	дандеже, до тѣх поръ
<i>чикъ эвѣнни, эй</i>	ни мало, ничего
<i>куспѣнь, куспамъ</i>	межь собой
<i>куспáдъ</i>	тоже
<i>чикъ-воскитёкъ</i>	безъ разбору
<i>вакци́-ежѣтъ</i>	вѣкратцѣ
<i>огня́мъ</i>	наединѣ
<i>окка́дъ, оккадикъ</i>	равно

<i>ойдо-лишь</i>	лишь-только
<i>лесянá</i>	кромѣ
<i>палянъ</i>	на лево
<i>берланъ</i>	на право
<i>ярантѣмъ</i>	по дурному
<i>тунне</i>	сегодня
<i>каль</i>	теперь
<i>тань</i>	уже
<i>аскы́, чуказé</i>	завтра
<i>джитазé, джитълапаль</i>	вечере, поздно
<i>увалліонъ</i>	древле въ старину
<i>толонъ</i>	вчера
<i>толонéзь-уваллянь</i>	за день попрежде
<i>уссé</i>	послѣ завтра
<i>увалліонгéсь</i>	по прежде
<i>дунтѣмъ</i>	дешево, туне, безъ пошлинно
<i>велісь</i>	сперва, вново
<i>олласéнь</i>	оттолѣ
<i>кукэно</i>	когда ни есть
<i>татынь</i>	здѣсь
<i>отынъ, отцы́</i>	тамъ, туда
<i>тацы́</i>	сюда
<i>кыцы́</i>	куда
<i>мукетазинъ</i>	индѣ
<i>кытысéнь</i>	от и куда
<i>педласéнь</i>	извнѣ
<i>валланъ</i>	вверхъ
<i>валлангéсь, вылегéсь</i>	повыше
<i>улланъ</i>	внизъ
<i>улангéсь</i>	пониже
<i>матынь, матé</i>	блиско
<i>кыдіокынъ, кыдіокé</i>	далече
<i>оллангéмъ</i>	подалше
<i>азлó</i>	напередъ
<i>шорынъ</i>	прямо, противу
<i>котракъ</i>	обоюду, кругомъ
<i>татысéнь</i>	отсюду
<i>отысéнь</i>	оттуду

<i>кытысѣнь-ке</i>	откудунибудь
<i>мыдѣ-мыдласенѣ</i>	отовсюду
<i>берласенѣ</i>	созади
<i>азласенѣ</i>	спереди
<i>татѣ</i>	сюды
<i>отѣ</i>	туды
<i>кытѣы-ке</i>	кудынієсть
<i>педлѣ</i>	вонѣ
<i>отѣ-татѣ</i>	туды-сюды
<i>отысѣ-татысѣ</i>	отюдѣ да отикудѣ
<i>берланѣ</i>	вспячь обратно
<i>аяйцебѣрь</i>	куда хорошо
<i>цеберѣсѣ</i>	хорошенко
<i>шетѣмѣ</i>	по дурному
<i>цяскѣитѣ</i>	сладко
<i>пѣртѣмѣ</i>	мудрено-право
<i>кѣтырь</i>	окрестѣ, кругом
<i>синазинѣ</i>	явно
<i>лушкѣмѣ</i>	тайно, воровски
<i>цяль, жогѣ, серѣкѣ, черѣкѣ</i>	скоро, поспѣшно
<i>пырь</i>	сквозѣ
<i>токма</i>	напрасно, попустому
<i>шерѣ</i>	реденко
<i>карѣ-бирѣ-сяменѣ</i>	многообразно, различно
<i>кыкѣ-тетѣ</i>	двояко, двократно
<i>окмозѣ, окмизѣ</i>	доволно
<i>цикѣ-озѣкѣ-лесѣ</i>	такѣ отчасти
<i>мултѣсѣ</i>	по многу, сълишкомѣ
<i>окпѣлѣ</i>	однажды
<i>кыкѣ-пѣлѣ</i>	дважды
<i>квинѣ-пѣлѣ</i>	трижды
<i>нилѣ-пѣлѣ</i>	четырежды
<i>вить-пѣлѣ</i>	пять разѣ
<i>сюпѣлѣ</i>	сторицею, сотью
<i>соберѣ</i>	послѣ
<i>кудызѣ-кудызѣ</i>	протчєє
<i>долакѣ</i>	рядомѣ
<i>нощѣ, ныщнѣ, на</i>	ещє

<i>бордóзь</i>	даже
<i>ку-кёдыръя</i>	по случаю, временемъ
<i>пьямь</i>	ложно
<i>мъердэникъ</i>	чему не быть, то и есть
<i>малы, марь, мась</i>	почто, за чъм, чево ради
<i>сюлмысь</i>	усердно, от всего сердца
<i>юнь, тужь</i>	паче, болѣе, болно, жестоко
<i>сямёнъ</i>	право, истинно
<i>мукеть-сямень</i>	иначе
<i>кудысь</i>	откуда
<i>ку</i>	когда
<i>кытціозь</i>	доколѣ
<i>со-ку, со-ку-дырья</i>	тогда
<i>со-понна, та-понна</i>	сего ради, вотъ для чево
<i>здругъ</i>	внезапу, нечаянно
<i>чукна, чукначукъ</i>	поутру, рано
<i>увазняль</i>	третьево дни
<i>тызналь</i>	оногдась
<i>солесь-уссе</i>	послѣ завтра
<i>кыкъ-чібчёнъ</i>	въ двоёмъ
<i>квинь-чібчёнъ</i>	въ троёмъ
<i>вить-чібчёнъ</i>	въ пятеромъ
<i>дась-чібчёнъ</i>	въ десятеромъ
<i>умой, яранó</i>	ладно, хорошо
<i>керъ</i>	страшно
<i>пунемёнъ</i>	займообразно
<i>чемь</i>	часто
<i>тумошó</i>	чудно, надиво
<i>беръ</i>	поздо
<i>толалтэ</i>	зимусь, т. е. прошедшей зимы
<i>орцемъ-тульысь</i>	веснусь
<i>орцемъ-сизиль</i>	осенесь
<i>орцемъ-гужемь</i>	лѣтось
<i>сябáсь</i>	рѣчь поздравительная въ компаніи за здравіе другъ друга
<i>кужмóлы</i>	богъ на помощь, говорится на работах
<i>тау́</i>	рѣчь благодарности

4. Способы образования наречий в учебнике А. А. Поздеевой «Удмурт кыл грамматика. Нырысетй локетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы» (1949)

Наречиос пӧрмемзыя но вераськон кылын кылдэмзыя луо:

1. Мукет кылъёсысь, вераськонлэн мукет локетъёсысьтыз, пӧрмытымтэ наречиос: *туж, укыр, токма, юри, ичи, пыр, вазь* но мукет.

2. Существительнойёслэсь пӧрмем наречиос:

а) лэсьтон падежлэн формаеныз: *пыдын, лекын, йыркурэн, уин, люкен-люкен, кийыгыриен* но мукет;

б) интыян падежлэн *-ысь* формаеныз: *сюлмысь, кужмысь* но мукет;

в) *-быт* суффиксэн: *гужембыт, толбыт, уйбыт* но мукет;

г) *-скын, -сын, -кын* суффиксьёсын: *арняскын, нуналсын, арсын, часкын* но мукет.

3. Луонъя падежын местоимениос наречие значениен луо: *монъя, тонъя, соя, мия, тійя, соосъя*.

4. Числительнойёслэсь пӧрмем наречиос:

а) *-ой (-ёй), -ойсын (-ёйсын)* суффиксьёсын: *кыктой, ньылёй, дасойсын, ньылёйсын*;

б) *-эн, -ен* падеж формаен: *оген, кыкен-кыкен* но мукет.

5. Наречиосысь ик выль значениен пӧрмем наречиос:

а) *-ак (-як)* суффиксэн: *ваменак, сэрытак, ёсогак, чаляк* но мукет;

б) *-эн (-ен)* суффиксэн: *ёошен, лушкемен, ёсоген, вазен* но мукет.

6. Качествоосты нимась кылъёс, формаэс воштытэк, предложение пыро наречие значениен: *умой, зеч, чебер, шулдыр, яркыт, зол, юн, лек, капчи, секыт* но мукет.

7. Качествоосты нимась кылъёс бордысь *-тэм, -мыт, -ысь* суффиксьёсын: *умойтэм, лачмыт, выльысь* но мукет.

8. Дырез нимась кылъёс, формаэс воштытэк, предложение пыро наречие значениен: *гужем, сйзъыл, тулыс, чукна* но мукет.

9. Интыез нимась кылъёс интыян падеж формаосын: *улын, вылын, дорын, азын, берын* но мукет. Озыь ик *-ысь, -ысен, -э, -озь, -этий, -лань* кылпумъёсын: *улысь, вылэ, азылань* но мукет.

Та наречиос вераськон кылын шедьыло лицоез возыматйсь формаосын ёош: *дорам, дораз, събрамы, азыналтймы* но мукет.

10. Действиез суредась междометиос выллем кылъёсысь пörмем наречиос: *чильыр-р вазе нюлэсын, жалъыр вия, ёаштыр лыктэ, бугыр потэ (ёын), лакыр сие* но мукет.

11. Междометиос выллем кылъёсты ик кык пол вераса пörмытэм наречиос: *лучыр-лачыр вазиз, чильк-чалък вазе, жалътыр-жалътыр миське, жульыр-жалъыр пылаське, кез-куаж кезяз* но мукет.

12. Кык кылысь пörмем наречиос: *котъкытысь, котъкытчы, нокытын, олокытын, вачепумит, азьпалан, берпалан, выллапалан, уллапалан, сёрпалан, огдыръя, куддыръя, олоку, ноку, котьку, нуназе, ёсытазе, собере, табере* но мукет.

13. Кыче ке радэн, системаен глаголлэсь признаксэ возматйсь сложной (одйг кылэз кык пол вераса пörмем) наречиос: *радэн-радэн мыно, кыкен-кыкен керттоно* но мукет.

14. Значенизэс кужмоятыны понна кык полэс верам наречиос: *вож-вож ёсужсаз, етйн лыз-лыз чимья, выж юг-юг тöдвы миськемын, мырдэм-мырдэм вуи* но мукет.

Озыи ик: *мыд-мыдлань, мыд-мыдпалась, мыд-мыдпала, мыд-мыдпалан* наречиос.

15. Пумит луись значениен кылъёслэсь (антонимёслэсь) пörмем наречиос: *пумтэм-йылтэм кыстйське бусы, олань-талань шонаське, озы-тазы вераське, отын-татын, куке-соку* но мукет.

16. Дырез нимась кылъёс борды послелог ватсаса пörмытэм наречиос: *нуназе бере, ёуказе бере, арлы быдэ* но мукет.

17. Ялан ёош верано кылъёс наречие выллем значениен предложение пырыло:

а) интыян падежлэсь формаоссэ кутыса: *арысь аре, нуналысь нуналэ, ёузнаысен ёсытозь, бёрсьысь бёрсьы, артысь артэ, дырыз дыръя* но мукет;

б) кык наречиос бордысь ке частицаен пörмыса, умой-умой тодымтэз возматйсь наречиос: *кызы ке озы, кытын ке отын, кытысь ке отысь, кытчы ке отчы, кытй ке отй, кудлань ке солань* но мукет;

в) отрицательной суффиксэн причастиос *шорысь, вылысь* кылъёсын ёош: *малпамтэ шорысь, витъымтэ шорысь, пыдын ветлымтэ вылысь* но мукет.

Научное издание

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Уральского отделения РАН
(решение Конкурсной комиссии УрО РАН от 6 июня 2012 г.)

Печатается по решению ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Удмуртского института истории, языка и литературы
УрО РАН и НИСО УрО РАН

Алексей Александрович Шибанов

НАРЕЧИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Дизайн обложки – В. Е. Романов
Компьютерный набор – А. А. Шибанов
Оригинал-макет – И. В. Широбоква

НИСО УрО РАН № 40(12).
Подписано в печать 7.09.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,96.
Тираж 300 экз.
Заказ № 5361.

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук.
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.

Отпечатано в ОАО «Ижевская республиканская типография».
426057. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

НАРЕЧИЯ

А.А. Шибанов

**В УДМУРТСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Монография посвящена изучению категории наречия в современном удмуртском языке. Привлечение сравнительного материала из ряда родственных финно-угорских, а также неродственных языков, имеет целью проследить общие и отличительные явления в формировании этой части речи, выявить закономерности в лексическом использовании, в морфологическом оформлении и в синтаксическом употреблении наречий, которые характеризуют удмуртский язык в сравнении с другими языками.